

38/8
11

40

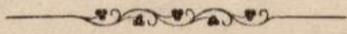
ИЗЪ БИБЛИОТЕКИ
А. П. СУББОТИНА
№ 1905

S.S.R.-Држ.К
Б.-Ув.-С.С.Р.
r. 860

КУСТАРНЫХЪ ПРОМЫСЛАХЪ

КУРСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Упр
Ч

270/072
3

~~ГП~~ Уз.

КУРСКЪ.

Типографія Губернскаго Земства.

1885.

1043776

Описаніе промысловъ, вошедшихъ въ этотъ докладъ, предпринято по поводу предстоящей выставки кустарныхъ издѣлій и служить дополненіемъ къ изданному раньше Статистическимъ Бюро выпуску.

Докладъ имѣетъ цѣлю ознакомить съ организаціею и условіями существующихъ промысловъ, безъ чего немислимы практическія мѣропріятія земства, направленныя къ поддержанію этого рода промышленности.

Онъ составленъ на основаніи матеріаловъ Статистическаго Бюро, разработка котораго поручена была Н. А. Добротворскому.

Составленію описанія Грайворонскихъ промысловъ въ значительной степени способствовалъ членъ Грайворонской Земской Управы Н. С. Вавинъ.

Членъ Распорядительнаго Комитета выставки *Н. А. Вернеръ.*

Разрѣшено г. Курскимъ Губернаторомъ 7 сентября 1885 г.

1885
124344

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	<i>Стран.</i>
Введеніе	1--38
I. Производство скатертей въ сл. Борисовкѣ, Грайворонскаго уѣзда	39.
II. Кожевенное и сапожное производство	48.
III. Иконописный промыселъ	105.
IV. Обдѣлка иконъ въ кіоты	127.
V. Производство кіотъ	136.
VI. Каменотесный промыселъ	144.
VII. Горшечное производство	153.
VIII. Овчинное производство	177.
IX. Гладильщики кушаковъ	184.
X. Производства изъ дерева:	
a) Производство лукошекъ	186.
b) Производство оконныхъ рамъ	189.
c) Производство ручекъ для косъ	191.
d) Производство боронъ	192.
e) Производство ящичковъ для яицъ	193.
f) Производство грабельниковъ	195.
g) Производство углей.	196.
h) Производство сундуковъ	198.
i) Производство дугъ	206.
XI. Добываніе охры.	217.
XII. Производство курительныхъ трубокъ	222.

Для большей ясности разобьемъ всѣхъ домохозяевъ этихъ таблицъ на двѣ группы: 1) имѣющіе болѣе 9 дес. и 2) имѣющіе менѣе 9 дес. на дворъ. Такимъ образомъ, выходитъ, что по всѣмъ семи уѣздамъ:

	Всего	Домохозяевъ 1-й группы (имѣющихъ болѣе 10 дес.)	Домохозяевъ 2-й группы (имѣющихъ менѣе 10 дес.)
у крестьянъ общинниковъ	13633 или 15,7%	73209 или 81,3%	23181 „ 66,4%
у крестьянъ четвертныхъ	11752 „ 33,6	96390 „ 79,2%	
Всего	25385 „ 20,8		

Значитъ, изъ общаго числа 121775 надѣльных домохозяевъ лишь 20,8% владѣютъ достаточнымъ количествомъ земли и могутъ прокормиться отъ своихъ надѣловъ, не испытывая особенной нужды и не прибѣгая ни къ какимъ стороннимъ средствамъ. Остальные же 79,2% владѣющіе участками, не достигающими высоты предѣльнаго мѣншима, которымъ опредѣляется „достатокъ“, или по крайней мѣрѣ возможность безбѣднаго существованія, — одной землей, очевидно, прожить не могутъ и должны изыскивать какія бы то ни было средства для покрытія дефицитовъ въ своемъ бюджетѣ. Мы не должны при этомъ еще забывать, что, кромѣ этихъ 79,2% домохозяевъ *малоземельныхъ*, въ нашихъ деревняхъ есть еще масса семей совершенно *безземельныхъ*, контингентъ которыхъ достигаетъ въ настоящее время по указаннымъ семи уѣздамъ почтенной цифры 6791 домохозяевъ. Въ разрядъ безземельныхъ они поступили или въслѣдствіе продажи своихъ надѣловъ, или же потому, что родились послѣ ревизіи и въ виду этого не были совсѣмъ надѣлены отъ общества землею. Изъ числа этихъ „безнадѣльныхъ“ лишь 0,5% имѣютъ собственную „купчую“ землю и могутъ кормиться отъ нея, не прибѣгая ни къ какимъ вспомогательнымъ средствамъ; остальная же часть ихъ живетъ исключительно одними сторонними заработками. Такимъ образомъ, если присоединить всѣхъ этихъ

безземельныхъ, за исключеніемъ упомянутыхъ 0,5% собственниковъ, въ второй группѣ домохозяевъ владѣющихъ земельными участками ниже предѣльнаго мѣншима, то окажется, что 102841 домохоз. или почти 80% *всего крестьянскаго населенія* взятыхъ нами уѣздовъ не могутъ прокормиться землею и должны прибѣгать ежегодно къ разнымъ стороннимъ средствамъ. При чемъ, 79,3% общаго количества этихъ домохозяйствъ, имѣющіе свою землю, должны пополнять при помощи этихъ стороннихъ вспомогательныхъ средствъ только большую или меньшую часть своего бюджета, смотря по количеству земли, находящейся въ ихъ владѣніи; что же касается остальныхъ 0,7%, то они, не имѣя собственной земли, должны *volens-nolens* весь свой бюджетъ покрывать сторонними средствами.

Но если это такъ, если крестьяне послѣдней категоріи не въ состояніи удовлетворить всѣмъ своимъ насущнымъ потребностямъ при помощи надѣльной земли, то какимъ же образомъ они сводятъ концы съ концами въ своемъ бюджетѣ, какія мѣры употребляютъ ими для этого, къ какимъ вспомогательнымъ средствамъ они должны прибѣгать, выпутываясь изъ ежегодныхъ финансовыхъ кризисовъ?

Такими вспомогательными средствами являются: 1) увеличеніе затратки на собственной землѣ на счетъ другихъ земельныхъ хозяйственныхъ угодій (выгоновъ, сенокосовъ etc.); 2) аренда земли у частныхъ владѣльцевъ и помещиковъ и 3) разнаго вида временные заработки и промыслы.

Фактъ расширенія площади распаханной земли въ Курской губерніи уже давно былъ замѣченъ исследователями. Еще Чаславскій отмѣтилъ его въ своемъ трудѣ о „хлѣбной торговлѣ въ центр. черноземной полосѣ“, то же самое подтверждали и всѣ другіе позднѣйшіе исследователи нашей губерніи. Это же видно и изъ цифровыхъ сопоставленій, которыя возможно сдѣлать на основаніи нѣкоторыхъ официальныхъ данныхъ.

Въ 1838 г., по свидѣнiямъ 1-го Отдѣленiя Департамента
Генеральнаго Штаба, въ Курской губерни состояло земли:

усадебной, выгонной и пастбищной	95 тыс. дес.
пахатной	2505 " "
сѣнокосной	613 " "
неудобной	146 " "
лѣсу и кустарнику	643 " "
подъ водою и болотами	57 " "

Въ 1861 году, наканунѣ великой крестьянской реформы,
земли въ Курской губерни было:

усадебной	209 (2) тыс. дес.*
пахатной	2797 " "
сѣнокосной	316 " "
выгонной	457 " "
неудобной	188 " "
лѣсу	314 " "

Въ 1881 году, по официальнымъ свидѣнiямъ, распашкой
земли было уже въ нашей губ. 3033 тыс. дес.***) Чаславскiй
въ упомянутой работѣ своей, на основанiи цифровыхъ данныхъ,
бывшихъ у него подъ руками, констатируетъ, что въ началѣ 60-хъ
годовъ площадь распашки занимала около 67% всѣхъ земель
губерни (II ч., стр. 229). По послѣднимъ же статистическимъ
свидѣнiямъ, собраннымъ нашимъ земскимъ Бюро, количество рас-
пашной земли (уменьшилось еще болѣе. Изъ сборниковъ видно, что
„во многихъ мѣстахъ крестьяне распахали положительно все, что
только возможно было распахать: распахали даже старожиые и
могильные курганы, какихъ много встрѣчается у насъ по полямъ;
распахали всѣ „неудобiя“ свои, т. е. неудобныя земли ото-
шедшия или въ наѣздъ, разные яры и овраги, иногда очень кру-
тныя, съ значительнымъ уклономъ, превышающимъ 50°. Выгоны

*) Труды Курскаго губ. стат. комитета, 1866 г. Курскъ, стр. 8.
**) Сборн. стат. свѣд. по Европ. Россiи, изд. Центрального Статистическаго
Комитета С.-П.-Б. 1884 г. Стр. 32.

уцѣляли только въ немногихъ деревняхъ, — тамъ, гдѣ распахать ихъ было уже рѣшительно невозможно, въ силу тѣхъ или другихъ мѣстныхъ условий; сѣнокосы остались только на самыхъ низменныхъ, заливныхъ лугахъ и подморинахъ, гдѣ вода почти никогда не пересыхаетъ *). Въ настоящее время пашня составляетъ въ Курскомъ уѣздѣ 83,8 % всѣхъ земель, принадлежащихъ крестьянамъ, въ Фатежскомъ уѣздѣ 87,7 %, Суджанскомъ — 80,8 %, Львовскомъ — 83,3 %, Дмитриевскомъ — 82,9 %, Рыльскомъ — 83,1 %, Путивльскомъ — 89,4 %; а въ Шигровскомъ уѣздѣ % распашныхъ земель доходитъ даже до 86 %!! Среднимъ числомъ, по всѣмъ 7 уѣздамъ пахатной земли числится 84,4 % всей площади крестьянскихъ владѣнiй; остальные же уголья, стало быть, занимаютъ всего 15,6 % общаго количества земли.

Расширенiе запашки происходитъ на счетъ выгоновъ, сѣнокосовъ и лѣсовъ, площадь которыхъ съ каждымъ годомъ, отъ этого прогрессивно уменьшается. Цѣль распашки понятна съ перваго же взгляда; она заключается въ томъ, чтобы увеличить доходность подворныхъ участковъ, такъ какъ извѣстно, что сѣнокосныя и лѣсныя земли, не смотря на большую абсолютную цѣнность ихъ, приносятъ въ среднемъ гораздо менѣе годоваго дохода, чѣмъ земля пахатная. Имѣя высшую арендную цѣну, сказано было по поводу этого въ сборникѣ по Суджанскому уѣзду, — сѣнокосныя пространства отличаются меньшей выгодностью, сравнительно съ пашней. Именно, чистая ихъ доходность составляетъ уже не 9%, какъ въ случаѣ распашанныхъ пространствъ, а только 7% по отношенiю къ продажной стоимости десятины. Въ этомъ мы и находимъ объясненiе, почему сѣнокосъ въ Суджанскомъ у., вмѣстѣ съ лѣсомъ и выгономъ, все болѣе и болѣе превращается въ пашню. (Сборникъ статист. свѣд. по Судж. у., стр. 234).

*) Сборникъ стат. свѣд. по Кур. губ., изданiе губернскаго Земскаго Статист. Бюро. Отдѣлъ общiй. Курскъ 1885 г. Стр. 4.

Но это расширение запашки представляет весьма рискованное средство къ пополненію хозяйственного дефицита.

Не нужно забывать, что выгодность обращенія въ пашню сенокосныхъ, выгонныхъ, пастбищныхъ и др. угодій имѣются свои предѣлы, точно опредѣляемые хозяйственно-экономической наукой. Последняя ставитъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы, при существованіи трехпольнаго хозяйства, площадь распашной земли въ общемъ не превышала 65% общего количества производительныхъ земель въ имѣніи, остальные же 35% должны, по ея мнѣнію, приходиться на другія угодья, изъ которыхъ первое мѣсто по величинѣ должно занимать сенокосы. Это, такъ сказать, крайній предѣльный минимумъ, до котораго можетъ быть доведено число выгоновъ, лѣсовъ и др. угодій. Спуститься ниже этого minimum'a и увеличить еще болѣе площадь распашной земли не безопасно, такъ какъ это влечетъ за собою упадокъ хозяйства и пониженіе его общей продуктивности.

Здѣшнее крестьянское населеніе въ своемъ стремленіи увеличивать свои запашки и расширять такимъ путемъ площадь производительныхъ земель давно уже переступило указанные предѣлы, вследствие чего доходность ихъ подворныхъ участковъ не увеличилась, а скорѣе уменьшилась, такъ какъ, при незначительномъ количествѣ покоса и пастбищъ, оставшихся у крестьянъ, они не имѣютъ возможности держать достаточное число головъ скота, необходимаго для удобренія полей, а отсутствіе удобрения, при трехпольномъ плодосмѣнѣ, оказываетъ вредное вліяніе на урожай.

Нельзя однако не сознаться, что крестьяне и сами хорошо понимаютъ все это; понимаютъ, что, сокращая площадь выгоновъ и сенокосовъ, они вмѣстѣ съ тѣмъ должны поступиться нѣкоторымъ количествомъ скота, необходимаго для ихъ хозяйства, и знаютъ всѣ послѣдствія, которыя повлечетъ за собою подобный образъ дѣйствій.

Второе средство — это аренда частновладѣльческихъ земель. Относительно этого средства у насъ въ обществѣ распространены, кажется, слишкомъ преувеличенныя понятія. Говорятъ обыкновенно, что по нашимъ черноземнымъ губерніямъ малоземельные крестьяне поддерживаютъ свое хозяйство *исключительно арендой земли*, которая будто бы здѣсь очень выгодна и доходна для производителей. Но, во первыхъ, какъ уже было намъ указано прежде (Общій сборникъ, юс. сѣт., стр. 11), аренда частно-владѣльческихъ земель въ деревняхъ совсѣмъ не такъ часто имѣетъ мѣсто, какъ могло бы показаться это съ перваго взгляда. Въ Курскомъ у. только 1/4 часть всѣхъ домохозяевъ берутъ помѣщичью землю, въ Суджанскомъ — всего 1/3 часть домохозяевъ, въ Фатежскомъ — 1/4 и т. д. Въ среднемъ, по семи изслѣдованнымъ уѣздамъ, изъ общаго числа 121775 надѣльныхъ домохозяевъ, частновладѣльческую землю арендуютъ всего 53883 домохозяевъ, или 44%; при чемъ на каждый арендующій дворъ приходится всего по 2,8 десят., на каждую же надѣльную семью 1,2 дес. При томъ же землю арендуютъ совсѣмъ не такіе домохозяева, которые болѣе всего нуждаются въ ней, а въ большинствѣ случаевъ домохозяева, средnezажиточные, такъ что благодѣтельное значеніе арендуемой земли, какъ необходимаго дополненія недостаточныхъ надѣловъ у семей 1-й группы, почти совершенно исчезаетъ. Арендованная земля идетъ, какъ оказывается, не на то, чтобы сгладить рѣзкое неравенство между домохозяевами безземельными и широкодачниками; вопреки всякимъ теоретическимъ предположеніямъ, какія могутъ быть сдѣланы на этотъ счетъ, она, вмѣстѣ съ такъ называемой купчей „дворянской“ землей, концентрируется главнымъ образомъ въ рукахъ домохозяевъ зажиточныхъ, которые и безъ того имѣютъ полныя надѣлы, превышающіе предѣльный minimumъ, обеспечивающій безбѣдное существованіе. Прекрасныя указанія въ этомъ отношеніи мы находимъ въ „Сборникѣ по Щигровскому уѣзду“,

гдѣ, въ отдѣлѣ крестьянскаго хозяйства, приведены въ высшей степени любопытныя данныя о распредѣленіи арендуемой земли между домохозяевами различной зажиточности. По этимъ даннымъ оказывается, что изъ числа домохозяевъ имѣющихъ:

	Среди собственников (по Озерянской вол.)	Среди крест. госуд. душев. (по Средне-Расховецкой волости).
Арендуютъ землю.		
Менѣе 1 надѣла	100 %	20,4 %
1 надѣлъ	57 %	40,6 %
Отъ 1—2 надѣловъ	68,9 %	51,8 %
Отъ 2—3 надѣловъ	69,3 %	62,8 %
Отъ 3—4 надѣловъ	86,5 %	75,2 %
Больше 4 надѣловъ	93,3 %	59,3 %
	69,6 %	54 %

Нужно, кажется, нарочно подгосавать цифры, чтобы они такъ рельефно, такъ хорошо доказывали справедливость высказаннаго нами положенія. Только одна первая группа крестьянъ-собственниковъ представляетъ, повидимому, совершенное противорѣчіе нашему выводу, но это произошло оттого, что въ Озерянской волости, по которой взяты приведенныя цифры относительно крестьянъ-собственниковъ, домохозяевъ имѣющихъ менѣе 1-надѣла оказалось всего 4 человека — цифра, слишкомъ незначительная, чтобы по ней можно было судить о дѣйствительномъ количествѣ земли, арендуемой крестьянами этого разряда. Дакіе же точно выводы получаются и относительно крестьянъ четвертнаго права, владѣющихъ землею поврно; изъ того же сборника по Шигровскому уѣзду видно, что, напр., по Стакановской, волости, изъ числа домохозяевъ, имѣющихъ менѣе 3 десятинъ собственной надѣльной земли, ни одинъ не арендуетъ земли у частныхъ владѣльцевъ; затѣмъ, съ повышеніемъ надѣла повышается и общій % домохозяевъ, постоянно приарендовывающихъ попятчию землю. Значитъ, *„стремленіе арендовать частно-владѣльческія земли наиболее осуществляется зажиточными и сравнительно многоземельными семьями; чѣмъ сильнѣе семья, тѣмъ большее количество земли она арендуетъ.“* *)

Такимъ образомъ, для дѣйствительно нуждающихся, малоземельныхъ, слабосильныхъ семей, имѣющихъ дворовыя участки въ среднемъ менѣе 9 дес., аренда частновладѣльческихъ земель приносить весьма незначительную долю пользы, и если понижаетъ ихъ %, то въ такой незначительной степени, что учесть это пониженіе и выразить его точной цифрою было бы въ высшей степени затруднительно. Предположимъ однако, что это пониженіе равняется 10 или даже 15%, — и все таки у насъ еще остается болѣе 50% семей, которые не могутъ прокормиться землею и должны волей-неволей прибѣгать для пополненія своего дефицита къ третьему вспомогательному средству — къ заработкамъ и промысламъ.

*) „Сб стат. свѣдѣній по Курской губерніи“, выпускъ VIII.

Дѣйствительно, по даннымъ статистическихъ сборниковъ оказывается, что семей, занимающихся промыслами и отпускающихъ работниковъ на заработки, насчитывается:

	колич. всѣхъ семей.	% въ общемъ
Путивльскомъ уездѣ	13770	или 65,5%
Рыльскомъ уездѣ	13808	или 67,0%
Фатежскомъ уездѣ	8090	или 50,0%
Дмитріевскомъ уездѣ	8342	или 55,5%
Суджанскомъ уездѣ	10948	или 55,7%
Львовскомъ уездѣ	8546	или 51,0%
Всего же	63504	или 52,1%

Сопоставляя по уездамъ количество промышленныхъ семей съ числомъ домохозяевъ слабосильныхъ, т. е. безлошадныхъ и имѣющихъ только по 1 лошади, мы находимъ, что цифры эти очень близко совпадаютъ между собою. Такъ оказывается, что

	Семей промышленныхъ.	Домох. съ 1 лош. и безъ лош.
по Рыльскому у.	13808	10959
„ Путивльскому	13770	9320
„ Львовскому	8546	8481
„ Фатежскому	8090	8879
„ Суджанскому	10948	8614
„ Дмитріевскому	8342	7412
Всего	63504	53695

Приведенная табличка прямо указываетъ на то, что контингентъ промышленниковъ рекрутируется главнымъ образомъ изъ семей въ хозяйственномъ отношеніи малосильныхъ, т. е., говоря другими словами, — безнадѣльныхъ и малоземельныхъ, такъ какъ малоземелье и хозяйственная малосильность, въ сферѣ деревенскихъ экономическихъ отношеній, составляютъ понятія вполне синонимическія.

Распредѣляя затѣмъ количество промышленныхъ семей по разнымъ категоріямъ крестьянъ, отличающимся, какъ извѣстно, далеко не равномернымъ экономическимъ благосостояніемъ, мы находимъ, что

	Процентное отношеніе промышленныхъ семей по общему числу.						
	Путивльск. уездъ.	Фатежскій уездъ.	Дмитріев. уездъ.	Рыльскій уездъ.	Суджанск. уездъ.	Львовскій уездъ.	Итого.
у четвертныхъ крест.	48,7	45,3	38,5	65,1	57,4	46,0	48,4
„ душево-четвертныхъ	—	42,4	41,3	—	69,9	—	60,3
„ душевыхъ	69,8	54,6	55,6	73,3	50,7	50,5	54,3
„ собственниковъ	67,1	59,2	55,7	69,1	54,7	51,9	59,7
„ дарственныхъ	71,4	61,5	69,1	55,4	59,4	57,7	65,5
водв. на соб. зем.	66,6	63,8	70,1	54,9	55,6	59,4	63,2
безнадѣльныхъ	82,6	100	—	76,5	—	75	84,1
полныхъ собственниковъ	—	—	89,2	—	—	—	89,2
Всего	65,5	50	55,5	67	55,7	51	52,1

Или же, если свести всѣ эти категоріи въ болѣе крупныя группы:

у бывшихъ государственныхъ	- 49,1%
у бывшихъ помѣщичьихъ	- 63,7%

Такимъ образомъ, среди крестьянъ бывшихъ помѣщичьихъ процентъ семей занимающихся, кромѣ земледѣльской, еще и промысловой дѣятельностью, гораздо выше, чѣмъ среди крестьянъ, бывшихъ государственныхъ. Такое соотношеніе между этими двумя группами объясняется исключительно тѣмъ обстоятельствомъ, что

общий уровень ихъ экономического благосостоянія далеко не одинаковъ. По даннымъ нашихъ сборниковъ оказывается, что по всемъ 7 указаннымъ уездамъ

	Надѣльн. земли на дворъ.	Головъ крупнаго скота.	% сдающ. свою земл.	% безлошадныхъ.	Платежи на 1 дес.
у крестьянъ четв.	10,6	2,8	7,6	20,7	2,5
„ душево-четвертн. д.	8,1	2,9	14,6	7,8	2,8
„ душевыхъ	9,2	2,8	12,3	21,7	2,3
„ собственныхъ	5,7	2,4	10,4	20,1	4,7
„ государственныхъ	1,8	2,3	12,8	38	4,4
„ водвор. на соб. зем.	9,5	2,7	14,8	63,6	1,9
Итого	—	100	—	—	—
у бывшихъ государ.	9,9	2,8	9,2	20,4	2,5
„ бывшихъ помѣщич.	5,3	2,4	10,4	21,7	4,6

Цифры эти, служащія вѣрнѣйшимъ критериумомъ крестьянскаго благосостоянія, какъ нельзя лучше поясняютъ указанныя колебанія % промышленныхъ селеній по разрядамъ крестьянъ. Крестьяне бывшіе государственные, по степени экономического уровня стоятъ гораздо выше крестьянъ бывшихъ помѣщичьихъ, такъ какъ у нихъ и дворовый надѣль гораздо выше, и головъ крупнаго скота приходится на дворъ больше, и % сдающихъ свои надѣлы среди нихъ гораздо ниже, чѣмъ у крестьянъ послѣдней категоріи; естественно, что и промышленная дѣятельность бра-

ды, ни въ развиты меньше, чѣмъ среди крестьянъ собственниковъ, такъ какъ нужда и малоземелье, составляющія главный стимулъ для развитія стороннихъ въ земледѣльческихъ занятій, среди государственныхъ крестьянъ не такъ чувствительны, какъ у крестьянъ помѣщичьихъ. Значительная часть домохозяевъ среди крестьянъ государственныхъ владѣть достаточными земельными участками, для того чтобы прокормиться съ семьей и заплатить подати изъ дохода, получаемого съ земли, — зачѣмъ же имъ идти куда нибудь на заработки или заниматься какимъ нибудь стороннимъ промысломъ? Лишній работникъ у нихъ и по дому всегда пригодится, для него всегда найдется какая-нибудь работа и на собственномъ подлѣ, или дворѣ; вѣтъ нужды отнуждать его на чужую сторону, или отдавать въ наущеные какому-нибудь ремеслу.

Всѣ промыслы по мѣсту занятій раздѣляются, какъ извѣстно, на мѣстные и отхожіе. Количественное соотношеніе между промышленниками представителями той и другой группы по 7 исследованнымъ уездамъ далеко не одинаково: въ одномъ уездѣ преобладаютъ промыслы мѣстные, въ другомъ отхожіе, какъ это видно изъ слѣдующихъ данныхъ:

	Количество мѣстныхъ промышленниковъ	Количество отхожихъ промышленниковъ
по Суджанскому уезду	7916 чел.	6640 чел.
„ Львовскому уезду	6262 „	4233 „
„ Дмитріевскому уезду	4927 „	6650 „
„ Фатежскому уезду	4202 „	6387 „
„ Курскому уезду	6538 „	5489 „
„ Рыльскому уезду	9641 „	9444 „
„ Путивльскому уезду	11157 „	6739 „
Всего	52503 чел.	42122 чел.

Въ общемъ, по семи исследованнымъ уездамъ преобладаютъ, слѣдовательно, мѣстные промыслы, и только два уезда — Дмитріевскій и Фатежскій составляютъ въ этомъ отношеніи исключеніе изъ

общаго правила, такъ какъ здѣсь отхожихъ промышленниковъ считается больше, чѣмъ мѣстныхъ.

Значеніе мѣстныхъ и отхожихъ промысловъ въ общей экономіи крестьянской жизни далеко не одинаково. Относительно отхожихъ промысловъ всѣ изслѣдователи, занимавшіеся какъ теоретической разработкой этого вопроса, такъ и описаніемъ частныхъ промысловъ, приходятъ къ тому выводу, что такіе промыслы, всѣ безъ исключенія, въ общемъ, очень вредно отзываются на крестьянскомъ хозяйствѣ и даже оказываютъ деморализующее вліяніе на семейный складъ и нравственные устои деревенской жизни. *) Не нужно забывать, что всѣ отхожіе промыслы, какъ земледѣльческіе, такъ и вѣземледѣльческіе, принадлежатъ къ категоріи лѣтнихъ заработковъ; исключеніе составляютъ развѣ только строго профессиональныя занятія и фабрично-заводскія заработки, но число лицъ, работающихъ въ этой сферѣ, весьма незначительно, въ сравненіи съ промышленниками другихъ категорій и не превышаетъ, 9—10% общаго количества промышленниковъ. Это обстоятельство, незаслуженно игнорировавшееся почти всѣми изслѣдователями, имѣетъ очень важное значеніе въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Оставляя свое хозяйство на лѣтнее время, когда производится всѣ земледѣльческія работы, отхожіи промышленники, правда, приносятъ взамѣнъ этого извѣстный заработокъ въ хозяйство, но этотъ заработокъ, въ большинствѣ случаевъ, бываетъ очень незначителенъ, и едва ли въ состояніи загладить тотъ ущербъ въ хозяйствѣ, который происходитъ влѣдствіе плохой обработки земли, такъ какъ, за отсутствіемъ самого домохозяина, роль пахаря часто исполняетъ слабая и неврѣдущая въ хозяйствѣ жена его, или сынъ, подростокъ дѣтъ 13—15, или же наконецъ наемныя рабочіе, — людъ, который только обираетъ деньги, землю же пашетъ самымъ негоднымъ образомъ" (Митинскій, loc. cit., стр. 128). Далѣе, не рѣдко бываетъ, что крестьянинъ, занимаю-

*) См. напр., Чаславскаго—„Отхожіе землед. промыслы“ въ Сборн. госуд. знаний, т. 2-й; Пругавина—„Промыслы Влад. губ.“, т. IV, въ монографіи о плотникахъ; свящ. Митинскаго—„Отхожіе плотники въ Запугомль“, въ „Матеріалахъ для статистика Костр. губ.“, вып. VI, 1884 года, etc.

щейся отхожимъ промысломъ, мало по малу отвыкаетъ отъ земли, а влѣдствіе этого совсѣмъ бросаетъ ее, перестаетъ обывать хлѣбонащемъ. Въ общемъ, экономической и хозяйственной бытъ дворовъ, отпускающихъ своихъ работниковъ въ отхожіе заработки, гораздо хуже, чѣмъ у семей, занимающихся мѣстными промыслами. Напомнимъ здѣсь, что говорили мы по этому поводу въ I т. „Общаго сборника“ (стр. 47—49); по тѣмъ даннымъ, какія были привеледы тогда нами, оказывается, что люди, живущіе въ винограднѣ

	0/0 безлошадн.	Средній нахъ на душу.	Головъ въ круп. скот.	Головъ мелк. скот.	0/0 стадон. скоту зем.	0/0 дохож. аренд. зем. луг.	По скольку десятинъ въ 1 дворѣ.
плотниковъ Гламадинской вол., Дм. у.	38	3,4	2,6	5,5	14,3	12	0,3
у всѣхъ вообще крест. по Гламадин. вол.	26	3,3	2,7	5,5	12	20	0,7
по всему Дмитр. у.	21	3,3	2,7	6,7	10	40	2

Очевидно, плотничій отхожіи промыселъ оказываетъ отрицательное вліяніе на состояніе земледѣльческаго хозяйства. Тѣ же самыя выводы получаются и относительно отхожихъ косарей, камешниковъ и кирпичниковъ и т. д. Вездѣ, во всѣхъ вообще отрасляхъ отхожей промышленности, хозяйство промышленниковъ находится въ одинаковомъ упадкѣ.

Кромѣ своего прямаго вліянія на экономической и сельско-хозяйственный бытъ крестьянства, отхожіе промыслы обнаруживаютъ свое отрицательное дѣйствіе на сельское населеніе еще и другимъ, косвеннымъ образомъ. Дѣло въ томъ, что съ чужой стороны промышленники приносятъ индивидуалистическія задатки, которые уже никакъ не могутъ мириться съ патріархальнымъ строемъ старой, многодленной семьи; отсюда — частые семейные раздѣлы, наблюдаемые въ районахъ, гдѣ особенно развиты отхожіе заработки, и, какъ

1043776

Музей
Библиотека

непосредственный результат этого — размельчаніе семей и упадокъ экономическаго благосостоянія, которое въ деревняхъ создается и поддерживается единственнох *viribus unitis*, т. е. совмѣстнымъ трудомъ возможно большаго количества семейныхъ работниковъ. Это явление замѣчается не только въ одной здѣшней мѣстности, но и вездѣ въ другихъ мѣстахъ, гдѣ только существуютъ отхожіе промыслы, къ какому бы разряду они не принадлежали; интенсивность стремленія къ раздѣламъ проявляется среди такого рода промышленниковъ вездѣ въ одинаковой степени.

Промыслы мѣстные въ большинствѣ случаевъ, наоборотъ, оказываютъ на земледѣліе и хозяйство крестьянъ благотворное вліяніе, такъ какъ крестьяне занимаются ими только въ гудевое, свободное отъ полевыхъ работъ время. При такихъ условіяхъ, мѣстный промыселъ даетъ возможность домохозяйству уплачивать подати, не прибѣгая къ дешевой, несвоевременной продажѣ хлѣба и скота, и позволяеть сводить концы съ концами, когда продукты земледѣлія не достаютъ на обмененіе полей и продовольствіе семьи. Въ освоенности это можно сказать относительно кустарныхъ производствъ, которыя въ нашей черноземной губерніи имѣютъ въ большинствѣ случаевъ мелкую организацію, не имѣющую ничего общаго съ капиталистическими формами московскихъ и владимірскихъ производствъ. Связь кустаря съ землею не прерывается, и это служитъ, несомнѣнно наилучшей гарантіей благосостоянія двора, 90% всѣхъ кустарей — производителей у насъ занимаются промыслами только въ зимнее время и, живя постоянно дома, не имѣютъ нужды заставлять своихъ «слабыхъ и не свѣдущихъ» женъ и подростковъ пахать землю, или нанимать для этого «обирающихъ деньги» особыхъ работниковъ; они въ большинствѣ случаевъ своими силами обрабатываютъ свои надѣлы и даже еще, не удовлетворяясь этимъ, приарендовываютъ земли у соседнихъ частныхъ владѣльцевъ. Безлошадныхъ среди кустарей и вообще мѣстныхъ промышленниковъ гораздо меньше, чѣмъ среди семей, занимающихся отхожимъ промысломъ. Въ семи упомянутыхъ уѣздахъ общій

доля безлошадныхъ — 23,6%, если взять безразлично крестьянъ всѣхъ категорій. Въ тѣхъ общинахъ, гдѣ развиты преимущественно отхожіе промыслы, процентъ этотъ достигаетъ до 24,8; тогда какъ въ общинахъ съ преобладаніемъ мѣстныхъ промышленниковъ безлошадныхъ считается всего 18,6% общи. По уѣздамъ эти отношенія распределяются такимъ образомъ:

	% безлошадн. въ общинахъ съ преобладаніемъ мѣстн. промышл.	% безлошадн. въ общинахъ съ преобладаніемъ отхож. промышл.
Суджанскій у.	21	19
Львовскій .	21,1	25
Дмитріевскій .	17,1	22,2
Фатежскій .	20	24,9
Курскій .	13,6	23,4
Рыльскій .	23,4	26,8
Путивльскій .	27,3	29,3
Всего .	20,5	24,6

Значитъ, только одинъ Суджанскій уѣздъ представляетъ нѣкоторое отклоненіе отъ высказаннаго нами положенія, такъ какъ оказывается, что здѣсь 21% безлошадныхъ въ общинахъ съ преобладаніемъ мѣстныхъ промысловъ выше, чѣмъ въ общинахъ съ болѣе развитою отхожей промышленностью. Произошло это несомнѣнно оттого, что въ Замостянской и Миропольской вол., Суджанскаго уѣзда, заключающихся въ себѣ болѣе 26% всѣхъ промышленниковъ по уѣзду, кустарныя производства давно уже сорганизовались на началахъ крупной капиталистической промышленности, которая, какъ извѣстно, всегда влечетъ за собою пониженіе экономическаго уровня среди производителей. Только благодаря этому исключительному обстоятельству, мы находимъ въ настоящее время по этимъ волостямъ непомѣрно высокіе 26% безлошадныхъ домохозяевъ: по Миропольской волости считается 26%, по Замостянской (пригородной) — 38%.

Такииъ образомъ, приведенныя цифры какъ нельзя лучше подтверждаютъ, что мѣстные промышленники, по степени экономического благосостоянія, стоятъ гораздо выше, чѣмъ промышленники отхожіе. Тоже самое мы получимъ, если возьмемъ распределение мѣстныхъ и отхожихъ промышленниковъ въ отдѣльности по волостямъ въ связи съ $\%$ безхозныхъ и безлошадныхъ домохозяевъ. Чѣмъ выше по волости $\%$ мѣстныхъ промышленниковъ, тѣмъ меньше въ ней домохозяевъ безлошадныхъ, и наоборотъ: съ пониженіемъ $\%$ мѣстныхъ промышленниковъ и повышеніемъ количества отхожихъ — увеличивается число безлошадниковъ. *) Если же изъ общей массы мѣстныхъ промышленниковъ, заключающей въ себѣ какъ кустарей-производителей, такъ и наемныхъ рабочихъ разныхъ категорій, (батраки поденщики etc.) выдѣлить кустарей и сопоставить ихъ хозяйственное положеніе съ промышленниками отхожими, то разница между тѣми и другими окажется еще ощутительнѣе. У кустарей, напр., Путивльскаго уѣзда $\%$ безлошадныхъ равняется 22, тогда какъ среди домохозяевъ, уходящихъ въ отхожіе промыслы, безлошадниковъ считается болѣе 30 $\%$, среднее же количество домохозяевъ безлошадныхъ по уѣзду опредѣляется по нашему сборнику въ 28,2 $\%$ общего числа надѣльныхъ дворовъ. Следовательно, кустари, по степени экономической обеспеченности и по состоянію хозяйства, стоятъ выше средняго киническаго домохозяйства въ Путивльскомъ уѣздѣ, промышленники же отхожіе — ниже его.

Все сказанное приводитъ насъ къ тому заключенію, что значеніе мѣстныхъ и въ особенности кустарныхъ промысловъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ во всякомъ случаѣ необходимо опредѣлить чистымъ плюсомъ, тогда какъ значеніе отхожихъ промысловъ выражается минусомъ. Въ виду этого, несомнѣнно представляется желательнымъ, чтобы мѣстные кустарные промыслы, доставляющіе прямую выгоду населенію, получили среди крестьянства возможно большее разпространеніе; желательно также, чтобы они въ концѣ концовъ

*) Общій сборникъ, т. I, стр. 47. 1888 — (Изданіе) Импери

вытѣснили существующіе отхожіе заработки, и выгоды которыхъ въ общемъ итогѣ представляется фиктивною или поменьшей мѣрѣ сомнительною; чтобы весь этотъ громадный контингентъ отхожихъ промышленниковъ нашелъ примененіе своимъ силамъ у себя дома, въ деревнѣ, въ сферѣ обрабатывающей промышленности, которая еще такъ мало развита у насъ; — словомъ, желательно было бы полное уничтоженіе отхожихъ заработковъ и замѣна ихъ мѣстными кустарными производствами. Для этого не нужно, конечно, ни какогонибудь премированія этихъ послѣднихъ, ни принудительныхъ мѣръ, вродѣ запрещенія отлучки на заработки изъ дома; для этого просто нужно: во 1-хъ, сдѣлать занятія кустарными промыслами доступными для всѣхъ безъ исключенія, — даже для такихъ домохозяевъ, которые не имѣютъ собственнаго оборотнаго и основнаго капитала; во 2-хъ, помочь кустарямъ въ ихъ борьбѣ съ крупной заводской и фабричной промышленностью, такъ какъ за послѣднее время имъ приходится выдерживать очень сильное давленіе со стороны капиталистической продукціи, которая шагъ за шагомъ отвоевываетъ у мелкихъ производителей весь рынокъ, бывшіе прежде въ ихъ полномъ распоряженіи, захватываетъ цѣлыя сферы труда, гдѣ господствовалъ прежде исключительно мелкій кустарь-производитель. Московская выставка 1882 года ясно показала, что наша кустарная промышленность, вслѣдствіе полного отсутствія въ ней правильной и разумной организаціи, не смотря на всѣ свои достоинства, страдаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ важными и весьма крупными недостатками, которые впрочемъ по существу своему легко устранимы, какъ напр.: недостаточность техническихъ знаний и возможнаго сложения силъ для увеличенія производительности труда, неудовлетворительность инструментовъ и незнакомство съ усовершенствованными способами производствъ, невозможность, вслѣдствіе собственноручной экономической маломощности, пользоваться для своей работы усовершенствованными машинами, которые приводятся въ движеніе не мускульной силой человека, а какими-нибудь искусственными двигателями, вродѣ пара, воды, электричества etc.; отсутствіе кре-

дства — рациональная организация быта, — таковы главные слабости стороны нашего мелкого кустарнического производства. После этого остановиться и понять вся важность предприятий, предназначенных поддерживать и развивать мелкую промышленность и снабжать ее кредитом и такими техническими удобствами, которыми обладает промышленность крупная.

Но... здесь необходимо остановиться на одном недоразумении.

Съ тѣхъ поръ, какъ Тверское земство потерпѣло сразу нѣсколько неудачъ въ организаци кустарной промышленности, у насъ въ обществѣ и въ особенности среди земскихъ дѣятелей — распространилось мнѣніе, что всякое постороннее вмѣшательство въ дѣло организаци крестьянскихъ промысловъ не только бесполезно, но даже можетъ, при болѣе или менѣе неблагоприятныхъ обстоятельствахъ, принести промышленникамъ существенный вредъ, лишая промышленниковъ возможности проявить собственную инициативу и тѣмъ внося въ среду ихъ сильную деморализацію. Противники системы вмѣшательства утверждаютъ, что всякая кооперація, какъ доказываетъ опытъ западно-европейскихъ ассоціацій и нашихъ промышленныхъ артелей, только въ такомъ случаѣ можетъ пойти успѣшно, когда она создана *по сознательной инициативѣ самихъ производителей рабочихъ*. Земство разумѣется можетъ поощрять развитіе общественныхъ запасекъ и вообще всякихъ промышленныхъ артелей, но оно не должно ни въ какомъ случаѣ браться за созданіе и организацію ихъ... Мы съ своей стороны, никакъ не можемъ согласиться съ этимъ мнѣніемъ такъ какъ намъ кажется, что оно имѣетъ за себя очень мало данныхъ.

Опытъ западно-европейскихъ ассоціацій, изъ которыхъ дѣйствительно много, будучи основаны при содѣйствіи правительства, разложились, — еще рѣшительно ничего намъ не доказываетъ и, конечно, доказать не можетъ, потому что одно дѣло Франция, другое — Россія, съ ея совершенно особыми условиями социальнаго и хозяйственнаго быта. Аналогія между этими двумя странами нѣтъ

ни малѣйшей, и въ частности относительно кустарной промышленности мы никоимъ образомъ не можемъ проводить ее, потому что разница въ этомъ случаѣ дѣлаетъ рѣче, что нашъ кустаръ и русскій живетъ въ деревнѣ, при землѣ, тогда какъ кустарь во Франціи преимущественно житель города. По крайней мѣрѣ, въ ремесленничьи и кустары западной Европы пользовавшіеся правительственной субсидіей, тамъ были городскіе — парижскіе, марсельскіе, ліонскіе, etc. Какой же резонъ думать, что то, что не удалось тамъ, во Франціи, среди городского населенія, не удастся и у насъ въ Россіи среди сельскихъ обывателей? Гдѣ основаніе для этого? Необходимо во всякомъ случаѣ сойтись, что относительно нашихъ русскихъ промышленныхъ артелей, мы знаемъ совершенно одинъ крупный фактъ, когда артели, основанныя при содѣйствіи земскихъ учреждений, разрушились безповоротно, — это крушеніе Тверскихъ кузнечныхъ, сапожныхъ, слоботренальныхъ и смолокуренихъ артелей. Но въ дѣлѣ всегдѣ извѣстно, что причиной крушенія ихъ послужило не то обстоятельство, что онѣ основаны земствомъ, но *земской инициативы на земскія деньги*, а то что имъ не было дано правильной и соответствующей дѣлу организаци, не было въ нихъ правильного и разумнаго контроля надъ дѣйствіями и производствомъ членовъ артелей; не было разумныхъ и энергичныхъ людей, которые бы руководили дѣломъ въ техническомъ и экономическомъ отношеніяхъ, и сверхъ того, Тверское земство въ высшей степени не практично распредѣлило свою сумму, между кустарями и руководящимъ тѣмъ принципомъ, чтобы наименьшую сумму создать большее количество товариществъ, тогда какъ ему слѣдовало бы, наоборотъ, *дать большую сумму на устройство меньшаго числа товариществъ*. При такихъ условіяхъ, товарищества, созданныя Тверскимъ земствомъ уже при самомъ основаніи своемъ носили зародки развоженія, которыя, развиваясь съ теченіемъ времени, должны были неминуемо привести къ гибели всѣмъ благія начинанія Тверскаго земства.

вели. Неужно забывать однако, что и в Тверском земстве, и у нас брались за дело организации крестьянских промыслов в той или иной форме и в некоторых других земствах их усилия не всегда оставались безплодными. Такъ напр., Саранульское земство, Вятской губернии, недавно организовало артель кузнецов в мѣстечкѣ Воткинскомъ заводѣ, выдавши имъ вѣдливременную ссуду 10,000 р. Изъ доклада, прочитаннаго въ засѣданіи Комисіи по изслѣдованію кустарной промышленности въ Россіи, состоявшемся 21 ноября истекшаго 1884 года, видно, что артелью было выработано, при помощи уѣзднаго земства, густавъ, который уже одобренъ Вятскимъ губернаторомъ и Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, Финансовъ и Государственныхъ Имуществъ, такъ что артель, фактически начавшая существовать еще въ концѣ 1883 г., теперь уже получила и юридическую санкцію. Въ члены артели до настоящаго времени записались уже болѣе 30 человекъ. Кустари, по указанію земства, за вели на первыхъ же порахъ принять непосредственныя сношенія съ упомянутой Комисіей, по изслѣдованію кустарныхъ промысловъ, которая еще задолго до утвержденія артельнаго густава выслала имъ черезъ комисіонерство г. Работникъ, мукомольную мельницу завода Джеффри и Влэктона, какъ образецъ для изготовленія подобнаго рода мельницъ, и оказала содѣйствіе свое къ присканію мѣстнаго Нижегородскаго ярмаркѣ для склада издѣлій кустарей. Даже Министръ Государ. Имуществъ принялъ большое участіе въ судьбѣ кустарей. Благодаря этому участію, кустари въ теченіи двухъ мѣсяцевъ успѣли приготовить нѣсколько плуговъ, боронъ, молотилокъ и проч., по образцамъ, высланнымъ безвозмездно по ходатайству г. Черныева, въ ихъ распоряженіе Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ. Изготовленные предметы были осмотрѣны г. Министромъ Государ. Имуществъ въ бытность его въ прошлымъ лѣтомъ на камско-воткинскихъ заводахъ. На Нижегородской ярмаркѣ он выставленные предметы были распроданы въ теченіи двухъ недѣль и спросъ на нихъ, какъ писали газеты, превзошелъ предложеніе

въ нѣсколько разъ («Новости», 1884 г.). Результатомъ конкурренціи кустарей явилось пониженіе цѣнъ на молотилки въ складѣ мѣстнаго агентства сельско-хозяйственныхъ машинъ и орудій — съ 120 руб. на 60 руб. Въ теченіе лѣта и осени кустари, какъ видно изъ письма ихъ къ предсѣдателю Комисіи, получили уже заказовъ на 25,000 р. — въ Нижнемъ Новгородѣ, Петербургѣ и Москвѣ. Воткинскимъ кустарнымъ издѣліямъ на Нижегородской ярмаркѣ было оказано полное вниманіе со стороны губернатора, г. Баранова, которымъ выдано удостовѣреніе въ добросовѣстномъ исполненіи издѣлій, и, благодаря его участію, издѣлія не были обложены никакими торговыми пошлинами. Сами кустари, не ожидали подобнаго успѣха въ дѣлѣ. Въ настоящее время ими уже открыта самостоятельная контора въ Нижнемъ Новгородѣ для полученія заказовъ, сорта кустарныхъ издѣлій и ознакомленія заказчиковъ съ образцами ихъ, часть которыхъ уже и выслана туда, а также и въ сельско-хозяйственный музей Петербурга, какъ то: молотилка, борона, плугъ и тарантасъ.

Такимъ образомъ, дѣло, начатое земствомъ, было принято на себя въ дальнѣйшемъ веденіи Комисіей, и, судя по всему, оно не кончится неудачей.

Далѣе, въ послѣднее время во мнѣшихъ мѣстахъ стало обращать на себя вниманіе производство корзинокъ легкой мебели изъ ивовыхъ прутьевъ. Днѣпровское уѣздное земство, канц. поповъ, цали прошлымъ лѣтомъ мѣстныя газеты, имѣло намѣреніе прошлой осенью войти съ докладомъ въ земское собраніе объ оказаніи содѣйствія распространенію этого промысла, ибо среди населенія г. Алешевъ, вблизи котораго находится 12 дес. хивы-шевелюги, разведенной искусственно на лучшихъ пескахъ, существуютъ уже мощныя изготовленія мебели и другихъ предметовъ изъ ивняка. Этотъ же промыселъ занимаетъ въ настоящее время и столичныя наши земства, въ виду того, что въ подстоличномъ населеніи замѣчается сильная тенденція къ этому промыслу. Задонское земство, Воронежской

губернии, также, какъ мы слышали, обратило внимание на плетение ивовыхъ корзинокъ, развитое въ уѣздѣ, и намѣревается также придти на помощь къ кустарямъ.

Кромѣ того, мы знаемъ также, что еще въ 1871 г. Вытегорское земство подняло вопросъ объ организации въ уѣздѣ смолочуреннаго производства. Нижегородское земство устроило въ с. Удомѣ артельный крахмальный заводъ. Ветлужское земское собрание постановило содѣйствовать образованію артелей лѣсоробочихъ. Въ 1872 г. Олонецкое губерниское земское собрание ассигновало 4000 р. двумъ лѣсотехническимъ артельнымъ заводамъ въ Лодейнопольскомъ уѣздѣ *) и т. д. и т. д. Судьба всѣхъ этихъ земскихъ начинаній неизвѣстна, но, конечно, на основаніи одного печальнаго опыта Тверскихъ артелей, было бы слишкомъ смѣло предположить, что и эти всѣ артели сгибли безслѣдно...

Мы знаемъ даѣе, что не только земство, но и самоуправительство съ успѣхомъ основывало промышленныя артели, и при томъ безъ всякихъ значительныхъ затратъ съ своей стороны. Г. Бѣловъ разсказываетъ, напр., въ „Сборникѣ матеріаловъ для изуч. артелей въ Россіи“ фактъ такого рода. Въ началѣ 60-хъ годовъ на Нижнетуринскомъ Уральскомъ заводѣ, гороблаготатскаго округа, стали готовить ударныя трубки для артиллерійскаго вѣдомства. Сначала рабочіе работали по мѣсячно, потомъ ихъ перевели на задѣльную плату, при чемъ было замѣчено, что, при этомъ новомъ порядкѣ, рабочіе исполняютъ работы гораздо старательнѣе и лучше, чѣмъ прежде. Чтобы сдѣлать свою работу возможно болѣе производительною, они даже изобрѣли сами нѣсколько весьма остроумныхъ приспособленій, которыя значительно ускорили работу, такъ что, если прежде, напр., рабочій вырѣзалъ 5 трубокъ въ день, то при новыхъ условіяхъ производительность его увеличилась въ двадцать разъ, такъ какъ онъ сталъ вырѣзать теперь ежедневно около 100 трубокъ. Тогда среди рабочихъ воз-

*) Исмаил, А. „Артели въ Россіи“. Ярославль, 1881 г. стр. 82.

никла мысль организовать самостоятельную артель для производства трубокъ и брать подряды отъ управленія завода. Горный начальникъ встрѣтилъ эту мысль весьма сочувственно и обѣщалъ рабочимъ, если они устроятъ такую артель, тотчасъ же дать имъ большой заказъ въ 33,000 трубокъ (1867 г.). Артель немедленно же принялась за работы, и заказъ поспѣлъ даже ранѣе назначеннаго срока, при чемъ рабочіе понизили, и заработную плату и взяли всего по 44³/₈ коп. за трубку, тогда какъ заводу до сихъ поръ каждая трубка обходилась, по меньшей мѣрѣ, въ 50 коп. слѣдующій годъ заводское управленіе уже безъ малѣйшихъ колебаній предоставило артели заказъ въ 180,000 трубокъ, и послѣдняя наша возможная попытка понизить поштучную плату до 40 коп. Артельное производство расширилось. Членовъ въ артели сначала было 60, потомъ оно быстро дошло до 150 чел. Рабочіе, въ виду расширенія производства, замѣнили ручной трудъ машиннымъ: съ одной стороны они сами изобрѣли нѣкоторые станки, съ другой — много машинъ было ими выписано изъ Петербурга и Казани. При такихъ условіяхъ каждый рабочій получалъ значительную заработную плату, которую излѣдователи высчитываютъ въ 259 руб. 25 коп. въ годъ. Значительность заработковъ сразу повлила на возвышеніе экономическаго благосостоянія кустарей, такъ что они нашли даже возможность удѣлить изъ своихъ заработковъ на устройство школы 500 рублей. Но, само собою разумѣется, такая артель, занятая спеціальной, нужной только для извѣстнаго времени промышленностью, уже по одному этому не могла просуществовать долго. Исполняя только казенные подряды, она поставлена была въ зависимость исключительно отъ артиллерійскихъ заводовъ, отъ заказовъ, которые ей дѣлались этими послѣдними. Въ слѣдствіе этого, въ 1871 г. работы у ней вдругъ прекратились и она должна была ликвидировать свои дѣла, раздѣливши „по рукамъ“ весь свой запасный и оборотный капиталъ въ 2600 р. Возобновлялась ли она потомъ — неизвѣстно, но, конечно, приведенные факты свидѣтельствуютъ, что она во всякомъ случаѣ, какъ извѣст-

нач. форма производства и организации, обладала замечательной живучестью и была благотворительна для рабочих. Будь у ней постоянные заказы — быть сомнительно, она сдѣлалась бы главнѣйшимъ источникомъ благосостоянія всѣхъ мѣстныхъ крестьянъ.

Существовала также, или даже существуетъ и теперь, Екатеринбургская артель по производству лафетовъ (Исаевъ, 84) основанная по почину начальника уральскихъ заводовъ г. Грамматикова. На Кувшинскомъ заводѣ мы находимъ артель рабочихъ для производства доменныхъ и литейныхъ работъ. Известна также всѣмъ складочная артель слесарей въ с. Павлово, Нижегородской губерніи, образовавшаяся по инициативѣ Министерства Финансовъ, въ началѣ 70-хъ годовъ, и разложившаяся только вслѣдствіе того, что не во время лишилась своего главного разумнаго руководителя г. Зернова.

Недавно газеты принесли извѣстіе, что въ Петербургѣ, по инициативѣ мѣстнаго градоначальника, г. Грессера организовалась артель ночныхъ сторожей, имѣющая свой уставъ и значительный основной капиталъ. Говорятъ также, что въ "Свердловой комиссіи" Качалова разработанъ вопросъ объ учрежденіи банка для поморовъ Архангельской губерніи. Проектъ этотъ, по словамъ "Московскихъ Вѣдом." (№ 205, 1885 г.), уже одобренъ Министерствомъ Финансовъ и въ настоящее время находится на разсмотрѣніи Государственнаго Совѣта, а въ непродолжительномъ времени вѣроятно получитъ окончательное разрѣшеніе. Главная цѣль банка будетъ состоять въ выдачѣ мелкимъ туземнымъ промышленникамъ и рыбакамъ ссудъ — единоличныхъ и артельныхъ, за круговой порукою всѣхъ членовъ — на устройство собственныхъ тоней и неводовъ, что дастъ имъ возможность выйти изъ зависимости отъ крупныхъ рабпромышленниковъ и вести промыселъ самостоятельно.

Точно также и частныя лица часто являлись инициаторами въ организации промышленности, и не всегда и безуспѣш-

но. Въ 1862 г. напр., г. Мельниковъ въ Петербургѣ задумалъ дать болѣе или менѣе прочную и выгодную организацию мастеровымъ столярнаго цеха, которые до тѣхъ поръ работали, закупали сырой матеріалъ и сбывали издѣлія каждый самъ по себѣ, въ отдѣльности отъ прочихъ. Съ этою цѣлью была устроена имъ столярная сырьево-складочная артель, гдѣ всѣ участники могли помѣщать свои издѣлія для продажи и подѣл получались заказы отъ разныхъ частныхъ лицъ и общественныхъ учреждений. Черезъ 2 года артель эта имѣла уже свой собственный прекрасный магазинъ. Съ теченіемъ времени дѣла ея все улучшались, но, къ сожалѣнію, личный составъ скоро почти весь измѣнился, и на мѣсто русскихъ въ артель вошли почему-то вѣтцы.

Мы могли бы привести здѣсь многое множество подобныхъ же фактовъ, но намъ кажется и этого вполне достаточно, чтобы убѣдиться въ томъ, что внѣшнее воздѣйствіе, посторонняя инициатива, какъ таковая, не можетъ вредить дѣлу организации нашихъ кустарныхъ промысловъ. Предполагать на основаніи извѣстнаго ошибочнаго логическаго силлогизма *post hoc, ergo propter hoc*, — что Тверскія земскія артели пали только потому, что не были основаны самими крестьянами, что всѣ промышленныя артели только въ томъ случаѣ и могутъ имѣть успѣхъ, если они будутъ организованы самими производителями, — было бы совершенно неосновательно.

Но могутъ быть также возраженія и по существу. Намъ могутъ сказать, что какъ бы мы ни старались о развитіи и поддержкѣ мелкой кустарной промышленности, она все таки въ концѣ концовъ, подъ вліяніемъ развивающейся культуры, должна будетъ пасть, уступивши свое мѣсто крупному производству, что таково вообще "законъ" историческаго развитія и преемственности экономическихъ формъ и что никакія усилія ни частныхъ лицъ, ни общественныхъ учреждений не въ силахъ оборотить дѣйствія этого желѣзнаго историко-экономическаго закона, который уже проявилъ свою силу въ западной Европѣ. Необходимо, конечно, сознаться,

что условия современной нашей хозяйственной жизни больше благоприятствуют крупной форме производства и оставляют очень мало простора для деятельности мелкого промышленника, но из этого, по нашему мнению, еще ровно ничего не вытекает. Ссылка на западную Европу также не имеет за собою никаких резонов, потому что в настоящее время уже считается доказанною та мысль, что хозяйственный строй одной стороны — не есть точный слывой с другой, что каждая страна имеет свою собственную хозяйственную историю, которая вовсе не обязательна для государств соседних, имеющих свою самостоятельную социально-политическую и естественную физиономию. В нашем недавнем прошлом мы имеем крупный пример, доказывающий возможность такого направления в государственной политике, которое как нельзя больше соответствует общему благу и резко отличается от прежней политики западно-европейских государств, приведшей их к капитализму. Это знаменитый акт нашей верховной власти 1861 г. Тенденция крупной промышленности по отношению к нему заключалась, несомненно, в том, чтобы сконцентрировать земельный капитал в руках немногочисленного меньшинства и оставить массу безземельною. В этом заключался интерес капитала и владычества; но тем не менее, благодаря воле Царя-Освободителя и желанью лучших сил тогдашнего русского общества, этого не случилось, и крестьяне все получили надѣлы; земля от этого раздробилась, вопреки прямым тенденциям капитала и это обстоятельство надолго затормозило развитие крупной промышленности в нашем государстве.

Но пусть даже будущее принадлежит крупному производству, — это все таки не дает нам права холодно относиться к борьбе мелкого кустаря с крупными капиталистическими предприятиями, так как, вѣтъ сомнѣнія, задача промышленного прогресса, его высшая, идеальная цель должна состоять в том, чтобы овладеть крупной формой производства на началах коллективизма и артельности...

Во всяком случае, „прикрытие естественными законами историческое говоритъ воедино изъ нашихъ извѣстныхъ экономистовъ, есть преступное равнодушие, которое въ концѣ концовъ играетъ въ руку могущественному меньшинству и наоборотъ; всякое дѣятельное стараніе, устранить эти невыгоды, которыя будто бы роковымъ образомъ влекутъ за собою эти законы, позволяетъ освободиться отъ многихъ золъ, которыми страдаютъ западно-Европейскія страны. Общественная жизнь не есть произведение природы, она произведение культуры, въ созданіи которой участвуетъ человѣческій умъ, говоритъ Вагнеръ. А если это такъ, то дѣятельное участіе государства и наиболее развѣтой части — общества въ хозяйственной политикѣ можетъ придать экономическому складу страны иной видъ, нежели тотъ, который она приметъ подъ вліяніемъ соперничества порожденнаго только экономическими побужденіями. (Исаевъ — Артели, стр. 323) Кромѣ этого, намъ кажется, что нигдѣ кустарные промыслы не нуждаются такъ сильно въ сторонней поддержкѣ, какъ въ нашихъ черноземныхъ губерніяхъ. Они выросли здѣсь еще такъ недавно, не успѣвши достаточно окрепнуть и укорениться, — принуждены теперь же вступать въ борьбу съ сильнымъ противникомъ — капитализмомъ, который при поддержкѣ желѣзныхъ дорогъ и разныхъ иныхъ культурныхъ усовершенствованій и нововведеній послѣдняго времени, все усиливается, растетъ, какъ скалоный богатырь, не по днямъ, а по часамъ. Если правительство и земства находятъ нужнымъ помогать кустарямъ центральныхъ и черноземныхъ губерній (Тверской, Владимірской и Вятской), то тѣмъ болѣе такая помощь необходима кустарямъ нашей черноземной полосы, потому что тамъ, въ нечерноземныхъ губерніяхъ, кустарныя производства — явленіе старое, давнишнее; тамъ они имеютъ свою историю и традиціи. Московскіе ткачи, вязниковскіе кожевники, ковровскіе сѣни считаютъ за собою дѣла сотня лѣтъ существованія. Капитализмъ, какъ явленіе новаго, послѣдняго времени, засталъ кустарныя производства того края уже на извѣстной степени развитія, когда они совершенно

сорганизовались и крѣпко укоренились въ населеніи. Поэтому ку-
стари, своими силами, могли тамъ успешно бороться — по
крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ — съ системой крупнаго капи-
талистическаго производства. Тамъ не менѣе во многихъ мѣстахъ
тамъ борьба эта оказалась настолько трудна для крестьянина-кустари, что
земством и правительствомъ сочли нужнымъ протянуть ему руку по-
мощи. У насъ же, въ черноземной полосѣ, помощи эта, по на-
шему мнѣнію, еще необходима, потому что всѣ здѣшніе промыслы
и кустарные производства явленіе молодое едва вышедшее изъ це-
лепокъ. Они возникли и стали развиваться здѣсь весьма недавно;
многіе изъ нихъ всего какихъ-нибудь 30—40 лѣтъ назадъ приняли
форму промышленности. Поэтому промышленникамъ и здѣшнимъ трудно
вести борьбу съ капитализмомъ, до конкуррировать не только съ
мѣстными, но и съ вѣшними, привозными издѣліями крупной за-
водско-фабричной промышленности. За послѣднія 17 лѣтъ съ тѣхъ
поръ, какъ прошли здѣсь желѣзныя дороги, мы видѣли уже здѣсь
нѣсколько примѣровъ гибели кустарныхъ производствъ, издѣлія ко-
торыхъ не въ состояніи были, по тѣмъ или инымъ причинамъ,
выдерживать конкуренцію съ привозными издѣліями московскихъ и
владимірскихъ мануфактуръ. Такъ погибло напр. производство ку-
шаковъ въ Фатежскомъ, Щигровскомъ и Курскомъ уу., такъ какъ
дешевый машинный кушакъ московской фабрикаціи, привезенный сюда
по желѣзной дорогѣ, сразу вытѣснилъ съ рынка мѣстный издѣлія.
Правда, привозной кушакъ, по своимъ качествамъ, гораздо хуже
здѣшняго: онъ скорѣе изнашивается и линяетъ послѣ первой же про-
мывки, — но что за дѣло до этого потребителю — крестьянину? Онъ
ищетъ не красоты а главнымъ образомъ дешевизны; этому качест-
ву вполне удовлетворяетъ привозной кушакъ машиннаго производ-
ства, и потому издѣлія нашихъ кустарей должны были на пер-
выхъ же порахъ уступить ему свое мѣсто. Вслѣдствіе тѣхъ же
причинъ гибнетъ у насъ и ковровое производство, производство
рушниковъ и скатертей въ Львовскомъ, Курскомъ и Щигровскомъ

уѣздахъ, кузнечное производство въ Миропольѣ и Борисовкѣ,
и т. д. *).

Всего этого могло бы, конечно, и не быть, если бы кустарямъ
была оказана надлежащая и своевременная помощь со стороны.

Говорить подробно о практическихъ мѣрахъ, путемъ которыхъ
должна выразиться помощь кустарямъ, мы здѣсь не рѣшаемся — уже
по одному тому, что этотъ предметъ не легко уложить на нѣ-
сколькихъ страницахъ, такъ какъ пришлось бы говорить о каж-
домъ промыслѣ особо. Мы ограничимся здѣсь лишь краткимъ ука-
заніемъ тѣхъ мѣропріятій, которыя могутъ быть примѣнены ко
всѣмъ вообще кустарнымъ промысламъ безъ исключенія. Всѣ такія
мѣропріятія можно подраздѣлить на *культурныя* и *экономическія*.
Къ числу первыхъ относятся:

1) Образованіе ремесленнаго обученія при сельскихъ школахъ.

*) Напомнимъ читателю, что до проведенія желѣзныхъ дорогъ крупные
центры (слободы и города) южной части Курской губ. занимались изготовленіемъ
сошниковъ, подковъ и гвоздей для всей центральной черноземной полосы. Суд-
жанскіе подковы были извѣстны даже въ Москвѣ и Петербургѣ и во всѣхъ окра-
инныхъ южныхъ городахъ, и вслѣдствіе ихъ предпочитали, или, по крайней мѣрѣ, ста-
вили въ уровень съ извѣстными «касимовскими подковами». Матеріалъ производ-
ства, желѣзо, здѣшніе кустари брали прежде или на Коренной ярмаркѣ, или же
въ Кременчугѣ, какъ ближайшемъ депо, гдѣ можно было получать нижегородское
(уральское) желѣзо. Издѣлія свои кустари сбывали, главнымъ образомъ, въ Суми,
Харьковѣ и Полтаву. Въ настоящее время города эти уже больше не берутъ
здѣшнихъ издѣлій, потому что желѣзная дорога примчала въ Харьковѣ массу
сырья — нижегородскаго и англійскаго полосоваго желѣза, и вслѣдствіе этого тамъ
явились собственные кузнецы, которые своими издѣліями вытѣснили Суджанскихъ
кустарей съ Харьковскаго и Полтавскаго рынковъ. Такимъ образомъ, они оста-
лись при одномъ только мѣстномъ рынкѣ, слѣдствіемъ чего былъ упадокъ произ-
водства въ смыслѣ техники. Прежнюю славную Суджанскую подкову, которая
дѣлалась изъ лучшаго перскаго полосоваго желѣза смѣнила дрянная подкова
изъ «лома», т. е. изъ ржавыхъ отбросовъ и обломковъ. Она очень непрочна
и некрасива на видѣ; покупается только крестьянами; владѣльцы же для своихъ
экономій и для себя берутъ англійскую подкову въ мѣстныхъ лавкахъ. Теперь
англійскую и нижегородскую (воремскую) подкову здѣсь въ каждой лавкѣ встрѣ-
тишь... Сапожный гвоздь, приготовленіемъ котораго прежде такъ славился г. Ми-
рополье, выбитъ теперь воремскими привозными гвоздями даже съ мѣстнаго рынка;
мѣстные кузнецы совсѣмъ перестали готовить его, находя невыгоднымъ для
себя конкуррировать съ Воремой (Промыслы и вѣземлед. занят. крестьянъ центр.
района Курской губ. Общій сборникъ, стр. 189—190).

175 22

2) Образование специальных технических ремесленных училищ в крупных торгово-промышленных центрах, вроде: гор. Мирополья, Михайловки (Дмитриевск. у.), Борисовки, Томаровки, Великой-Михайловки и проч.; при чем, в этих специальных учебных заведениях должно быть обращено особое внимание на изучение тех отраслей промышленности, которые наиболее развиты в той местности: в Мирополье, напр., на ситовное, кожевенное, шапочное, сапожное производства, в Михайловке — на веревочное и т. д. Учителями в таких училищах должны быть люди не столько с теоретическим, сколько с практическим образованием; они должны быть специалистами своего дела, знать, какие технические приспособления в известном производстве существуют повсеместно у наших русских кустарей и за границей. Контингент таких учителей может рекрутироваться из окончивших курс в реальных и технических училищах; при чем, для практического ознакомления с разными формами технического производства, их можно бы было отправлять в командировки, на стипендии, нарочно ассигнуемые для этого.

3) Образование при таких училищах, или отдельно от них, в промышленных и густо населенных центрах, специальных промышленных музеев и библиотек.

4) Организация периодических центральных выставок кустарных производств в губернских и уездных городах. Это будет служить прекрасным средством для сближения кустарей между собою и для сближения их с потребителями и торговцами-скупщиками. Такие выставки можно устраивать регулярно чрез каждые 3—5 лет.

Главнейшими же экономическими предприятиями должны быть следующие:

1) Организация сырьевых и товарных складов на местах производства; для этого промышленникам должны быть выдаваемы единовременная долгосрочная ссуда, уплата которых гарантируется

общей круговой порукой всех промышленников, пользующихся складами.

2) Организация дешевого кредита для закупки сырья, в виде особых „промышленных“ банков, касс и т. под.

3) Единовременная ссуда кустарям для приобретения некоторых дорогих инструментов и орудий производства, покупка которых не по силам мелкому кустарю — одиночке, как напр., „машина“ для толчения коры в кожевенно-сапожном производстве, стоящая до 100 руб. В виду того, что такие орудия необходимы производителю не постоянно, а только в некоторые моменты производства, они легко могут быть приобретаемы артелями, по нескольку человек, для совместного пользования.

4) Временное допущение для производительных артельных организаций отмены промышленных свидетельств и других торговых пошлин.

В заключение мы не можем не отметить здесь одного отрицательного факта, показывающего, что и в нашей Курской губернии среди земских деятелей начинает обнаруживаться внимание и сочувствие к положению кустарей. Прошедшим летом нами была помещена в газ. „Новостях“ заметка о кузнечном промысле в г. Мирополье, Судж. уезда, в которой мы указывали на бедственное положение кузнецов, вынужденных, вследствие упадка промысла и отсутствия сбыта для их изделий, понемногу закрывать свои кузницы и искать сторонних заработков. На это обратил внимание председатель 2-го отделения Вольно-Экономического Общества, Ф. Н. Королев, который и обратился с письмом к председателю Суджанской земской управы, К. П. Арнольди, предлагая со стороны Общества содействие миропольским кузнецам. Содействие это, по мнению г. Королева, могло бы выразиться в снабжении кузнецов образцами таких несложных земледельческих орудий, которые могут быть без затруднения построены обыкновенным кузнечным способом и не требуют дорогих и сложных приспособлений; при

чем г. Королевъ указывалъ на одноконные плужки, производимыя кустарями С.-Петербургской губ., на 17-рублевую вѣялку, изготовляемую въ Ярославской губернии, и еще на нѣкоторые другіе предметы, которое Вольно-Эконом. Общество могло бы выслать миропольскимъ кустарямъ безвозмездно. На ближайшемъ же экстренномъ уѣздномъ земскомъ собраніи, 18 апрѣля текущаго 1885 года, предсѣдатель управы сдѣлалъ объ этомъ докладъ, въ которомъ, основываясь на данныхъ статистическихъ сборниковъ, изданныхъ губернскимъ земскимъ статистическимъ бюро, доказывалъ неотложную необходимость помощи миропольскимъ кузнецамъ. Зная нравственную неподвижность малороссіянина, говорилъ предсѣдатель въ своемъ докладѣ, можно сомнѣваться, чтобы Миропольскіе кузнецы согласились приняться за постройку даже самаго незначительнаго числа земледѣльческихъ орудій на свой собственный страхъ и рискъ, пока они не будутъ увѣрены въ возможности находить имъ выгодный сбытъ, — тѣмъ болѣе, что значительная часть кузнецовъ находится въ самомъ бѣдственномъ экономическомъ положеніи, а потому едва ли найдеть возможность затратить значительную часть денегъ, труда и времени на производство предметовъ, для сбыта которыхъ потребуетъ довольно продолжительное время. Но всѣ эти неудобства могутъ быть легко устранены, если почнуть въ этомъ дѣлѣ и небольшія первоначальныя затраты на него возметъ на себя уѣздное земство, которое можетъ прямо отъ себя сдѣлать заказъ нѣсколькихъ образцовъ, съ выдачею мастерамъ авансомъ небольшой суммы денегъ на покупку матеріаловъ и проч., и затѣмъ представить ихъ на ожидаемую губернскую земскую сельско-хозяйственную и кустарно-промышленную выставку. При этомъ докладчикъ добавлялъ, что если собраніе будетъ скудиться на затраты, имѣющія цѣлью увеличеніе производительности земли и поддержаніе мѣстныхъ промысловъ, то налоги будутъ становиться для плательщиковъ съ каждымъ годомъ чувствительнѣе, сколько бы оно ни старалось быть бережливымъ, потому что чѣмъ бѣднѣе будетъ становиться земля, и чѣмъ меньше будетъ у земства источниковъ

обложенія, тѣмъ труднѣе будетъ каждому плательщику вносить земскій налогъ и тѣмъ на меньшее число промышленниковъ придется производить раскладку налога. Изъ 67 еще недавно работавшихъ въ Миропольѣ кузницъ, какъ это видно изъ „Стат. сб. по Судж. у.“ во время послѣдней провѣрки промышленныхъ заведеній въ 1884 г. управа нашла возможнымъ привлечь къ земскому обложенію только 23 кузницы, такъ какъ остальные или вовсе стоятъ безъ работы, или же работаютъ такъ мало, что ихъ никоимъ образомъ нельзя подвергнуть обложенію. Если же земство дастъ выгодный заработокъ этимъ остальнымъ 44 кузницамъ, то оно въ правѣ будетъ со временемъ и ихъ также облагать земскимъ сборомъ, а слѣдовательно и раскладывать налогъ на большее число лицъ.

Собраніе отнеслось весьма сочувственно къ сдѣланному предложению и постановило: докладъ управы о поддержкѣ кузнечнаго промысла въ Миропольѣ утвердить и предоставить ей взять на первоначальныя затраты по этому дѣлу часть изъ 300 руб., ассигнованныхъ собраніемъ на приобрѣтеніе экспонатовъ для предстоящей въ г. Курскѣ сельско-хозяйственной и кустарной выставки. *)

Трудно, конечно, сказать впередъ, насколько дѣло постройки земледѣльческихъ орудій можетъ развиваться въ Миропольѣ, но нѣтъ основаній утверждать что оно вовсе не поидеть. Если суджанской управѣ удастся напасть на такіе типы орудій, на которые существуетъ большой спросъ, и мѣстные кузнецы будутъ изготовлять ихъ, — съ одной стороны, также удовлетворительно, съ другой — болѣе дешево сравнительно съ тѣми, которые имѣются въ городскихъ складахъ, то, при нѣкоторомъ усиліи со стороны земства найти имъ выгодный сбытъ, можно надѣяться, что дѣло разовьется. Примѣръ Воткинскихъ кузнецовъ, о которыхъ мы выше говорили, доказываетъ, что дѣло это, при умѣнн за него взяться, не заключаетъ въ себѣ ничего фантастическаго. Очень можетъ быть, что спроса на дешевые одноконные плужки вначалѣ не будетъ,

*) Прибавленіе къ № 19 „Еженедѣльника Судж. земства“. Журналы экстр. Суджанскаго уѣзднаго земскаго собранія, 18 апр., 1885 г.

въ такомъ случаѣ можно будетъ, какъ совершенно справедливо думаетъ г. Арнольди, дѣлать передковыя плужки, бороны съ желѣзными зубьями, дешевыя вѣялки, вродѣ Сабанѣвской, стоющей всего 17 р. и проч. Вѣдь все равно, рано или поздно, а нашъ крестьянинъ долженъ будетъ разстаться съ сохою, которая по цѣнѣ своей почти равняется цѣнѣ плуговъ Шарапова, Шварцгофа и другихъ. Почти все крестьянское население оетзейскаго края и царства польскаго въ настоящее время уже пашетъ плугомъ, и послѣдній начинаетъ все болѣе и болѣе распространяться среди крестьянъ южныхъ губерній.

Какъ бы то ни было, мы во всякомъ случаѣ не можемъ не привѣтствовать благого начинанія Суджанскаго земства, и при этомъ осмѣливаемся выразить надежду, что Суджанскій уѣздъ въ этомъ случаѣ не будетъ единичнымъ исключеніемъ среди другихъ уѣздовъ нашей губерніи и что другія уѣздныя земства также, вѣроятно, не откажутся помочь нашимъ кустарямъ...

Кустарныя производства.

I. Производство скатертей

въ сл. Борисовкѣ, Грайворонскаго уѣзда.

Въ I т. „Общаго Сборника“ мы уже говорили о производствѣ скатертей въ центральномъ районѣ Курской губерніи. Здѣсь же мы считаемъ нужнымъ снова возвратиться къ этому производству, такъ какъ въ промышленной слоб. Борисовкѣ мы встрѣтили его въ болѣе организованной и совершенной формѣ, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ другомъ мѣстѣ, — въ Фатежскомъ, напр., или въ Курскомъ уѣздѣ.

Въ слободѣ этой производствомъ занято всего 255 чел. мужчинъ и 36 женщинъ, въ томъ числѣ 18 чел. „хозяевъ“, раздающихъ работу и 273 чел. собственно производителей.

Промыселъ возникъ здѣсь, по словамъ крестьянъ лѣтъ 50 тому назадъ, но при какихъ именно обстоятельствахъ и кто первый пранесъ его сюда — борисовцы не знаютъ. Въ первое время своего существованія производство было организовано на началахъ мелкой кустарной промышленности; каждый производитель покупалъ для себя матеріалы производства и самъ лично сбывалъ свои издѣлія потребителямъ на мѣстныхъ базарахъ и ярмаркахъ, въ самой Борисовкѣ. Бумаги для издѣлій кустари въ первое время не употребляли, скатерти дѣлались исключительно изъ пеньки и льна, — простыя были, по отзывамъ крестьянъ, „мужичкія“. И рисунки на нихъ дѣлались только двухъ видовъ: „кляточками“ — квадратиками и „шашочками“, т. е. небольшими шестиугольниками. Но съ теченіемъ времени, техника производства развивалась и совершенствовалась, приспособляясь къ развивающимся вкусамъ и потребностямъ населенія. Сначала изобрѣтательный умъ ткачей совершенствовалъ ри-

сунки на издѣляхъ, усложняя и измѣняя ихъ на разные лады, а со времени освобожденія, когда потребности развились и увеличились, ткачи принужденны были замѣнить грубой пеньковой утокъ бумажнымъ, такъ какъ спросъ на пеньковыя скатерти сталъ прогрессивно уменьшаться. Это повело за собою возникновеніе той организаціи, которую мы теперь застаемъ въ скатертномъ производствѣ. Самостоятельному кустарю-одиночкѣ, и безъ того едва перебивавшемуся лишь съ хлѣба на квась, самому стало рѣшительно невозможно, по причинѣ дороговизны, приобрѣтать материалы производства, и оно, въ концѣ концовъ, сосредоточилось исключительно въ рукахъ болѣе зажиточныхъ семей, а всѣ прежніе производители должны были встать въ зависимое къ нимъ положеніе и изъ самостоятельныхъ кустарей обратиться въ наемныхъ рабочихъ, получающихъ сдѣльную плату за свой трудъ. Последніе самостоятельные ткачи исчезли лѣтъ 10 тому назадъ.

„Хозяева“ покупаютъ главный матеріалъ производства—бумагу въ Харьковѣ у купца Прибылова. Пудъ бумаги бѣлой стоитъ 18 р., красной—25—30 р. Пряжу льняную они беуртъ тамъ же въ Харьковѣ, или скупаютъ по мелочамъ на мѣстныхъ базарахъ и ярморкахъ; стоимость пряжи—11 руб. за пудъ.

Бумага покупается пачками, по $11\frac{1}{8}$ фунтовъ въ каждой.

Прежде чѣмъ отдавать основу ткачу, хозяева разматываютъ бумагу и сплутъ пряжу на своихъ „сновальныхъ“, при помощи особыхъ наемныхъ женщинъ-работницъ. Работа эта производится въ особыхъ помѣщеніяхъ, снабженныхъ отъ хозяина всеми необходимыми инструментами, какъ то: скальницами, станками для снованья и т. д. Устройство такого помѣщенія на 10 чел. работницъ, со всеми принадлежностями, обходится хозяину отъ 100—150 р. Женщины получаютъ плату сдѣльно: отъ каждой пачки бумаги, за ея разматку, по 25 коп. и отъ каждой основы льняной, за „снованье“—по 30 коп. На разматку пачки бумаги, точно также какъ и на производство основы для одной „штуки“ скатертной

матеріи требуется не менѣе $1\frac{1}{2}$ или 2 дней, такъ что женщины получаютъ, стало быть, отъ 10—15 коп. въ день заработной платы.

Нерѣдко бываетъ, что разматку бумаги и снованье пряжи принимаютъ на себя сами ткачи и производятъ эти работы у себя на дому, при помощи своихъ домашнихъ. Въ такомъ случаѣ имъ платится за каждую шугу сотканной матеріи дороже на 50—60 коп.

Вся основа длиною обыкновенно бываетъ въ 180 „локтей“. Локоть равняется $\frac{3}{4}$ арш.; значить, въ „основѣ“ всего 135 арш. Какъ бумагу, такъ и пряжу льняную ткачу выдаютъ по вѣсу. Для каждой основы необходимо 25 фунтовъ пряжи, 25 ф. бѣлой бумаги и 5 фунтовъ красной. Стало быть, стоимость каждой штуки матеріи въ сыромъ видѣ равняется: 6,9 руб. за пряжу + 11,3 р. за бѣлую бумагу и + 3 р. 40 коп. за красную = 21,6 руб.

Тканьемъ скатертей занимаются только одни мужчины; за послѣднее время впрочемъ засѣли за станъ и бабы нѣкоторыя, но „хозяева“ вообще даютъ имъ работу не охотно, потому что, по ихъ мнѣнію, бабы „не срушны къ этому.“ Всего нашей переписью зарегистрировано женщинъ—ткачихъ 36 чел.

Помѣщенія у рабочихъ особыхъ нѣтъ; станы стоятъ въ жилыхъ избахъ, гдѣ помѣщается все семейство ткача. Очень часто въ одной избѣ стоитъ 2 или даже 3 стана. Неудобно это, конечно,—и сами рабочіе прекрасно сознаютъ это, но что же дѣлать? не строить же, въ самомъ дѣлѣ, имъ особыхъ помѣщеній для тканья, изъ того ничтожнаго заработка, какой достается на ихъ долю. Неудобство работы въ жилыхъ помѣщеніяхъ ощущается не только со стороны тѣноты, но и потому еще что, при тканьи, отъ пряжи и бумаги отдѣляется масса мелкой пыли, которая, проникая, въ легкія, причиняетъ значительный вредъ здоровью ткача и его домашнихъ. Оттого въ семьяхъ ткачей часто страдаютъ чахоткой. Сами ткачи—народъ съ виду хилый, болѣзненный, „сморенный“,

какъ они сами говорятъ про себя. „Всякому изъ насъ дай свѣчу въ руки да въ гробъ положи прямо“....

Станокъ у ткачей обыкновенно такой же, какой употребляется и для тканья холстовъ; только пошире его будетъ верхка на 2—3. Самая основа-шириною въ $1\frac{1}{4}$ арш. или 18 „наемъ“; значить, станъ долженъ быть шириною арш. въ $1\frac{1}{2}$, — не болѣе. Станъ дѣлается здѣшними же борисовскими столярами; стоимость его — 7 руб.; одного стана „хватить на вѣкъ“; починаютъ сами ткачи. Работа ткачей начинается послѣ уборки хлѣбовъ, съ осени, съ половины сентября, и кончается въ Пасхѣ. Рабочихъ полныхъ дней у ткача въ теченіе года, стало быть, около 140.

Ткачи производятъ 4 сорта скатертей. Сорта эти разнятся между собою по узору и потому еще, какъ много употреблено на скатерти дорогой красной бумаги. Узоровъ всѣхъ насчитываютъ да 20; замѣчательнѣйшіе изъ нихъ и болѣе употребительные: *колпаки, теремки, звездочки, шахвы, полушахвы, тарелковые и гречневые*. Самые трудные для исполненія узоры — колпаки и теремки, потому и скатерти съ такими узорами цѣнятся обыкновенно дороже другихъ сортовъ. Колпаковую скатерть продаютъ въ Борисовкѣ на мѣстѣ по 70—80 коп. за шт., тогда какъ, напр., тарелковыя цѣнятся по 30—40 коп. за штуку.

Бываютъ у ткачей ученики, — обыкновенно изъ бѣдныхъ, бобыльскихъ семей. Отдаютъ ихъ въ ученіе — на 1—2 года безплатно.

Плату ткачи получаютъ сдѣльно: отъ каждой, „штуки“ скатертей, въ 180 локтей длиною, 5—6 руб. Плата отдается имъ послѣ окончанія работы. Ткачи, впрочемъ, по большей части, не дожидаются, когда кончится у нихъ на станѣ вся штука. Соткавши десять или двадцать „локтей“ они срѣзаютъ ихъ и бѣгутъ къ хозяину за деньгами. Штуку разрѣзаетъ на скатерти или самъ хозяинъ, или же ткачи, которымъ онъ это поручаетъ. Особенно чистой работы отъ ткача не требуютъ; на „огрѣхи“, не избѣжныя при этой работѣ, не обращаютъ никакого вниманія. Какъ ни

сотки — все сойдеть, потому что покупатель, потребляющій эти издѣлія, невзыскателенъ. О штрафахъ за разные недостатки работы здѣсь и не слыхивали.

Ткачи работаютъ приблизительно около 12 час. въ сутки, посвящая всему дѣлу не только день, но и значительную часть ночи. Освѣщеніе у всѣхъ — керосиновое. Въ день рабочей можетъ соткать, при успѣшной работѣ, отъ 7—8 локтей ($5\frac{1}{2}$ —6 арш.). Значить, въ продолженіе всего рабочаго сезона, въ теченіе 140 дней, онъ производитъ отъ 980—1020 локтей, или около 750 арш., что составляетъ всего $5\frac{1}{2}$ штукъ.

Съ каждой штуки рабочему платится, среднимъ числомъ, $5\frac{1}{2}$ рублей; стало быть, всего въ годъ онъ заработаетъ до 30 руб. Но это — валовой заработокъ; изъ него еще нужно вычесть:

стоимость освѣщенія	2 р. —
ремонтъ и погашеніе основнаго капитала	— 50 к.
покупка воску	— 30 к.
Итого	2 р. 80 к.

Чистый же заработокъ ткача, стало быть, равняется 30 р. — 2 руб. 80 коп. = 27 руб. 20 коп.

Заработокъ ничтожный — что говорить. „Работаемъ — абы съ голоду не сдохнуть“, какъ выражаются сами ткачи. Но въ сущности они довольны и этимъ заработкомъ, потому что производство ведется по преимуществу въ зимнее время, а въ эту глухую пору трудно подыскать такое занятіе, которое бы давало большую выгоду. Въ прежнее время значительная часть населенія сл. Борисовки промышленяло извозомъ, который доставлялъ крестьянамъ солидные заработки; но когда прошли въ этомъ краю желѣзныя дороги, промыселъ этотъ разомъ упалъ и крестьяне лишились возможности пополнять при помощи его свои ежегодные хозяйственные дефициты... Когда производство скатертей, послѣ отмены крѣпостнаго права, стало здѣсь усиленно развиваться, то крестьяне съ радостью набросились на это занятіе, потому что оно все таки давало хоть какой-нибудь за-

работокъ, и при томъ — при самыхъ незначительныхъ съ ихъ стороны затратахъ. Количество ткачей увеличивается и до сихъ поръ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе, не смотря на то, что общій торговый застой въ дѣлахъ, обнаружившійся за послѣдніе 5 лѣтъ, заставилъ большинство „хозяевъ“ уменьшить свое производство, а нѣкоторыхъ — и совсѣмъ прекратить его. Въ сравненіи съ тѣмъ, что было лѣтъ 7—8, даже 10 лѣтъ тому назадъ, абсолютное количество производимыхъ издѣлій уменьшилось, но количество ткачей, по общему отзыву, увеличилось. Результатомъ этого явилась страшная конкуренція въ сферѣ предложенія услугъ и вмѣстѣ съ тѣмъ абсолютное и относительное уменьшеніе заработной платы. Прежде за штуку матеріи хозяева платили ткачу 6—7 р., даже иногда до 8 руб. доходило, а теперь поштучная плата понизилась до 5¹/₂ рублей. Съ другой стороны, въ настоящее время рѣдко кому изъ ткачей посчастливится имѣть работу постоянно, всю зиму. По большей же части „недѣлю работаешь да двѣ — нѣтъ“, какъ заявляютъ сами производители. Прежде ткачей было мало, рабочихъ рукъ не доставало, такъ что предприниматели, нахватавши бумаги и пряжи, сплошь да рядомъ по цѣлымъ годамъ сидѣли съ ними, потому что некому было работать. Теперь наоборотъ: обнаруживается слишкомъ большое предложеніе рабочихъ рукъ и слишкомъ незначительный спросъ на нихъ... Такъ что, собственно говоря, нашъ расчетъ заработной платы нѣсколько преувеличенъ, но мы все таки рѣшаемся оставить его безъ измѣненія, такъ какъ болѣе точный учетъ заработка ткача невозможенъ.

Сбываютъ скатерти „хозяева“ на ярмаркахъ и мѣстныхъ базарахъ южныхъ уѣздовъ Курской губ., а также въ г. Харьковѣ и Харьковской губ. Продажа производится большею частію въ розницу, поштучно. Скатерти перваго сорта (копнаки и теремки) стоятъ по 1 руб. за каждую скатерть, втораго сорта — 80 коп., 3-го — 70—60 коп., 4-го — 30—60 коп. На мѣстѣ, въ Борисовкѣ, ихъ продаютъ нѣсколько дешевле, спускаютъ на каждомъ сортѣ по 5—10 коп. на каждой скатерти.

Длиною каждая скатерть дѣлается приблизительно въ 4 локтя, или 3 арш., шириною въ 1¹/₄—1¹/₂ арш.

„Хозяева“, раздающіе работу ткачамъ, рекрутируются всѣ изъ мѣстныхъ торговцевъ, имѣютъ свои бакалейныя и красныя лавки; а потому имъ сподручно разбѣзжать со скатертями по базарамъ и ярмаркамъ, такъ какъ они и безъ того ѣздили бы съ своимъ бакалейнымъ и краснымъ товаромъ, скатерти же они возятъ и продаютъ между прочимъ.

Теперь намъ слѣдуетъ опредѣлить общее годовое производство скатертей и чистый доходъ, получаемый хозяевами — предпринимателями.

Всѣхъ ткачей — производителей въ Борисовкѣ, какъ мы уже упоминали, 273 чел. Каждый изъ нихъ въ годъ производитъ, по нашему расчету, среднимъ числомъ, 5¹/₂ штукъ, или 1000 локтей скатертной матеріи. Стало бытъ, всѣ ткачи вмѣстѣ произведутъ 54750 арш., или 1500 штукъ.

На каждую штуку матеріи, въ 180 локтей, предприниматель расходуетъ:

на 25 ф. бѣлой бумаги	11,3 р.	—
„ 5 ф. красной	3,4 „	—
„ ремонтъ и погаш. основ. капитала (особое помещеніе для сновальни)	50 к.	
„ 25 фунтовъ пряжи	6,9 р.	—
плата за размотку	56 к.	
плата сновальщицъ	30 „	
плата ткачу	5,5 р.	—
Итого	28 р. 46 к.	

Стало бытъ, каждая штука скатертной матеріи обходится самому предпринимателю въ 28,5 руб.

Изъ 1 штуки матеріи выходитъ 45 отдѣльныхъ скатертей. Среднимъ числомъ, каждая скатерть, не принимая во вниманіе

сорта ея, стоитъ въ продажѣ 80 коп. За всю же штуку матеріи, въ 180 локтей длиною, хозяинъ предприниматель выручитъ 36 р. Значитъ, у него отъ каждой штуки останется чистаго барыша около 7,5 руб. Всѣ же 1500 штукъ, производимыхъ ежегодно борисовскими ткачами, будутъ проданы за 54000 руб., и чистый барышъ отъ нихъ будетъ 11250 рублей. Каждый же изъ предпринимателей—хозяевъ получить среднимъ числомъ до 625 рублей выгоды ежегодно.

Тканье скатертей—для производителя—ткача работа, какъ мы уже сказали, неблагоприятная и довольно трудная. За нее берется только самая отчаянная голытьба, не имѣющая возможности, по своей „маломочности“, самостоятельно заняться какимъ-нибудь болѣе выгоднымъ промысломъ. Изъ 252 дворовъ, занимающихся этимъ производствомъ, 208 или 80,6% безлошадныхъ, тогда какъ общій % безлошадниковъ по слоб. Борисовкѣ 54,9. Никакого культурнаго или цивилизующаго вліянія промыселъ этотъ не имѣетъ. Грамотность у ткачей развита гораздо менѣе, чѣмъ у другихъ промышленниковъ.

Производство скатертей имѣетъ, повидимому, прочную будущность, не смотря на переживаемый ими въ настоящее время острый кризисъ. Послѣдній вызывается общимъ застоємъ въ нашей обрабатывающей промышленности. Когда пройдетъ этотъ застой и промышленность снова вступитъ въ свою колею,—встрепенется и скатертное производство въ Борисовкѣ и снова пойдетъ правильнымъ путемъ. Нельзя не пожалѣть, однако, что оно вступило здѣсь слишкомъ рано на путь крупнаго капиталистическаго производства, которое сосредоточило главныя выгоды въ рукахъ немногихъ; и поставило кустарей въ положеніе простыхъ наймитовъ, работающихъ сдѣльно. Это случилось слишкомъ рано, когда кустарь еще не оперился и былъ слишкомъ слабъ, чтобы бороться съ крупными предпринимателями. На сколько мы знаемъ кустарную промышленность въ Курской губ.,—это единственное производство, такъ рано принявшее крупную, капиталистическую форму и вмѣстѣ такъ хорошо

организовавшееся на этой новой почвѣ. Во всѣхъ другихъ производствахъ—сапожномъ, напр., кожевенномъ, столярномъ, капитализмъ дѣлаетъ теперь только еще первые робкіе шаги, первые попытки завладѣть ими; здѣсь же, въ скатертномъ промыслѣ, онъ утвердился очень скоро и безъ всякихъ особыхъ усилій, безъ борьбы съ кустаремъ-одиночкой. Въ виду этого, съ точки зрѣнія теоретической, скатертное производство представляетъ глубокий интересъ для изслѣдователя...

Констатируя совершившійся фактъ перехода этого производства въ крупную форму, мы тѣмъ не менѣе не думаемъ, что ткачество безвозвратно погибло для мелкаго самостоятельнаго кустарь-производителя. Капитализмъ у насъ еще покамѣстъ никогда и нигдѣ не проявлялъ особенной силы, и въ данномъ случаѣ, какъ и вездѣ, или, по крайней мѣрѣ, въ большинствѣ кустарныхъ производствъ, въ которыя онъ началъ просачиваться, достаточно самаго незначительнаго усилія, чтобы окончательно уничтожить его и воротить старый порядокъ вещей, сдѣлать работника-наймита снова свободнымъ, самостоятельнымъ кустаремъ. Безъ посторонней помощи кустарь самъ разумѣется, этого не сдѣлаетъ, потому что у него нѣтъ для этого ни матеріальныхъ средствъ, ни необходимыхъ знаній. Тутъ необходимо вмѣшательство государства, или земства, или даже просто какого-нибудь общества, сильнаго своими матеріальными средствами и нравственнымъ авторитетомъ.

Чтобы сдѣлать Борисовскаго ткача по прежнему самостоятельнымъ кустаремъ, ему нужно помочь: 1) въ организациі самостоятельной закупки сыраго матерьяла артелью; 2) въ организациі правильнаго сбыта издѣлій, и наконецъ, 3) слѣдуетъ приобрести для него коллекцію образцовъ разныхъ узоровъ, такъ какъ рисунки и узоры составляютъ одно изъ слабыхъ, больныхъ мѣстъ въ скатертномъ производствѣ. Ничего этого, повторяемъ, кустарь самъ сдѣлать не въ состояніи...

II. Кожевенное и сапожное производство.

Главным центром кожевенного производства в нашей губернии считается г. Курскъ, въ которомъ насчитывается до 20 кожевенныхъ заводовъ. Такъ какъ изслѣдованіе промышленности городовъ не входитъ въ нашу программу, то мы, къ сожалѣнію, не можемъ здѣсь дать подробнаго очерка современнаго состоянія Курскаго кожевеннаго производства. Насколько намъ извѣстно, оно организовано здѣсь на началахъ крупной, капиталистической промышленности, и сосредоточено въ рукахъ мѣстныхъ купцовъ, имѣющихъ болѣе или менѣе значительныя кожевенныя заведенія, на которыхъ работаютъ постоянно отъ 150—250 чел. рабочихъ изъ мѣстныхъ мѣщанъ и крестьянъ, приходящихъ, главнымъ образомъ, изъ ближайшихъ, пригородныхъ деревень. Купцы отвозятъ свой товаръ изъ Курска въ Полтаву, Кролевецъ и Харьковъ, или же сбываютъ его пріѣзжающимъ сюда торговцамъ изъ Екатеринослава и Ростова-на-Дону. Лѣтъ 10—15 тому назадъ за кожами въ Курскъ пріѣзжали также и Одесскіе и Бессарабскіе торговцы, но въ настоящее время въ нашихъ курскихъ кожахъ они уже больше не нуждаются, такъ какъ въ Одессѣ за послѣднее время стали появляться свои кожевенные заводы, вполне удовлетворяющіе всѣмъ мѣстнымъ потребностямъ. По официальнымъ свѣдѣніямъ, въ Херсонской губернии числилось въ 1882 г. 21 кожевенное заведеніе, съ производствомъ на 1½ мил. рубл. *). Кожи закупаются курскими кожевниками въ Украинѣ, на мѣстныхъ базарахъ и ярмаркахъ, а частію и по деревнямъ. Въ Курскихъ городскихъ кожевенныхъ заводахъ выдѣлываются не только кожи толстыя, обыкновенный сапожный и сбруйный товаръ, но и добротныя, тонкія кожи изъ козла и барана. Что же касается лайки, замши, сафьяна и др. дорогихъ сортовъ кожи, то они привозятся на здѣшніе рынки изъ Москвы; среди же здѣшнихъ производителей до сихъ поръ были

*) Сборн. статист. свѣдѣній по Европ. Россіи за 1882 г., изд. Центр. Стат. Комитета М. В. Д. С.-П.-Б. 1884 г., стр. 149.

на сапожныя издѣлія на всѣхъ рынкахъ Украины. Благодаря этимъ двумъ обстоятельствамъ, кожевенно-сапожное производство начало быстро развиваться здѣсь, такъ что „чеботарныя издѣлія“ нашихъ южныхъ слободъ, уже къ 40-мъ годамъ настоящаго столѣтія, получили на югѣ широкую извѣстность (Аксаковъ — „Описаніе украинскихъ ярмарокъ“). До высшаго же разцвѣта производство дошло здѣсь въ 50-хъ и 60-хъ годахъ, когда общій итогъ годоваго производства кустарей по одной только Ольшанкѣ доходилъ до 200 тыс. рублей, по всѣмъ же слободамъ достигалъ до 1½ миллионъ рублей. Всѣ южныя украинскіе ярмарки и базары были завалены сапогами здѣшняго издѣлія. Кожевенно-сапожное производство къ этому времени уже окончательно сложилось здѣсь и отлилось въ прочную организацію, съ крупнымъ, капиталистическимъ характеромъ. Изслѣдователь 1860 года, свящ. Левитскій описываетъ эту организацію въ Ольшанкѣ—одномъ изъ коренныхъ и наиболѣе значительныхъ пунктовъ производства такими чертами: „все кожевенно-сапожное производство ведется здѣсь по подряду. Здѣсь не дѣлается такъ, чтобы каждый кожевникъ-сапожникъ, выдѣлавши кожи и пошивши сапоги, продавалъ ихъ у себя на базарѣ, или на ближайшихъ ярмаркахъ. Ольшанскихъ кожевенно-сапожныхъ издѣлій на мѣстѣ стороннему покупателю и пріобрѣсти невозможно,—развѣ только у самаго торговца и то по высокой цѣнѣ. Происходитъ это отъ того, что всѣ производители работаютъ круглый годъ не для себя, и не въ своего матеріала, а исключительно для торговцевъ и по ихъ заказамъ“ (loc. cit. стр. 186). Что же касается подрядчиковъ, то сами они не имѣли у себя на дому кожевенныхъ и сапожныхъ заведеній. Они только привозили сюда сырыя кожи, закупаая ихъ цѣлыми партіями въ далекой Украинѣ, въ Екатеринославской, Херсонской губ., въ землѣ Войска Донскаго и т. д., и затѣмъ, по пріѣздѣ домой, отдавали ихъ производителямъ въ работу, т. е. частію для пошивки изъ нихъ сапоговъ, частію для выдѣлки кожъ на полувазѣ, который, по своей добротности, здѣшними сапожниками въ дѣло никогда не

употреблялся; его только здѣсь выдѣлывали и затѣмъ отправляли на городскіе базары, въ Украину, для шорныхъ издѣлій и для подметокъ къ сапогамъ высшихъ сортовъ.

Такой же порядокъ существовалъ и во веѣхъ другихъ мѣстахъ кожевенно-сапожнаго района—въ Миропольи, Борисовкѣ, Томаровкѣ, Велікой Михайловкѣ etc. Веѣ подрядчики—торговцы жили постоянно на мѣстахъ производства и принадлежали частію къ мѣстному же, приписному крестьянскому населенію, частію—къ купеческому, или мѣщанскому сословію. Изъ числа такихъ крупныхъ домохозяевъ многіе еще за долго до освобожденія откупились отъ своихъ господъ на волю и приписались сами въ купечество (къ г. Новому-Осколу, Ейску, Курску etc.), чтобы не чувствовать никакого стѣсненія въ своихъ коммерческихъ оборотахъ. Веѣхъ крупныхъ торговцовъ—подрядчиковъ, занимавшихся кожевенно-сапожнымъ дѣломъ, до половины 60-хъ годовъ, въ описываемомъ нами районѣ было до 40 человекъ. Они—то и были душою и главными воротилами всего производства.

Судя по сохранившемуся описанію внѣшняго быта Ольшанскихъ промышленниковъ, можно думать, что, не смотря на крупную, капиталистическую организацію производства, кожевники-сапожники жили въ то время гораздо лучше, чѣмъ теперь. Ихъ экономическое положеніе въ концѣ 50-хъ годовъ описывается очевидцемъ самыми радужными красками. „Ольшанскіе крестьяне, говоритъ г. Д—ій, живутъ, видимо, лучше сосѣдовъ земляпашцевъ, которыхъ труды въ здѣшнихъ мѣстахъ не всегда достойно вознаграждаются. Ольшанцы всегда имѣютъ въ рукахъ свободную копейку, а съ нею для нихъ свободно доступно не только необходимое, но полезное и пріятное въ жизни. Чтобы удостовѣриться въ *счастливой* (даже счастливой!...) судьбѣ Ольшанцевъ, стоитъ только спросить у любого сосѣда земляпашца объ этомъ, и онъ не задумавшись скажетъ: Ольшанка—это городъ, а Ольшанцы—это мѣщане, это купцы“... Въ заключеніе почтенный изслѣдователь высказываетъ надежду, что производство кожевенно-сапожное разо-

вется еще болѣе, и производители „будутъ имѣть отъ него средства къ жизни не только безнуждной, но и довольной, благоденственной“. Къ сожалѣнію, надеждамъ этимъ не суждено было осуществиться. Ни Ольшанцы, ни Велико-Михайловцы не только не достигли жизни „довольной и благоденственной“, но потеряли въ концѣ концовъ, и прежнюю „безнуждную“. Такой переворотъ въ производствѣ начался, собственно говоря, съ того момента, когда рухнуло крѣпостное право, и малоземеліе, въ связи съ разширившимися потребностями и въ нѣсколько разъ возросшимъ бременемъ податей, вызвало широкое развитіе среди крестьянства мѣстныхъ и отхожихъ промысловъ. Съ этихъ поръ на дальнемъ югѣ, гдѣ прежде находили хлѣбъ разнообразныя промышленники сѣверныхъ и центральныхъ губерній, стали появляться свои промышленники, стремившіеся удовлетворить потребностямъ мѣстнаго рынка. Появились, между прочимъ, по тамошнимъ деревнямъ и свои сапожники-ремесленники, которые съ самаго же начала стали мало по малу вытѣснять съ мѣстныхъ рынковъ нашихъ сапожниковъ, пользовавшихся до тѣхъ поръ исключительной монополіей на всемъ югѣ Россіи. Это было первымъ ударомъ Воронежскому и Курскому кожевенно-сапожному производству. Указанный переворотъ окончательно совершился, когда въ концѣ 60-хъ годовъ прошла здѣсь желѣзная дорога, соединившая далекія и мало-культурныя черноземныя окраины съ главнымъ центромъ русской промышленности—Москвою. Вмѣстѣ съ разными ситцами, сукнами, кушаками и др. издѣліями Московскихъ и Владимірскихъ мануфактуръ, желѣзная дорога примчала въ степныя окраинныя губерніи и кимрскій и московскій сапогъ, который, по своей добротности и дешевизнѣ, сразу занялъ видное мѣсто на веѣхъ южныхъ рынкахъ и сдѣлался опаснымъ конкурентомъ воронежскаго и курскаго сапога, такъ какъ этотъ послѣдній могъ съ нимъ равняться развѣ только по выдѣлкѣ кожи и по хорошей кройки сапога, но ужъ никакъ не по шитью, которое, по своей легендарной непрочности, давно обратилось въ пословицу. Благодаря этой конкуренціи, издѣлія на-

шихъ кустарей-сапожниковъ скоро были выбиты со многихъ крупныхъ рынковъ Украины, и цѣна на нихъ значительно понизилась.

Это обстоятельство повлекло за собою коренное измѣненіе въ существовавшей организаціи производства. Крупные капиталисты — подрядчики, ворочавшіе прежде всёю производствомъ и державшіе въ немъ постоянно по 10—30 тыс. руб., бросили это занятіе и взялись за коммерческія предпріятія другаго рода: обратили свои капиталы въ хлѣбную и земельную торговлю, такъ какъ это оказалось въ настоящее время гораздо болѣе выгоднымъ, чѣмъ торговля кожевенно-сапожнымъ товаромъ. Такимъ образомъ *крупные капиталы совершенно отхлынули отъ производства*, и капиталистическая организація промысла рухнула окончательно. Характеръ „подряда“, правда, сохранился въ нѣкоторыхъ стадіяхъ производства и до сихъ поръ, какъ это видно будетъ изъ дальнѣйшаго изложенія, но подряды эти очень мелки и не имѣютъ того рѣшающаго значенія въ промыслѣ, какимъ они пользовались во времена оны. На мѣсто крупныхъ капиталистовъ — подрядчиковъ остались теперь мелкіе скупщики, забирающіе готовый товаръ у производителей; каждый изъ этихъ скупщиковъ имѣетъ оборотнаго капитала не болѣе 500—2000 руб. О крупныхъ же воротилахъ, пускавшихъ нѣкогда въ оборотъ десятки тысячъ рублей сохранились здѣсь лишь одни воспоминанія.

Если такой ударъ былъ нанесенъ новыми условіями жизни *капиталу*, то не менѣе губительно отразились эти новыя условія и на *трудѣ*, на положеніи самихъ кустарей-производителей. Уменьшеніе спроса на издѣлія и пониженіе цѣны на нихъ вызвали ответственное уменьшеніе годоваго заработка производителя, тяжело отозвавшееся на экономическомъ положеніи нашихъ слободскихъ крестьянъ. Разница между капиталомъ и трудомъ въ данномъ случаѣ заключалась въ томъ, что капиталы могли легко развязаться съ производствомъ, разорвать съ нимъ совершенно вѣскую связь и найти себѣ приложение въ иной сферѣ, тогда какъ труду сдѣлать это было совсѣмъ не такъ просто и легко. Однако, по прошествіи нѣкотораго

времени, рабочіе-производители должны были убѣдиться, что оставаться при старомъ порядкѣ долѣе рѣшительно невозможно, что нужно искать какого нибудь выхода изъ этого положенія, въ какое внезапно поставили ихъ новыя условія жизни. И вотъ мы видимъ, что съ конца 60-хъ годовъ начинается усиленная эмиграція нашихъ кустарей-слобожанъ къ южной окраинѣ — въ губерніи Екатеринославскую, Таврическую, Землю В. Донскаго, Бессарабскую область etc. Явленіе это особенно замѣтно въ главномъ центрѣ кожевенно-сапожнаго производства — сл. Великой-Михайловкѣ. Здѣсь переписью нашей зарегистрировано *около 300 семей*, выселившихся въ разные города и большія, торговыя мѣстечки южной Россіи. Громадное большинство этихъ выселенцевъ принадлежитъ къ категоріи сапожниковъ, ушедшихъ отсюда вѣдѣствіе невозможности кормиться на родинѣ отъ своего промысла. Выселяются они всё не „на землю“ — отъ сохи и бороны они давно уже отвыкли, — а „съ промышленной цѣлью“, каждый по своему мастерству; потому они и селятся въ городахъ и мѣстечкахъ, гдѣ спроса на ихъ трудъ во всякомъ случаѣ гораздо больше, чѣмъ въ деревнѣ. На новыхъ мѣстахъ они пристраиваются частію къ крупнымъ сапожнымъ мастерскимъ, а тѣ, у кого пайдется нѣсколько рублей „дли оборота“, начинаютъ прямо работать отъ себя, по заказамъ потребителей. Результатомъ всего этого естественно явилось уменьшеніе абсолютнаго количества сапожниковъ-производителей по всему указанному району. По общимъ отзывамъ крестьянъ, число ихъ въ прежнее время повсемѣстно было больше, чѣмъ теперь. Въ Ольшанкѣ, относительно которой мы имѣемъ болѣе или менѣе точныя цифры въ цитированномъ уже нами описаніи свящ. Д-каго, въ концѣ 50-хъ годовъ кожевенно-сапожнымъ производствомъ занималось 508 семей, тогда какъ въ настоящее время производителей здѣсь насчитывается всего 230 семей, остальные же всё по большей части повселились и разбрелись по южнымъ городамъ.

Съ другой стороны, значительная часть производителей, изъ числа оставшихся дома, должны были взяться за другіе сторонніе

заработки и промыслы, чтобы покрыть чѣмъ-нибудь тѣ дефициты въ своемъ бюджетѣ, которые съ конца 60-хъ годовъ сдѣлались у нихъ постояннымъ хроническимъ явленіемъ. Заняться земледѣліемъ они, разумѣется, не могли, потому что въ этомъ случаѣ понадобилось бы обзаводиться скотомъ и вообще всѣмъ хозяйственнымъ инвентаремъ, давно, еще во времена блаженной памяти отцовъ и дѣдовъ, распроданнымъ за нендобностию; для этого пришлось бы дѣлать довольно значительныя затраты, между тѣмъ какъ весь наличный капиталъ кустика-производителя состоялъ въ большинствѣ случаевъ изъ однихъ только рабочихъ рукъ и готовности работать. Въ виду этого, всякую мысль о заведеніи собственнаго хозяйства нужно было бы отбросить. Кустарю оставался одинъ исходъ—работа по найму у мѣстныхъ землевладѣльцевъ, или, издавна практиковавшійся у окрестныхъ крестьянъ, уходъ на лѣтнія работы, „въ закосъ“, въ южныя, степныя губерніи. Вотъ почему, наряду съ выселенцами, мы встрѣчаемъ въ подворныхъ переписяхъ по Олышанкѣ, Велікой Михайловкѣ и Борисовкѣ сплошь да рядомъ такого рода отмѣтки: „сапожникъ и ходитъ въ закосъ“, „по специальности сапожникъ, но лѣтомъ ходитъ на косовицу“ и т. д. Такіе производители по зимамъ обыкновенно живутъ дома и занимаются своимъ мастерствомъ, работая или сами отъ себя, или по подряду, или же, наконецъ, въ качествѣ наемныхъ рабочихъ въ чужихъ мастерскихъ; но какъ только наступаетъ весна, они тотчасъ же выбираются изъ своего села, и съ косой на плечѣ и котомкой, наполненной хлѣбомъ, за спиной, направляются на югъ,—въ тѣ мѣста, гдѣ земледѣльческій трудъ оплачивается втрое и вчетверо щедрѣе здѣшняго. Въ хорошіе годы они, дѣйствительно, приносятъ оттуда солидный заработокъ—до 60—80 руб. за лѣто. Другіе же нанимаются въ полѣтчики, въ мѣстныхъ экономіяхъ и у своихъ сосѣдей—мужиковъ, съ платою по 30—40 руб. въ лѣто на хозяйскихъ харчахъ. А нѣкоторые бросаютъ свое шило и колодку для полевыхъ работъ только въ самый разгаръ лѣтней рабочей поры и ходятъ въ поденную къ сосѣдямъ помѣщикамъ и крестьянамъ.

Такихъ явленій въ прежнее время среди производителей никогда не замѣчалось; они несомнѣнно составляютъ результатъ новыхъ условій жизни и указываютъ на общій упадокъ экономического положенія кустарей.

Такимъ образомъ состояніе въ которомъ мы застаемъ въ настоящее время кожевенно-сапожное производство въ нашихъ южныхъ слободахъ,—далеко не блестящее. Пониженіе цѣнъ на издѣлія, влѣдствіе конкуренціи тверскихъ и московскихъ сапожниковъ, исчезновеніе капиталовъ изъ производства, уменьшеніе заработка у кустарей—производителей и пониженіе ихъ общаго экономического уровня—все это служитъ несомнѣннымъ доказательствомъ того, что производство вѣрными шагами идетъ къ упадку.

Во всемъ описываемомъ районѣ кожевенное производство не имѣетъ самостоятельнаго характера и тѣсно слито съ производствомъ сапожнымъ, потому что здѣсь всегда одно и то же лицо занимается вмѣстѣ и кожевеннымъ, и сапожнымъ производствомъ. Выдѣлавши кожу, купленную на рынкѣ у крестьянъ, или спеціального торговца кожами, кожевенникъ тотчасъ же самъ и перерабатываетъ ее на сапоги—силами ли своей семьи, или при помощи наемныхъ рабочихъ—подмастерьевъ. Такъ что *каждый кожевенникъ здѣсь есть непременно вмѣстѣ съ тѣмъ и сапожникъ*, хотя, конечно, далеко не каждый сапожникъ есть кожевенникъ, такъ какъ многіе работаютъ сапоги по подрядамъ отъ хозяевъ, изъ готовыхъ уже выдѣланныхъ кожъ.

Всѣхъ производителей (мѣстныхъ) можно раздѣлить, собственно говоря, на семь группъ:

1) Крупные хозяева—скупщики, которые сами производствомъ вовсе не занимаются, не имѣютъ ни сапожныхъ, ни кожевенныхъ заведеній, а заняты исключительно скупкой готовыхъ издѣлій у мелкихъ производителей, для отправки ихъ на чужіе рынки, и поставкой сырья для мѣстныхъ производителей. Въ прежнее время, какихъ нибудь лѣтъ 15—20 тому назадъ, такихъ скупщиковъ

по всемъ указаннымъ районамъ насчитывалось до 40 чел.; въ настоящее же время ихъ осталось здѣсь всего 7 человекъ, да и изъ этихъ оставшихся никто не имѣетъ болѣе 10 тыс. оборотнаго капитала, тогда какъ у каждаго изъ прежнихъ крупныхъ скупщиковъ въ оборотѣ постоянно было, какъ мы уже упоминали, отъ 10—30 тыс.

2) Хозяева, имѣющіе болѣе или менѣе значительныя сапожныя мастерскія, съ наемными работниками, и обладающіе обороткапиталомъ въ 500—2000 руб. сер. Они же являются въ настоящее время главными скупщиками готовыхъ издѣлій и поставщиками сырья для мелкихъ производителей какъ въ обработанномъ, такъ и совершенно необдѣланномъ видѣ. Такихъ хозяевъ—предпринимателей здѣсь, по всемъ районамъ, насчитано нашей переписью 122 чел.

3) Производители, работающіе по найму въ чужихъ мастерскихъ, — 378 чел.

4) Производители, работающіе на крупныхъ хозяевъ первой категоріи, изъ готоваго, хозяйскаго матеріала; при чемъ матеріалъ этотъ дается имъ въ совершенно необдѣланномъ видѣ, прямо сырыми кожами, которыя они обязываются сами выдѣлать и доставить хозяину-подрядчику известное количество паръ сапоговъ. Самая работа ведется ими у себя на дому. Всѣхъ ихъ насчитано по нашей переписи 132 чел.

5) Производители, работающіе сдѣльно на хозяевъ второй категоріи, изъ хозяйскаго же матеріала; при чемъ кожи они получаютъ отъ хозяевъ уже выдѣланными и совершенно готовыми; работа производится ими также у себя на дому. Такихъ производителей по изслѣдованному нами району считается 244 чел.

6) Мелкіе домашніе производители, которые ведутъ производство самостоятельно, работая силами своихъ семей, изъ своего матеріала и при томъ прямо и непосредственно для рынка. Матеріалъ производства—кожи покупаются ими въ сыромъ видѣ; за-

тѣмъ они сами ихъ выдѣлываютъ на полувалѣ, или перешиваютъ на сапоги. Такихъ производителей насчитано по нашей переписи 2952 чел.

Наконецъ *ученики*, поступающіе къ мастерамъ на обученіе на 1—2 года бесплатно, ихъ считается, какъ мы уже говорили выше, 78 чел.

Особыя помѣщенія для промысла имѣются въ описываемомъ районѣ только у производителей второй категоріи; да и самыя помѣщенія эти, въ большинствѣ случаевъ, есть не болѣе, какъ чуланы въ сѣняхъ („хатинки“), которые у крестьянъ обыкновенно служатъ для сохраненія разнаго хозяйственнаго скора. У кожевниковъ же сплосъ и рядомъ они заняты зольникомъ и дубильнымъ чаномъ. Сапоги же шьютъ всегда въ жилыхъ избахъ. Всѣ производители остальныхъ категорій особыхъ помѣщенія для промысла не имѣютъ, не считаютъ нужнымъ даже упомянутую хатину занимать для выдѣлки кожъ. У нихъ и кожевня, и „шевня“ помѣщаются въ той же хатѣ, гдѣ живетъ семья. Зольникъ, гдѣ вылеживаются кожи, устраивается обыкновенно подъ поломъ, у входа; дубильный же чанъ ставится въ избѣ, на полу; сверху его плотно прикрываютъ досками, и въ такомъ видѣ онъ служитъ днемъ—мѣстомъ для складки платья, ночью—кроватью для дѣтей. Съ устройствомъ дубильнаго чана въ жилой избѣ еще можно бы было примириться какъ-нибудь, съ грѣхомъ пополамъ, такъ какъ онъ не особенно сильно портитъ воздухъ въ комнатѣ, но присутствіе здѣсь зольника положительно вредно дѣйствуетъ на здоровье рабочихъ, потому что во все время, пока кожи лежатъ въ ваннѣ (известкѣ), онъ отравляетъ воздухъ убійственными миазмами; когда же кожи начинаютъ вынимать изъ него, то въ избѣ бываетъ обыкновенно такой смрадъ, что здоровый человекъ, не привыкшій къ этому, можетъ положительно упасть въ обморокъ. Зольникъ устраивается производителями въ хатѣ въ тѣхъ видахъ, что въ теплѣ зола и известь лучше и скорѣе дѣйствуютъ на кожи, чѣмъ на холодѣ. Но во всякомъ случаѣ, устраивая зольникъ въ жилой хатѣ, и ускоряя такимъ путемъ процессъ выдѣлки кожъ на нѣсколько

дней, рабочіе многое проигрываютъ относительно своего здоровья. Было бы гораздо рациональнѣе устроить зольники на дворѣ, подъ соломеннымъ навѣсомъ, обкладывая ихъ въ зимнее время сѣвжымъ навозомъ и соломой. Можетъ быть, при такихъ условіяхъ кожи пролежали бы въ зольникѣ нѣсколько дольше обыкновеннаго, но за то не было никакого вреда и для здоровья.—Шевня, какъ мы уже выше сказали, находится также всегда въ жилой избѣ. Никакихъ особенныхъ приспособленій сапожнику не нужно, кромѣ развѣ небольшого стула, который приставляется къ лавкѣ. Стулья эти дѣлаются самими сапожниками; иногда, вмѣсто всякаго стула, ставится простой низенькій чурбанъ.

Орудія и инструменты кожевниковъ-сапожниковъ:

1) *Зольникъ*, или по мѣстному — *ванникъ* — деревянный, или просто глиняный чанъ; стоимость деревяннаго 4—5 руб.; величина его — $2\frac{1}{2} \times 1\frac{1}{2}$ арш., работается по заказу мѣстными бондарями; глиняный же лѣпятъ сами производители. Въ зольникѣ средняго размѣра входитъ обыкновенно 22 кожи.

2) *Дубильный чанъ* — изъ дубоваго лѣса, сбивается обыкновенно желѣзными обручами; цѣна ему отъ 4—7 руб., дѣлается также мѣстными бондарями.

3) *Ступа* — для толченія дубовой „шкоры“ — устраивается обыкновенно на дворѣ подъ навѣсомъ; дѣлается изъ толстаго деревяннаго чурбана, съ ножками для толкача, который на концѣ имѣетъ четыре острія и приводится въ дѣйствіе ногами толкущаго, — попеременно то правой, то лѣвой. Толкутъ кору обыкновенно по двое: одинъ толчетъ, другой рукою помѣшываетъ. При неимѣніи лишнихъ работниковъ въ семьѣ, толченіемъ коры занимаются подростки и женщины; подростковъ, не рѣдко нарочно нанимаютъ на такую работу, съ платою по 1—2 коп. отъ ступы, или „мѣры“ — У состоятельныхъ производителей работу эту исполняютъ обыкновенно „челядники“, т. е. годовые или „сроковые“ рабочіе, нанятые для работъ по хозяйству. Стоимость ступы съ толкачемъ отъ 1—2 руб.

Кромѣ медленности въ работѣ, ступы эти неудобны еще въ томъ отношеніи, что помѣшывающіе дубъ въ ступѣ и подбрасывающіе его подъ остріе толкача часто вредятъ себѣ руки. Въ виду этихъ неудобствъ за послѣдніе годы здѣшніе кожевники стали заводить у себя для измельченія дубовой коры особая *толчейная „машина“*, которая приводится въ дѣйствіе при помощи лошадей и работаютъ замѣчательно скоро и хорошо. Устройство этой машины слѣдующее: корыто различной длины и отъ 1—1½ арш. глубины, подъ которымъ вертикально поставлено 4—6 деревянныхъ тяжелыхъ пестовъ, съ желѣзными, разнѣнными наконечниками; рядомъ съ пестами вращается горизонтальный деревянный же валъ съ кулаками, при помощи которыхъ песты попеременно поднимаются на извѣстную высоту и затѣмъ падаютъ на лежащее въ корытѣ корье. Валъ приводится въ движеніе лошадыю, которая ходитъ по кругу съ завязанными глазами, какъ это дѣлается въ небольшихъ крестьянскихъ круподеркахъ. При машинѣ непременно долженъ быть постоянно человекъ, потому что необходимо постоянно поправлять кору положенную въ ступу, подкладывать ее подъ падающіе песты. На эту работу ставятъ обыкновенно подростка-мальчика, или даже дѣвочку изъ своей семьи, или нанимаютъ ее за 5—10 р. въ лѣто, зимою же держать только „изъ—за хлѣба“. Поправка коры при этомъ легко можетъ быть произведена простой палочкой.

Такіе машины въ настоящее время быстро вводятся въ употребленіе; большинство хозяевъ производителей второй категоріи уже позавели у себя такія машины, для болѣе мелкихъ же производителей онѣ, къ сожалѣнію, по своей цѣнѣ, недоступны, такъ какъ каждая такая машина о 4-хъ пестахъ стоитъ около 100 р., о 5 пестахъ — 125 р., о 6 — до 150 р.

4) *Дерникъ* или *тупикъ* ножъ съ двумя рукоятками, употребляющійся для сбиванія шерсти съ выдѣлываемой кожи; стоимость его — 30 коп.: производится мѣстными кузнецами.

5) *Штрихолъ* или *штреха*, — желѣзный, бываетъ двухъ родовъ: съ длинной рукояткой — для очистки кожи отъ шерсти и съ короткой — для вытягиванія и размягченія выдѣланныхъ кожъ; для послѣдней цѣли впрочемъ иногда употребляютъ простую пивную бутылку изъ толстаго зеленого стекла; стоимость обоихъ штрихолей — отъ 30—40 коп.

6) *Клещи* желѣзные — для вытягиванія кожи изъ ванны и полосканья ихъ въ рѣвѣ; для сбереженія рукъ отъ разѣдающей извести клещи дѣлаются обыкновенно съ длинными ручками. Стоимость ихъ — отъ 30—60 коп.

7) *Блихъ*, или *стругъ* — съ двумя ручками для очистки выдѣлываемыхъ кожъ отъ мездры; дѣлается въ большинствѣ случаевъ изъ старыхъ костей; стоимость его — 5—7 коп.

8) *Кобылица* — деревянный обрубокъ, съ двумя ножками на одномъ концѣ, длиною въ $2\frac{1}{2}$ арш.; на ней чистятъ кожу бѣлихомъ; стоимость ея 20—50 коп.; въ большинствѣ случаевъ впрочемъ кобылица дѣлается самими производителями.

9) *Пилга* — деревянный горбыль, длиною въ 2 арш., шириною въ $1\frac{1}{2}$ вершка, съ одной стороны плоскій, съ другой округленный, прибивается съ двухъ концовъ гвоздями къ скамьѣ — или лавкѣ; подъ него закладывается одинъ конецъ кожи а другой держится въ рукѣ и растягивается штрихолью. Стоимость пилги — 10—12 коп.

10) *Юхтарка* — отрѣзокъ оконечности ружейнаго ствола, или круглый желѣзный цилиндръ, съ кольцеобразными нарѣзками съ внешней стороны; цилиндръ этотъ укрѣпляется на оси, къ которой съ обѣихъ сторонъ придѣлываются рукоятки. Юхтарка употребляется для того чтобы дѣлать нарѣзки на кониной кожѣ, съ цѣлью придать ей видъ говяжей „юхты“ (яловки). Стоимость юхтарки — отъ 30—70 коп.

Всѣ эти инструменты употребляются производителями при выдѣлкѣ кожъ; для сапожной же работы у нихъ имѣются такіе

же инструменты, какіе мы видимъ обыкновенно у каждого сапожника-ремесленника въ городѣ, то есть:

1) *Молотокъ*, изготовляемый обыкновенно мѣстными кузнецами, — 15 коп.

2) Широкий, небольшой *ножикъ*, носящій спеціальное названіе *сапожнаго*, — 20—25 коп., — также издѣліе мѣстныхъ кузнецовъ.

3) *Шило* — 1—3 коп., покупается въ лавкахъ.

4) *Колодки*, или, по мѣстному названію, *копыта*, у каждаго мастера съ подмастерьемъ по 8 штукъ; дѣлаются въ большинствѣ случаевъ самими производителями, или заказываются мѣстнымъ столярамъ. Приблизительная стоимость ихъ всѣхъ — 10—20 к.

5) *Кромница* — толстая дубовая доска, гладко вытесанная, на которой кожу стругаютъ и мнутъ, — 30—50 коп.

6) Двѣ *доски* особой формы, на которыхъ вытягиваютъ кожу, придавая ей форму сапога, — 1 рубль; дѣлаютъ мѣстные столяры по заказу.

7) *Клещачка*, т. е. гладкая толстая палка для разгладки на деревѣ сшитаго сапога, — 7—10 коп.

8) *Писачка* — кленовая палочка, для отдѣлки задниковъ подборовъ и расписыванія подошвы разными узорами, — 1—3 к.

9) *Пила толстая*, сапожная, — 2—3 коп.

10) Нѣсколько *шолокъ тонкихъ*, — 5 коп.

У городскихъ сапожниковъ въ настоящее время сплошь да рядомъ можно встрѣтить, кромѣ того, еще *швейную машину* (для стачиванія голенищъ, для прошивки задниковъ etc.); при этомъ работа выходитъ гораздо чище и изящнѣе, чѣмъ при шитьѣ иглой, и при томъ втрое скорѣе. Но наши слободскіе производители — сапожники машинъ не заводятъ, отзываясь тѣмъ, что товаръ у нихъ — „чорный“, „мужицкій“, изящности и „акуратства“ особеннаго не требуетъ. Кромѣ того, они упираются на то, что покупатель — „мужикъ еще недоволенъ будетъ, если ему сапоги на

машинъ стачать, скажетъ: не прочно, не хорошо"... Можетъ быть, такое предубѣжденіе противъ машинной работы среди крестьянъ и дѣйствительно существуетъ, но оно, несомнѣнно, скоро разсѣялось бы, если бы потребители увидали, что машинное шитье, по своей прочности, нисколько не уступаетъ ручному. Разсѣялось — же оно по отношенію къ Миропольскимъ шапошникамъ и Томаровскимъ портнымъ, которые нѣсколько лѣтъ назадъ ввели у себя въ производствѣ швейную машину *). Слободскіе сапожники, какъ народъ торговый и оборотистый, и сами, несомнѣнно, хорошо понимаютъ все это; главной же причиной того, что они не заводятъ у себя машинъ заключается, по видимому, не въ этомъ предубѣжденіи массы противъ „нѣмецкаго шитья“, а въ томъ, что сапожники здѣшніе, по своей несостоятельности, не могутъ сами приобрести дорогихъ швейныхъ машинъ.

У каждаго изъ производителей второй категоріи есть обыкновенно: два зольника, два дубильныхъ чана, машина для измельченія дубильной шкеры, 4 штрихоля, трой клещи, нѣсколько бѣлиховъ, 2 кобылицы, 2 пилги, 2—3 юхтарки и два или три „набора“ сапожныхъ инструментовъ. Значитъ, весь основной капиталъ предпринимателя этой категоріи принимая во вниманіе и толчейную машину, равняется приблизительно 112 руб.; при чемъ, самымъ дорогимъ орудіемъ производства является толчейная машина. У производителей 4-й и 6-й группы имѣющихъ кожевенныя и сапожныя инструменты, величина основнаго капитала не превосходить 10 рублей. У производителей 5-й категоріи оборотный капиталъ заключается только въ сапожныхъ инструментахъ; величина его отъ 2—4 руб. Производители третьей группы, работающіе въ чужихъ мастерскихъ, своего оборотнаго капитала совсѣмъ не имѣютъ.

Главнымъ матеріаломъ производства служитъ *кожа*. На полуваль идетъ кожа бычачья, а на сапоги, собственно говоря, должна бы была употребляться — коровья кожа, извѣстная у кожевенни-

*) „Сборн. стат. свѣдѣній по Курской губ. Отдѣлъ Общій. Промыслы крест. центр. райога, стр. 162“.

ковъ и сапожниковъ подъ техническимъ названіемъ *яловки*, но такъ какъ она очень дорога, то наши слободскіе сапожники употребляютъ въ большинствѣ случаевъ *конскую кожу* („палую“, снимаемую съ падежныхъ лошадей). Кожи покупаются, разумѣется, только производителями первой, второй и шестой группъ, остальные же „шевцы“ работаютъ изъ чужихъ кожъ. Самостоятельные кустари, работающіе только силами своихъ семей, приобретаютъ кожи на мѣстныхъ слободскихъ базарахъ и на ближайшихъ ярмаркахъ, куда привозятъ ихъ крестьяне сосѣднихъ деревень и городскіе мелкіе торговцы, Производители же 1-й и 2-й категоріи для покупки кожъ ѣздятъ въ южныя губерніи, гдѣ наиболее развито скотоводство — въ Землю В. Донскаго, въ Таврію, Ставропольскую губ. и до самаго Кавказа. При этомъ издавна повелся такой обычай, что кожевники ѣдутъ въ тѣ края не съ пустыми руками, а везутъ обыкновенно на 2—3 возахъ выдѣланныя кожи-полуваль и сапожный товаръ, своего издѣлія, или скупленный ими у другихъ слободскихъ производителей. Весь товаръ распродается ими по деревнямъ, мѣстнымъ базарамъ и ярмаркамъ; на возвратномъ же пути оттуда они забираютъ сырыя кожи, скуная ихъ у крестьянъ и ското-торговцевъ. На югѣ покупаются ими большею частью бычачья и говяжья кожи; первыя — по 6—8 руб. и вторыя — по 5—7 руб. за каждую. За кожами конскими они ѣздятъ на сѣверъ: въ Тамбовскую, Рязанскую, Московскую, Тульскую и Орловскую губ. и на востокъ — въ Воронежскую губ. Конская кожа стоитъ на мѣстѣ покупки отъ 1 р. 50—4 руб., смотря потому, „на какого продавца попадешь“... Въ Тамбовской губ. покупка кожъ происходитъ главнымъ образомъ на ярмаркѣ въ Лебедяни, а въ прочихъ губерніяхъ по разнымъ городамъ у купцовъ и по деревнямъ у крестьянъ.

Для выдѣлки кожъ употребляютъ:

а) *Золу дровяную*, ее покупаютъ обыкновенно съ винокуренныхъ заводовъ и у крестьянъ сосѣднихъ селеній, по 15—35 коп. за „мѣрку“ (четверикъ). Зимой зола продается дешевле, лѣтомъ

дороже. Зола съ винокуренныхъ заводовъ предпочитается простой; производители увѣряютъ, что она имѣетъ почему-то „больше силы“ и скорѣе очищаетъ кожу (вѣроятно, это происходитъ отъ того, что на заводахъ употребляютъ для топки хорошіе, добротные дрова, такъ какъ у крестьянъ для этого употребляется хворостъ). Цѣна на заводскую золу выше, чѣмъ на обыкновенную крестьянскую—отъ 25—35 коп. за четверикъ, между тѣмъ какъ за крестьянскую золу платятъ всего по 15—20 коп. На 22 кожи средней величины зола идетъ обыкновенно отъ 4—5 „мѣръ“.

б) *Известь*, или, по мѣстному названію, *вапна*—покупается на мѣстныхъ базарахъ, куда привозятъ ее окрестные крестьяне,— по 20 коп. за мѣру. На 22 кожи извести идетъ около 4-хъ четвериковъ.

с) *Дубовая шкура* (кора). Назадъ тому лѣтъ 15—20 производители въ большинствѣ случаевъ добывали ее сами, нанимая у сосѣднихъ крестьянъ и владѣльцевъ участки мелкаго лѣса; въ настоящее же время доставать кору крайне трудно, потому что лѣса вездѣ кругомъ повыврубили. Лучшимъ временемъ для закупки коры считается лѣто отъ 15 мая до 20 іюня, когда деревья бываютъ въ полномъ соку и даютъ въ своей корѣ наибольшее содержаніе дубильныхъ веществъ. Кору обыкновенно держатъ на чердакѣ или въ сараѣ,—вообще въ такихъ мѣстахъ, куда не можетъ проникнуть никакая сырость, потому что послѣдняя оказываетъ вредное вліяніе на кору, лишая ее дубильной способности. Покупаютъ кору обыкновенно на базарахъ, куда она привозится крестьянами иногда верстъ за 30—40; платятъ обыкновенно отъ 50—70 коп. за пудъ. На каждую кожу кладется обыкновенно около 1 пуда коры.

д) *Хлѣбъ, ржаная мука*—покупается производителями на мѣстныхъ базарахъ, по 70—90 коп. за пудъ; для выдѣлки 22 кожъ необходимо муки около 4 пудовъ.

е) *Деготь чистый*, товарный,—покупается на мѣстныхъ рынкахъ изъ лавокъ, по 40 коп. за пудъ; на 110 паръ сапогъ, ко-

торые выходятъ обыкновенно изъ 22 кожъ, дегтя идетъ 15—16 пудовъ.

ф) *Лакъ* простой, по 10 коп. за бутылку, покупается у мѣстныхъ лавочниковъ; на 110 паръ сапоговъ его выходитъ обыкновенно на 1 руб. 30—40 коп.

г) *Сапожный купоросъ*, покупающійся на мѣстныхъ базарахъ, по 7—10 коп. за фунтъ. На 115 паръ сапогъ купороса выходитъ около 2 фунтовъ, на 15—20 коп.

н) *Липовый лубокъ*, для „задниковъ“, покупается на мѣстныхъ базарахъ и ярморкахъ, у окрестныхъ крестьянъ, трубками, длиною въ 2¹/₂ арш., по 30—50 коп. за каждую; для 110 паръ необходимо двѣ трубки лубковъ.

і) *Варъ*, или смола—у мѣстныхъ торговцевъ, по 5 коп. за фунтъ; на 110 паръ сапоговъ вару идетъ около 5 фунтовъ.

к) *Дратва*, для прошивки сапогъ, сучится изъ простыхъ пеньковыхъ нитокъ; для нея у большинства производителей нарочно сѣется на огородѣ конопля, другіе же покупаютъ нитки (суровыя) на базарѣ, по 30—40 коп. за мотокъ; на 110 паръ сапоговъ нужно всего 2 мотка нитокъ.

На сапоги вытяжные и гвоздевые идутъ вмѣсто дратвы *гвозди*, для подбивки каблучковъ и подошвъ. Покупаются они въ мѣстныхъ лавкахъ; идутъ сюда изъ Курска, Тулы и Нижняго Новгорода. 1 фунтъ стоитъ пятнадцать коп., фунтомъ можно околотить около 15 паръ сапогъ; значить на 110 паръ гвоздей пойдетъ не болѣе, какъ на 1 руб. 10 коп.

л) *Подковки для каблучковъ*. Спросъ на сапоги съ подковками среди потребителей начался лѣтъ 5—10 назадъ, и теперь безъ подколокъ сапоговъ никто и носить не хочетъ. Берутся онѣ производителями въ мѣстныхъ лавкахъ. Пара подколокъ стоитъ 5 коп. Идутъ сюда изъ Тулы. На всѣ 110 паръ сапоговъ подколокъ нужно на 5 руб. 50 коп.

m) *Сафьянъ*— для прошивки одной узенькой ленточки наверху; на 110 паръ его идетъ не болѣе 2—3 аршинъ, на 1 р.—1 р. 20 к.

n) При выдѣлки кожи на полуваля употребляютъ, кромѣ того, еще *конопляное масло*, котораго идетъ около $\frac{3}{4}$ фунта на каждую кожу; на всѣ же 22 кожи его необходимо, стало быть около 16 фунтовъ; покупается оно въ мѣстныхъ лавкахъ, по 16 коп. за фунтъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ напр., въ Миропольи, Суджанскаго у., вмѣсто извести, при выдѣлкѣ кожъ стали употреблять за послѣднее время *квасцы* и *простую поваренную соль*. Какъ то, такъ и другое покупается производителями у мѣстныхъ торговцевъ. Квасцы стоятъ по 3 рубля за пудъ, соль — 30 коп., первыхъ идетъ на 22 кожи около $1\frac{1}{2}$ пуда, соли же $2\frac{1}{2}$ пуда. Выдѣлка кожъ при этомъ обходится нѣсколько дороже, чѣмъ при обработкѣ золою, но за то процессъ выдѣлки происходитъ скорѣе: вмѣсто 3 недѣль, кожи лежатъ въ зольникѣ всего $1\frac{1}{2}$ недѣли, а это, какъ хотите, большой расчетъ для производителя.

Выдѣлка кожъ, или, по мѣстному, *чинка*, производится слѣдующимъ образомъ. Кожи кладутся сначала въ рѣку, или прудъ на 2—3 сутокъ; затѣмъ ихъ переносятъ въ вапникъ и укладываютъ здѣсь мездрю внизъ, пересыпая каждую кожу известью, а сверху заливаютъ все это густымъ растворомъ извести. Въ известкѣ кожи лежатъ отъ 2— $3\frac{1}{2}$ недѣль, потомъ ихъ вынимаютъ изъ зольника желѣзными клещами и обдираютъ отъ „волоса“, или шерсти длиннымъ штрихоломъ. Вычистивши изъ чана известь, опять кладутъ туда кожи, — на этотъ разъ уже мездрю вверхъ и пересыпаютъ ихъ золою; а затѣмъ сверху обливаютъ ихъ густымъ растворомъ изъ извести и золы (той и другой берется для этого обыкновенно по $\frac{3}{4}$ —1 четверику). Въ золѣ кожи лежатъ отъ 10—12 дней. Цѣль „золки“ заключается въ томъ, чтобы слишкомъ размягченныя известью кожи сдѣлать снова твердыми и отдѣлать отъ нихъ мясныя части („мездру“). Вынувши кожи изъ золы, ихъ

отвозятъ на рѣку для промывки и затѣмъ, распяливши ихъ „кобылицѣ“, очищаютъ бѣлихомъ отъ мездры. Въ лѣтнее время этотъ процессъ очистки производится прямо на берегу рѣки, куда съ этой цѣлью выносятся и кобылица; зимою же очищаютъ мездру въ хатѣ. Послѣ этого кожи снова кладутся въ рѣку на 2—3 дня, чтобы окончательно удалить съ нихъ въѣвшуюся въ ихъ поры золу; при этомъ конскія кожи вымокаютъ сами, а говяжьи, выработываемыя для „юхты“, нѣсколько разъ мнутса въ водѣ ногами, обутыми въ лапти. Въ то время, когда кожи лежатъ въ водѣ, въ дубильномъ чану приготавливаютъ заторъ, который дѣлается такимъ образомъ: третья часть чана наполняется водою, потомъ сюда выливаютъ квашенку жидкаго тѣста и сверху накладываютъ вынутыя изъ рѣки кожи — по — шарю, лицомъ къ лицу, пересыпая ихъ тонкимъ слоемъ ржаной муки. Въ хлѣбѣ кожи лежатъ три дня, при чемъ наблюдается, чтобы хлѣбное тѣсто было распределено равномерно вверху, и внизу, и чтобы заторъ не дѣлался слишкомъ теплымъ, такъ какъ отъ этого кожи выходятъ очень тонкими. На четвертый день кожи изъ чана вынимаются, въ квасъ насыпается дубовой коры и кожи кладутся въ него прямо нематыми, — какими вышли онѣ изъ „хлѣба“. При этомъ кожи кладутъ въ чанъ той стороной, гдѣ были волосы, — внизъ, а сверху, по мездряной сторонѣ, пересыпаются толченымъ дубомъ. Черезъ каждые 3—4 дня для ихъ осматриваютъ, и если дубъ уже испортился, „потерялъ силу“, подкладываютъ новаго. Цѣль дубленія кожи заключается въ томъ, чтобы, при помощи заключающагося въ дубѣ танина, извлечь изъ поръ кожи оставшуюся тамъ бѣлковину, которая вступаетъ въ химическое соединеніе съ таниномъ; отъ этого кожа уплотняется и дѣлается почти совершенно недоступной для гніенія и сырости. Дубленіе кожъ продолжается довольно долго; тяжелый полуваляный товаръ, изъ толстыхъ бычачьихъ кожъ, лежитъ въ дубкѣ обыкновенно до 3 мѣсяцевъ, яловка 1—2 мѣсяца, конина 2—4 недѣли. Такой срокъ, конечно, очень незначителенъ для хорошей выдубки товара, т. е. для окончательнаго удаленія

изи него бѣлковины. Настоящіе кожевники употребляютъ обыкновенно для дубленія кожи гораздо болѣе времени; такъ Звенигородскіе, Волоколамскіе и Клинскіе кожевники, снабжающіе своими издѣліями московскій рынокъ, держатъ въ дубкѣ полуvalъ — 8 мѣсяцевъ, яловку — 4 мѣсяца, конину и опоевъ — по 3 мѣсяца *). Но нашимъ слободскимъ производителямъ такой срокъ кажется очень длиннымъ. Живя исключительно однимъ промысломъ, они, разумѣется, дорожатъ каждой минутой: имъ нужно во что бы то ни стало поскорѣ выдѣлать кожу, поскорѣ перешить ее на сапоги и поскорѣ свести на рынокъ, чтобы выручить денегъ на прокормленіе семьи. Вся забота ихъ состоитъ въ томъ, чтобы поскорѣ довести кожу до рынка; о прочности же ея никто не думаетъ, потому что какъ бы хорошо производитель ни выдѣлалъ кожу, — плата за сапоги останется таже, скупщикъ все равно не дастъ за нихъ ни копѣйки выше обыкновенной рыночной цѣны, — къ чему же тутъ стараться о выдѣлкѣ кожи? Даже производители второй категоріи, владѣющіе значительнымъ оборотнымъ капиталомъ и имѣющіе наемныхъ рабочихъ, — и тѣ говорятъ, что „при стараньи то, де-сказать, у нашего дѣла можно безъ хлѣба насидѣться“. О мелкихъ же, семейныхъ производителяхъ и говорить нечего.

Послѣ дубленья кожи сушатся и сортируются. Толстые бычачьи кожи, идущія на полуvalъ, разглаживаются нѣсколько штрихолью, смазываются коноплянымъ масломъ и затѣмъ скатываются „валами“, каждая кожа отдѣльно; въ такомъ видѣ они и поступаютъ прямо на продажу. Яловицы же и конскіе кожи, изъ которыхъ приготавливаются здѣшніе сапоги, подвергаются еще дальнѣйшей обработкѣ, которая заключается въ томъ, что, послѣ разглажки штрихолью, ихъ вспрыскиваютъ водою и разрѣзаютъ на пласты, шириною отъ 5¹/₂—7¹/₂ вершковъ. Самые плотные и толстые куски поступаютъ на подошвы, менѣе плотные — для передовъ, а совсѣмъ тонкіе идутъ на „халявы“ (передняя и задняя части голенищъ). По-

*) Промыслы Моск. губ. Т. VII, вып. III, стр. 108.

дошвенные куски поступаютъ въ работу безъ всякой особой выдѣлки; что же касается пластовъ менѣе плотныхъ, идущихъ на другія части сапога, то они обыкновенно сначала тщательно выстругиваются острыми бѣлихами. Строганье кожи — это трудная изъ всѣхъ операций въ кожевномъ производствѣ, требующая большого навыка и сноровки со стороны рабочаго, отчего хорошимъ „строгалемъ“ хозяева мастерскихъ очень дорожатъ и платятъ ему въ 1¹/₂ раза, или даже вдвое дороже, чѣмъ обыкновенному мѣсячнику-наймиту. Цѣль строганья — выровнять кожу и уничтожить всѣ неровности, существующія на ней. При строганьи кожа кладется опять тоже на кобылицу, мездриной стороной кверху, и при томъ такъ, чтобы она плотно безъ всякихъ складокъ прилегала къ доскѣ кобылицы; затѣмъ строгаль начинаетъ осторожно водить стругомъ снимая сверху тонкіе пластинки тамъ, гдѣ замѣчаются на кожѣ рѣзкія неровности. Послѣ этого кожа съ лицевой стороны накачивается „юхтаркой“, чтобы товаръ имѣлъ видъ известной Саратовской „юфты“. Затѣмъ она съ лица чернится купоросомъ, разведеннымъ на обыкновенномъ хлѣбномъ квасу, а съ мездры намазывается чистымъ, товарнымъ дегтемъ. Послѣ просушки кожа поступаетъ уже къ подготовкѣ на шитье сапоговъ. Сначала ее мнутъ ногами — „рифятъ“, чтобы размягчить и сдѣлать болѣе удобной для шитья; операция эта производится въ большинствѣ случаевъ женщинами и дѣтьми, или специально для этого нанятыми рабочими-подростками, которые получаютъ за это обыкновенно по 1—2 коп. съ каждой пары сапогъ. Затѣмъ вымятая кожа слегка намазывается еще разъ съ лицевой стороны купоросомъ, и поступаютъ „въ работу“, т. е. подъ сапожный ножъ и шило. Подошвенный товаръ смазывается съ лицевой стороны рыбьимъ жиромъ, съ цѣлью придать ему больше плотности и лоска. Нѣкоторые производители, вмѣсто проминанія кожъ, прокатываютъ ихъ на особой катушкѣ. Если кожа слишкомъ плохо выдѣлана и промять ее, размягчить никакимъ образомъ нельзя, то натираютъ ее солью, отчего она на нѣкоторое время дѣлается мягкой и сапоги, сшитые изъ нея, вы-

ходить, повидимому, добротными, но это только—повидимому; при малѣйшей сырости, при первомъ же дождѣ, они „грубѣютъ“, дѣлаются тверды, какъ дерево и затѣмъ трескаются.—Если домашнихъ рабочихъ не хватаетъ для прокатыванія кожъ, ихъ отдають для этого въ люди, платя за каждую по 3—5 коп., смотря по времени года, а также по величинѣ и плотности кожи.

Остатки отъ выдѣлки кожъ—соскобленную съ нихъ шерсть и мездру производители продають, кому понадобится. Шерсть покупается мѣстными войлочниками; выходитъ ее копѣекъ на 50 съ каждаго зольника въ 22 кожи, а мездру въ настоящее время забираетъ курскій купецъ Сапуновъ, по 40—60 и даже 1 рублю за пудъ; съ 22-хъ кожъ мездры кожаной выходитъ обыкновенно около 1½ пудовъ.

Сопожники описываемаго нами района работаютъ только одинъ черный, „чеботарный товаръ“ т. е. простые, мужицкіе сапоги, на потребу сѣрой деревни. Чистый же городской товаръ идетъ на рынки южной Россіи изъ кимрскаго, корчевскаго и дмитровскаго районовъ Тверской и Московской губерній.

Чеботарный товаръ, изготовляемый нашими слободскими кустарями раздѣляется на два сорта: *черный* и *выворотной* или *пидльпный* сапогъ. „Черный“ сапогъ иначе называется *гвоздевымъ*, потому что подметка у него прикрѣпляется къ хлявамъ гвоздями. Сортъ черныхъ сапоговъ имѣетъ, въ свою очередь, два подраздѣленія: *прикройный* сапогъ и *вытяжной*. Разница между ними заключается въ томъ, что у прикройнаго сапога „переды“ дѣлаются приставными, пришиваются къ хлявамъ, тогда какъ въ вытяжномъ сапогѣ переды съ передней хлявой дѣлаются изъ одной кожи, которая нарочно для этого вытягивается на *класачь*. Естественно, что вытяжные сапоги цѣнятся дороже прикройныхъ, такъ какъ они и прочнѣе этихъ послѣднихъ, и требуютъ нѣсколько большаго количества кожи, чѣмъ прикройные, на которыхъ переды дѣлаются обыкновенно изъ обрѣзковъ, остающихся отъ выкройки и вырѣзки хлявья.

Выворотной, „пидльпный“ сапогъ представляетъ въ высшей степени оригинальное явленіе, свойственное, кажется, исключительно только нашимъ черноземнымъ сапожнымъ районамъ. Изготавливается онъ такимъ образомъ: когда сошьются переднія и заднія хлявы, сапожникъ слегка смачиваетъ ихъ водою и выворачиваетъ ихъ „ваничь“, на изнанку, и затѣмъ дратвой пришиваетъ къ нижней части ихъ легкую, тонкую, однорядную подошву, какъ это дѣлается обыкновенно съ башмаками; затѣмъ сапогъ снова „выворачивается“ на лицо (отсюда и особое техническое названіе— „выворотной“ сапогъ), насаживается на колодку и сушится въ такомъ видѣ въ теченіе 2-хъ часовъ. Подошва гвоздями не пробивается. Задники у такихъ сапоговъ только слегка притачиваются къ передамъ и хлявамъ, но не строчатся, а, вмѣсто этого, по швамъ мѣстами только проводятся *писачкою* дорожки, которыя изображаютъ собою фигурные швы. На каблукъ идетъ мездра, соструганная съ кожи, и разные тонкія обрѣзки, которыя склеиваются простымъ клеемъ и сбиваются въ одну кучу, снаружи очень плотную и крѣпкую; сверху каблукъ смазывается еще разъ клеемъ и затѣмъ лакомъ, такъ что, съ виду, каблукъ и вообще весь сапогъ выходитъ хоть куда, кажется и крѣпкимъ и прочнымъ,—знай, носи только. На самомъ же дѣлѣ его можно проносить „развѣ только съ пятницы до субботы“, какъ совершенно справедливо, не безъ пропіи надъ своей работой, говорятъ сами же производители, знающіе болѣе чѣмъ, кто-нибудь другой, цѣну своей работѣ. Прекрасно также знаютъ всѣ недостатки этого сапога и его постоянные потребители—крестьяне южныхъ губерній, и если, не смотря на это, все-таки рѣшаются покупать его, то только потому, что цѣнить здѣшнюю выдѣлку кожи и кройку сапога. Среди тамошнихъ крестьянъ сложилась даже специальная поговорка на счетъ михайловскаго сапога: „вся цѣна ему (т. е. работѣ, шитью)—грошъ, да фасонъ-то у него хорошъ“. Потребители знаютъ, что носить сапоги михайловскіе и миропольскіе въ томъ видѣ, какъ они выходятъ изъ мастерской производителя, рѣшительно невозможно—„подметки

растеряешь“; поэтому каждый покупатель, принесъ съ рынка такой сапогъ домой, тотчасъ же берется самъ за шило и дратву и шиваетъ его по своему. Такой порядокъ вещей поддерживается тѣмъ, что въ Украинѣ совсѣмъ не умѣютъ выдѣлывать кожъ, такъ что даже такая непрезентабельная, во многомъ оставляющая желать лучшаго, выдѣлка кожъ, какая практикуется во всемъ нашемъ сапожномъ районѣ, тамъ считается совершенствомъ. Кроме того, тамошними потребителями высоко цѣнятся и фасонистый покрой, который умѣютъ придать сапогу наши михайловскіе производители, мастера и специалисты своего дѣла. Такимъ образомъ, здѣсь повторяется известная исторія вѣнскихъ фабрикъ готоваго платья, которыя сбываютъ, собственно говоря, просто матеріи въ видѣ выкроеннаго и сметаннаго платья.

Съ другой стороны, производство выворотнаго сапога по нашимъ слободамъ поддерживается еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что у производителя нѣтъ импульса шить сапоги лучше и крѣпче. Выворотный сапогъ требуетъ обыкновенно очень немного работы; мастеръ съ мальчикомъ—подмастерьемъ легко, шутя сработаетъ въ 1 день 2—4 пары такихъ сапогъ; если же шить болѣе прочно, то на 1 пару нужно употребить 1½—2 дня,—между тѣмъ какъ у торговцевъ, скупающихъ сапожныя издѣлія у здѣшнихъ кустарей, равно какъ и у постоянныхъ потребителей здѣшняго товара—южно-русскихъ крестьянъ, давно уже выработался на здѣшній сапогъ опредѣленный взглядъ,—что онъ, будучи вполне удовлетворительнымъ по своему фасону и выдѣлкѣ кожи, никуда не годится со стороны пошивки. Вслѣдствіе этого издавна установилась на него опредѣленная цѣна, обыкновенная, годичныя колебанія которой исключительно управляются состояніемъ кожевеннаго рынка; заработная же плата, которую получаетъ производитель отъ своихъ издѣлій, не подвергается почти ни какимъ измѣненіямъ, или даже, благодаря помянутымъ выше условіямъ, скрѣпе понижается съ каждымъ годомъ, чѣмъ увеличивается. При такихъ обстоятельствахъ, сапожнику приходится заботиться лишь объ од-

номъ—о томъ, чтобы шить сапоги возможно скорѣе. „Провозишься за парой два—три дня, сдѣлаешь ее по совѣсти-то, а тебѣ даютъ ту же цѣну,—какой же тутъ расчетъ стараться?“ отзываются, производители. Разъ войдя въ эту колею и приобретя себѣ реномъ примѣрныхъ кожевниковъ и кройщиковъ, но весьма плохихъ сапожниковъ, производители здѣшніе волей—неволей должны держаться теперь традиціоннаго, скороспѣлаго и непрочнаго выворотнаго сапога, потому что, въ противномъ случаѣ, ихъ ожидаетъ пониженіе заработка, который за послѣдніе годы и безъ того сильно понизился вслѣдствіе конкуренціи тверяковъ и москвичей.

Тѣмъ не менѣе, справедливость требуетъ замѣтить, что, не смотря на всѣ эти обстоятельства, въ настоящее время производство выворотнаго сапога сильно сокращается въ нашихъ слободахъ, что обусловливается двумя главными причинами: 1) общимъ упадкомъ сапожнаго промысла во всемъ районѣ; объ этомъ мы уже, между прочимъ, упоминали выше, въ исторической части настоящаго очерка; сокращеніе производства замѣтно не только по отношенію къ выворотному сапогу, но и по отношенію вообще къ количеству выдѣлываемыхъ кожъ; 2) тѣмъ, что жители центральныхъ, торговыхъ мѣстностей южной Россіи, вродѣ Харькова, Полтавы, даже Екатеринослава и Ростова-на-Дону, со времени проведенія желѣзныхъ дорогъ, совсѣмъ перестали брать выворотный сапогъ здѣшняго издѣлія, предпочитая ему болѣе прочныя кимрскіе и корчевскіе сапоги, которые подвозятся на тамошнія рынки желѣзной дорогой. Нашимъ слободскимъ производителямъ и скупщикамъ, для сбыта своихъ выворотныхъ сапоговъ, приходится ѣздить по глухимъ, далекимъ деревнямъ Полтавской и Харьковской губ. и Земли В. Донскаго, или же везти свой товаръ въ Таврію, Ставропольскую губ. и на Кавказъ, куда еще не успѣлъ проникнуть добротный Тверской и Московскій сапогъ, и гдѣ жители не видали еще до сихъ поръ ничего лучше нашихъ михайловскихъ, борисовскихъ и миропольскихъ издѣлій. Но, во всякомъ случаѣ, районъ сбыта выворотнаго сапога съ каждымъ годомъ все болѣе

и болѣе суживается, какъ влѣдствіе указанной конкуренціи со стороны Москвы, такъ и потому, что на югѣ, куда сбываются издѣлія нашихъ сапожниковъ, количество собственныхъ промышленниковъ съ каждымъ годомъ увеличивается, влѣдствіе чего уменьшается тамъ потребность въ чужихъ издѣліяхъ вообще и въ томъ числѣ—въ нашихъ выворотныхъ сапогахъ.

Техника сапожнаго производства весьма проста. Самая мудреная часть работы—это кройка; „не хитро шить, говорятъ сапожники,—хитро выкроить“. Закройщикъ долженъ стараться о томъ, чтобы выкроить изъ кожи возможно большее количество паръ сапогъ, и при томъ такъ, чтобы халявы и переды выходили совершенно цѣлыми, чтобы не пришлось къ нимъ притачивать мелкихъ кусковъ—„штукъ“. какъ называютъ ихъ сапожники—такъ какъ покупатели не любятъ сапоговъ съ такими притачками и цѣнять ихъ гораздо дешевле тѣхъ, которые шиты изъ „цѣлинъ“. Такимъ образомъ, закройщикъ долженъ соблюдать интересы какъ той, такъ и другой стороны, дѣлать такъ, чтобы никому обидно не было. Влѣдствіе этого кройкою сапогъ въ домѣ занимается всегда самый старшій, опытѣйшій сапожникъ, а если гдѣ нѣтъ опытнаго по этой части мастера,—его нанимаютъ, платя ему по 3—5 коп. съ пары.

Сапоги, какъ выворотные, такъ и на гвоздяхъ, работаются разной мѣры:

1) *Дѣтскіе*—изготавливаются въ самомъ незначительномъ количествѣ; цѣна ихъ на мѣстѣ—отъ 80 коп. до 1 руб. 50 коп., смотря по времени года.

2) *Подсередніе*—для подростковъ отъ 9—15 лѣтъ, мѣрою $5\frac{1}{2}$ вершковъ въ подошвѣ и 10 вершк. въ халявѣ; стоимость ихъ на мѣстѣ—отъ 1—1 р. 75 коп.

3) *Середніе*, или *жиноцкіе* (женскіе),— $6\frac{1}{2}$ вершковъ въ подошвѣ и 12 в. въ халявѣ; цѣна имъ на мѣстѣ—отъ 1 руб. 50 коп. до 2 руб. 20 коп.

4) *Великіе*, или *мужицкіе*— $7\frac{1}{2}$ вершковъ въ подошвѣ и 14 верш. въ голенищѣ; стоимость каждой пары на мѣстѣ—отъ 1 руб. 75 коп. до 2 руб. 75 коп.

Цѣны проставлены здѣсь нами на выворотной сапогъ; сапоги на гвоздяхъ, прикройные, стоятъ обыкновенно дороже—копѣекъ на 30—60, вытяжные—на 1—1 р. 20 коп. на парѣ.

Цѣны на сапоги на мѣстныхъ слободскихъ базарахъ вообще неустойчивы и постоянно колеблются, смотря по количеству спроса на товаръ и по времени года. Осенью, въ сентябрѣ и октябрѣ мѣсяцахъ, когда торговцы-скупщики и хозяева—предприниматели второй категоріи начинаютъ отправлять цѣлыя партіи сапогъ на южныя ярмарки,—цѣны крѣпнутъ и повышаются; зимою онѣ стоятъ на среднемъ уровнѣ; затѣмъ нѣсколько повышаются опять къ веснѣ, въ мартѣ и апрѣлѣ, когда мелкіе, семейные кустари-производители отправляются для распродажи своихъ издѣлій по деревнямъ и сельскимъ базарамъ. Лѣтомъ же въ торговлѣ сапогами наступаетъ совершенный „заморъ“; спроса на нихъ нѣтъ въ это время ни со стороны скупщиковъ, ни со стороны крестьянъ—потребителей. Самая бойкая торговля сапогами бываетъ обыкновенно на мѣстныхъ, слободскихъ ярмаркахъ. Въ сл. Борисовкѣ такихъ ярмарокъ три: Предтеченская—14 іюня, Воздвиженская—14 сентября и Михайловская—8 ноября. Въ Великой Михайловкѣ ихъ семь: Всеѣдная—предъ сырной недѣлей, Крестопоклонная—на 4-й недѣлѣ великаго поста, Вознесенская, Предтеченская, Михайловская—6 сентября, Казанская—22 октября и другая Михайловская—8 ноября. Въ Ольшанкѣ одна—Дмитріевская—26 октября; въ г. Миропольи пять: Васильевская—1 января, Похвальная—на 5-й недѣлѣ великаго поста, Троицкая, Ильинская и Семеновская—1-го сентября. Въ Томаровкѣ особенно важна для сапожниковъ ярмарка Николаевская, на которой сбывается ими очень большое количество сапоговъ наѣзжающимъ сюда къ этому времени скупщикамъ.

Торговцы-скупщики набираютъ партію сапогъ или путемъ розничной продажи, или же покупаютъ прямо по—сотенно у ку-

старей-производителей 2-й и 6-й группы. При этомъ цѣна на сапоги какъ при розничной, такъ и оптовой продажѣ, — почти одна и таже.

При работѣ на заказъ сапоги стоятъ гораздо дороже, — отъ 1¹/₂ р. (за дѣтскіе) до 5 руб. (великіе, мужицкіе).

Хозяева производители второй категоріи обыкновенно держатъ у себя или постоянныхъ наемныхъ рабочихъ, по 3—6 чел., платя имъ въ годъ, помѣсячно, или сдѣльно, отъ пары. Сапожникъ — подростокъ до 15—17 лѣтъ, занимающійся только стачкою халавъ, получаетъ у нихъ въ годъ обыкновенно отъ 10—20 руб., сапожникъ подмастерье, уже совершенно научившійся шить сапоги „на — чисто“, получаетъ ежегодно по 20—35 руб. сапожникъ мастеръ, умѣющій и обдѣлывать сапоги и кроить ихъ беретъ за годъ отъ 45—70 и даже до 80 руб., на хозяйскихъ харчахъ; кромѣ того, каждый изъ постоянныхъ наемныхъ рабочихъ выговариваетъ себѣ обыкновенно пару сапогъ отъ хозяина, что стоитъ по мѣстнымъ цѣнамъ отъ 1—2 р. 50 к., или, среднимъ числомъ, 1 р. 75 коп. на каждого рабочаго. При мѣсячной наемкѣ, рабочему платятъ отъ 6—10 руб. — хорошему и отъ 1—5 руб. — посредственному; инструментъ при этомъ весь хозяйскій. Сдѣльная цѣна колеблется, смотря по времени года и сорту сапога, — отъ 12 и даже 10 к. до 50 к. за пару, изъ готовой, выдѣланой уже, хозяйской кожи. За пару выворотныхъ сапогъ берутъ обыкновенно по 10—15 коп., за гвоздевые прикройные 30—40, за вытяжные — 50 коп., на хозяйскихъ харчахъ и инструментахъ. При этомъ рабочій, если ему понадобятся услуги „перешивальника“, для стачки сапогъ, — долженъ нанимать его на свой счетъ, выплачивая ему изъ своей сдѣльной цѣны. Въ день 1 хорошей работникъ съ мальчикомъ-перешивальникомъ работаетъ обыкновенно отъ 2—4 паръ выворотныхъ сапогъ, 1 пару гвоздевыхъ-прикройныхъ, на вытяжные же онъ долженъ употребить 1¹/₂ сутокъ. Самая дорогая цѣна бываетъ лѣтомъ, въ особенности съ іюня мѣсяца до половины сентября, потому что въ это время сапожники цѣлыми мас-

сами уходятъ на косовицу, въ южныя губерніи, или же разсыпаются по сосѣднимъ экономіямъ, работая тамъ по денно, или по мѣсячно. Затѣмъ, съ половины сентября, цѣна на сдѣльную работу начинаетъ понижаться и доходить къ Рождеству до minimum'a (15—20 к. за пару), оставаясь въ такомъ положеніи приблизительно до послѣдней педѣли великаго поста. Въ это время начинается движеніе на косовицу и вмѣстѣ съ тѣмъ задѣльная плата сапожникамъ начинается повышаться до тѣхъ поръ пока въ іюніѣ, или іюль не дойдетъ до своего maximum'a. Указанную сдѣльную плату получаютъ одинаково — какъ производители третьей группы, работающіе въ мастерскихъ у хозяевъ, такъ равно и тѣ производители, которые работаютъ у себя на дому, изъ готоваго хозяйскаго матеріала (группа 5-я). Кожа дается имъ обыкновенно прямо „изъ подъ дубки“, не мятая и не рифенная, такъ что они, прежде чѣмъ начать работу, должны потерять еще нѣсколько времени на окончательную обработку кожи.

У наемныхъ производителей, работающихъ въ хозяйскихъ мастерскихъ, инструментъ обыкновенно весь хозяйскій. Живутъ такіе работники всегда вмѣстѣ съ хозяиномъ и кормятся съ нимъ въ большинствѣ случаевъ съ одного стола. Работа продолжается ежедневно по 13—15 часовъ; зимою и лѣтомъ рабочіе встаютъ обыкновенно въ 5—6 часовъ и забастовываютъ работу къ 9—10 часамъ вечера; въ теченіе дня для завтрака, обѣда и ужина („полдника“ не бываетъ, потому что работа эта не тяжелая, легко можно проговѣть отъ обѣда до ужина) времени уходитъ отъ 1¹/₂—2 часовъ, да кромѣ того, рабочіе пользуются еще однимъ часомъ отдыха. По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ работы не бываетъ.

Кромѣ собственно сапожной работы, наемные рабочіе исполняютъ обыкновенно и всѣ другія работы по дому; на нихъ же лежитъ обязанность помогать хозяевамъ выдѣлывать кожи, класть ихъ въ зольникъ и дубильный чанъ, вынимать оттуда, полоскать въ рѣкѣ, стругать и т. д. Такъ какъ кожевенная работа ведетъ

ся не заразы, а по частямъ, то она какъ будто совѣшь и не видна за сапожнымъ дѣломъ.

Каждый рабочій въ день обыкновенно приготовляетъ 3 пары сапогъ, если только ученикъ, или подмастерье, или, наконецъ, просто жена стачаетъ для него халавы и пришьетъ къ сапогамъ задники. При этомъ величина сапогъ, ихъ относительный размѣръ несколько не вліяетъ на количество работы; производителю все равно — шить ли маленькіе, дѣтскіе сапоги, или жиноцкіе, или „великіе“, мужицкіе; кустари отзываются, что на маленькіе еще порою больше времени потратишь, чѣмъ на большіе.

Въ разсматриваемомъ нами промыслѣ встрѣчается много своеобразныхъ чертъ, поражающихъ иногда своею странностью и свойственныхъ исключительно только одному нашему району. Одна изъ такихъ своеобразныхъ чертъ есть полнѣйшее отсутствіе раздѣльности, обособленности между кожевеннымъ и сапожнымъ производствами и, наряду съ этимъ, — строгое раздѣленіе труда въ сапожномъ производствѣ, замѣчаемое, по крайней мѣрѣ, въ Велико-Михайловскомъ районѣ, Новооскольскаго уѣзда. Здѣсь издавна уже повелось такъ, что „надъ сапогами орудуютъ трое“. Одинъ кроитъ сапоги („кройчій“), другой стачиваетъ халавы и къ нимъ притачиваетъ переды и задники, — это такъ называемый „перешивальникъ“; третій, наконецъ, подшиваетъ подошву, укрѣпляетъ задники и придѣлываетъ каблуки, охорашиваетъ, расписываетъ сапоги, правитъ ихъ на деревѣ, сушитъ и, наконецъ, по высушкѣ, плотно набиваетъ сапогъ мягкой соломой для того, чтобы онъ при перевозкѣ не смялся и не потерялъ своего вида; послѣдній называется „подшивальникомъ“.

Впрочемъ такое строгое раздѣленіе труда соблюдается лишь въ большихъ семьяхъ и въ мастерскихъ съ наемными рабочими; среди же простыхъ, семейныхъ производителей бываетъ обыкновенно такъ, что роль кройчаго, подготовляющаго товаръ къ выдѣлкѣ, и подшивальника, окончательно обдѣлывающаго сапогъ, исполняетъ

главный работникъ, хозяинъ семьи, перешивальникомъ же служить при немъ собственный, или нанятый подростокъ-подмастерье, а за неимѣніемъ его — роль эту исполняетъ жена; нѣкоторые же производители отдають тачать на сторону, чужимъ бабамъ, специально занимающимся этимъ. *) Цѣна перешивальнику, съ осени, по 3 — 5 коп. за пару, а въ лѣтнюю рабочую пору — 5 — 8 коп. У самостоятельныхъ производителей второй и шестой категоріи перешивальниками всегда бывають ученики, которые отдаются для обученія мастерству съ 8 — 15 лѣтъ, — обыкновенно на одинъ годъ, или даже на полгода бесплатно, но съ условіемъ: послѣ выучки перешить на хозяина даромъ сотню или двѣ сапогъ. Перешивальникъ работаетъ отъ 2 — 5 паръ сапогъ въ день.

Подшивальникъ это настоящій мастеръ; въ большихъ мастерскихъ онъ въ годъ получаетъ 45 — 70 р., какъ мы уже говорили выше, а при поштучной работѣ ему платятъ по 10 — 15 к. за пару выворотныхъ сапогъ, по 30 — 40 коп. — за пару гвоздевыхъ прикройныхъ и по 40 — 50 коп. — за вытяжные; при чемъ тачанье халавъ и пришивка передовъ и задниковъ идетъ въ этотъ же счетъ; рабочій можетъ производить эту часть работы и самъ, можетъ и нанимать для этого бабу, или мальчика — это уже его дѣло.

По найму въ мастерскихъ у хозяевъ живутъ, главнымъ образомъ, одиночки, которымъ рѣшительно нѣтъ никакой выгоды работать самостоятельно, т. е. покупать кожи, выдѣлывать ихъ и затѣмъ перешивать на сапоги для рынка, — нѣтъ выгоды, потому что побочныя, подготовительныя работы отнимутъ у нихъ весьма много времени и сведутъ заработокъ до minimum'a. Съ другой стороны,

*) Въ Великой Михайловкѣ, Борисовкѣ и Миропольѣ женщины почти всѣ занимаются кустарными производствами, наряду съ своими мужьями, братьями и отцами. Нѣкоторые кустарныя производства этихъ мѣстностей находятся исключительно въ рукахъ женщинъ; но, къ сожалѣнію, въ виду краткости времени, остающагося въ нашемъ распоряженіи, намъ врядъ-ли придется говорить объ этихъ „жиноцкихъ“ производствахъ въ настоящемъ выпускѣ. Во всякомъ случаѣ, детальное описаніе ихъ не замедлитъ появиться въ одномъ изъ слѣдующихъ „общихъ“ или по-уѣздныхъ сборниковъ нашего статистическаго бюро.

работая самостоятельно для рынка, производитель всегда рискует тѣмъ, что товаръ у него на рукахъ можетъ залежаться и оставить его такимъ образомъ безъ куска хлѣба, тогда какъ, работая на хозяина, онъ всегда гарантированъ отъ застоя въ торговлѣ и прочихъ случайностей, вызываемыхъ состояніемъ рынка.

Сапожники-производители четвертой группы принадлежать въ большинствѣ случаевъ къ числу семейныхъ производителей, работающихъ исключительно силами своей семьи. Если деньги найдутся у нихъ, они работаютъ на себя, изъ своего матеріала; если нѣтъ, — начинаютъ работать по заказамъ крупныхъ скупщиковъ-хозяевъ первой категоріи, которые отдаютъ имъ въ выдѣлку сырую кожу, съ тѣмъ условіемъ, чтобы имъ представлено было по 4—6 паръ сапогъ отъ каждой кожи. Такимъ образомъ, производители должны сами выдѣлать кожу и пошить сапоги. За это они берутъ съ заказчиковъ, конечно, дороже, чѣмъ производители 3-й и 5-й группы, работающіе едѣльно, изъ готовой, уже совершенно выдѣланной кожи. Съ каждой пары вытяжныхъ сапогъ, съ выдѣлкою кожи, они берутъ обыкновенно по 50 коп. на всемъ своемъ „принасъ“, при выдѣлкѣ гвоздевыхъ сапогъ имъ платится: по 60 коп. за прикройные и 75 коп. за вытяжные съ каждой пары.

Сапоги передъ отправкой на продажу смазываются сверху чистымъ дегтемъ и укладываются въ повозку. Торговцы мелкіе, т. е. самостоятельные, семейные производители и нѣкоторые изъ хозяевъ второй категоріи, распродаютъ товаръ въ розницу, по ярмаркамъ, базарамъ и деревнямъ, укладываютъ зря, какъ попало, лишь бы побольше улеглось на возу; оптовые же торговцы продающіе сапоги прямо возами, укладываютъ товаръ „съ доглядкой“: въ средину они кладутъ обыкновенно худшіе сапоги, а лучшіе — сверху, „на показъ“; при томъ сапоги у нихъ кладутся аккуратно, рядами, такъ что въ возу всегда выходитъ одинаковое число паръ сапоговъ. Обыкновенно принято класть по 300 паръ разнаго сорта, по извѣстной пропорціи, на 1 подводѣ.

Повозки не публикуются
 Проведеніе желѣзной дороги на способъ отправки сапожныхъ издѣлій не оказало ни малѣйшаго вліянія. Какъ прежде, во времена дѣдовскія, ихъ отправляли на южные рынки при помощи лошадей, такъ осталось и до сихъ поръ. И крупныя, и мелкіе торговцы — все отправляютъ по прежнему сапоги на лошадяхъ, не смотря на то, что желѣзная дорога (Курско-Харьково-Азовская) перерѣзала сапожный районъ и прошла возлѣ самыхъ центровъ производства; ближайшая ~~желѣзно-дорожная~~ станція отъ В. Михайловки находится всего въ 20—30 верстахъ, отъ Борисовки въ 27 вер. Главною причиною этого явленія служитъ то обстоятельство, что какъ мелкіе, такъ и крупныя торговцы, выѣзжая съ товарами изъ своего мѣста, и сами иногда не имѣютъ въ виду какого-нибудь опредѣленнаго рынка, а прямо ѣдутъ на авось, надѣясь распродать свои издѣлія по деревнямъ, или по сельскимъ недѣльнымъ базарамъ и торжкамъ; особенно же это практикуется мелкими семейными производителями, которые сами сбываютъ свои издѣлія непосредственно потребителямъ; бываетъ, что они порою, еще недоѣхавъ до ближайшаго города (Харькова, Полтавы), распродаютъ весь взятый ими изъ дома товаръ и снова ворочаются за нимъ домой.

Сбываются здѣшнія издѣлія въ Полтавской, Харьковской, Екатеринославской, Херсонской губ., въ ~~Земль Войска Донскаго~~ ^{отчасти} и даже въ Ставропольской, Астраханской и Тифлисской губ. Въ настоящее время, впрочемъ, въ первыхъ четырехъ губерніяхъ серьезную конкуренцію здѣшнему сапогу представляютъ кимрскія, корчевскія (Тверской губ.) и дмитровскія (Московской губ.) издѣлія, которыя привозятся сюда по желѣзной дорогѣ. Крупныя торговцамъ-скупщикамъ по этимъ мѣстамъ ~~больше~~ „и дѣлать стало нечего“, такъ какъ въ мѣстныхъ лавкахъ ихъ товаръ партіями брать здѣсь совсѣмъ перестали; *) сюда ѣздить только одни мелкотравча-

*) Въ прежніе годы, до проведенія желѣзной дороги, на одной только Ильинской ярмаркѣ, въ Полтавѣ, крупныя скупщики продавали отъ 12—15 тыс. паръ, въ Кременчугѣ — около 4000 паръ, въ Харьковѣ — до 10 тыс. и т. д. Теперь все это миновало и ~~бываетъ поросло~~.

тые торговцы, которые для продажи сапоговъ въ города не заѣзжаютъ, а распродаютъ ихъ по глухимъ селамъ и деревнямъ, куда еще не успѣлъ пробраться сѣверный, тверской сапогъ. Крупные же торговцы возятъ сапожный товаръ исключительно на юго-востокъ. Съ полуваломъ они ѣздятъ обыкновенно въ февралѣ, мартѣ и апрѣлѣ мѣсяцѣ. Этотъ сортъ кожи продается ими или „въ цѣлипахъ“, т. е. цѣлыми кожами, или кусками, шириною въ длину подошвы, а длиною—въ нѣсколько паръ ихъ. Цѣна за выдѣланную кожу полувада на мѣстахъ сбыта отъ 8—15 рублей, а кусками отъ 10—17 рублей. Весною у крупныхъ торговцевъ идетъ обыкновенно одинъ полувалъ, сапоги же берутся ими изъ дома лишь въ самомъ ограниченномъ количествѣ. Отправка ихъ болѣе или менѣе крупными партиями начинается съ августа мѣсяца. Первая партія идетъ на известную Луганскую ярмарку (въ Луганской станицѣ, ~~Земли Войска Донскаго~~), которая бываетъ 1-го сентября. Здѣсь часть сапоговъ продается за наличныя деньги, часть же промѣнивается на кожи, которыя свозятъ сюда нарочно окрестными крестьянами и скототорговцами. Изъ Луганской ст. торговцы переѣзжаютъ на ярмарку въ Ростовъ-на-Дону (8 сентября), гдѣ продаютъ сапоги частію тамошнимъ торговцамъ, частію скупщикамъ, пирѣзжающимъ сюда изъ Таганрога, Урюпинской станицы ~~etc.~~. Затѣмъ, къ 14-му сентября они посѣщаютъ на ярмарку въ Новочеркасскъ, откуда переѣзжаютъ на Покровскую ярмарку въ Екатеринодаръ, затѣмъ къ 26 октября—въ Ставрополь, гдѣ по большей части и распродаютъ остатки товара. Если же годъ былъ на югѣ неурожайный и сапоговъ всѣхъ на указанныхъ ярмаркахъ продать не удалось,—ѣдутъ еще дальше въ Тифлисъ, Баку, или даже Армению.

Цѣна сапогамъ (выворотнымъ) на мѣстахъ сбыта, при оптовой продажѣ—по $1\frac{1}{2}$ —2 руб. за сотню, въ отдѣльной же розничной продажѣ стоимость ихъ была нами показана выше.

Мелкіе торговцы имѣя дѣло не съ лавками, а непосредственно съ потребителями, возятъ сапоги большею частію въ весеннее

4

время, начиная съ февраля мѣсяца и до мая, когда крестьяне начинаютъ запасаться кожаной обувью для лѣтняго сезона. На большія ярмарки имъ ѣздить не рука—слишкомъ далеко, поэтому они ограничиваются сельскими ярмарками и базарами, или же просто, проѣзжая по деревнямъ, выкликаютъ: „гей, сапоги хороши! са-по-ги!..“ и у нихъ разбираютъ по мелочамъ,—гдѣ одну пару возьмутъ, гдѣ двѣ, гдѣ три. Въ назначеніи цѣны на свои издѣлія они при этомъ не стѣсняются и берутъ уже глядя по покупателю. При въѣздѣ въ село, опытный, наметавшій свой глазъ, ~~михайловский~~ торгошъ тотчасъ же смекаетъ про себя, на сколько тутъ мужикъ сѣръ и простъ, не пеньямъ-ли Богу молится, не онучей-ли утирается, или же, напротивъ, культуренъ, и самъ видалъ виды не меньше его, ~~михайловца—пройдохи~~. Торгошъ сразу все это смѣтаетъ и узнаетъ по тѣмъ тонкимъ, разнообразнымъ признакамъ, которые почти неуловимы для челоука не деревенскаго. Если, напр., нѣтъ ни одного кабака въ селеніи, а загуменя полны одоньями хлѣба; если нѣтъ въ селеніи каменныхъ домовъ съ желѣзными крышами, ярко выкрашенными зеленою краскою, и нѣтъ совершенно раскрытыхъ, перекосившихся и полуразрушенныхъ хатъ, нѣтъ мазанокъ, похожихъ скорѣе на норы, чѣмъ на жилища челоуческаго; а все, напротивъ, выглядитъ болѣе или менѣе исправно и вездѣ замѣчается если не зажиточность, то, по крайней мѣрѣ, не бѣдность и не раззореніе,—торгошъ тогда смѣло рѣшаетъ, что здѣсь „земляной“, „сѣрый“ мужикъ, съ которымъ церемониться печего и назначаетъ за сапоги сумашедшую цѣну,—по 5—7 руб. за пару. Если же, наоборотъ, замѣтитъ онъ при въѣздѣ въ деревню, что въ ней два или три кабака, окруженные невозможными, полуразвалившимися, полусгнившими хатками, съ взъерошенной крышей и разбитыми окнами, въ которыхъ тѣмъ не менѣе виднѣются свѣтлыя, пузатыя самовары, а въ центрѣ селенія ярко зеленѣется крыша каменнаго дома, недавно только отстроеннаго Колупаевымъ „на трудовыя свои кровныя денежки“,—тогда торгошъ сразу понимаетъ, что онъ у „культурныхъ“ людей, которые

сами прошли сквозь всякій огонь и воду, — и спускаетъ значительно цѣну на свой сапогъ: съ перваго же слова запрашиваетъ не болѣе 3—4 рублей за пару и отдаетъ съ охотой за 2—2 р. съ половиной. Тутъ ужъ, что говорится, нашла коса на камень, и дороже ему взять за сапоги не придется.

Не занимаясь земледѣліемъ, наши слободскіе производители посвящаютъ все свое время исключительно промыслу и работаютъ въ теченіе года, за исключеніемъ праздниковъ и дней похмѣлья послѣ нихъ, около 250 дней. Исходя изъ этого, опредѣлимъ сумму общаго производства и заработокъ производителей всѣхъ установленныхъ нами 6 группъ.

Производители — рабочіе третьей, группы служащіе по найму у хозяевъ въ году, получаютъ среднимъ числомъ за годъ по 50—60 руб. При сдѣльной работѣ они берутъ, въ среднемъ, по 27 к. за пару сапогъ (съ платой перешивальнику); въ теченіе года каждый изъ нихъ приготовляетъ около 210 паръ сапогъ (такъ какъ только выворотные сапоги изготовляются по 2—3 пары въ день, черные же сапоги „на гвоздяхъ“ требуютъ около 1½ дней работы), и получаетъ за это 56 р. 70 к. Но изъ этой суммы нужно еще исключить 2 р. $50 \times 4 = 10$ р., которые ему приходится заплатить перешивальнику за стачку халявъ; значить, у него остается всего 46,7 рублей чистаго заработка. Стало быть, среднимъ числомъ, каждый, работающій у хозяина въ мастерской, получаетъ около 50 руб. въ годъ. Всѣ же вмѣстѣ рабочіе этой группы зарабатываютъ до 18,00 рублей въ годъ.

Заработокъ производителя пятой группы равняется заработку рабочаго, работающаго въ хозяйской мастерской сдѣльно, но безъ вычета изъ него 10 р. на перешивальника, такъ какъ у этой группы производителей, работающихъ не въ мастерской, а у себя дома, перешивальникомъ является непременно кто-нибудь изъ домашнихъ: жена, или дочь, или сынъ — подростокъ; слѣдовательно, годовой заработокъ производителя пятой категоріи рав-

няется 56 р. 70 коп. въ годъ. Всѣ же вмѣстѣ они зарабатываютъ около 13,734 руб.

Самостоятельные кустари, работающіе на себя и при томъ исключительно своими семейными силами, получаютъ отъ производства разумѣется гораздо больше сапожниковъ, работающихъ по найму отъ хозяина. Чтобы опредѣлить чистый заработокъ ихъ, необходимо прежде ознакомиться съ ихъ затратами на производство. Средняя семья, въ 6 человекъ, въ годъ можетъ выдѣлать около 4 зольниковъ кожъ. Въ зольникъ же заразъ кладется по 22 кожи. Значить, затраты производства на одинъ зольникъ будутъ составлять:

22 кожи, по 5 р.	-	-	-	110 р. *)
4 мѣры извести, по 20 коп.	-	-	-	80 к.
4½ четверика золы, по 25 коп.	-	-	-	1 р. 12 к.
22 пуда дубовой коры, по 60 к. за пудъ	13	„	20 к.	
4 пуда ржаной муки, по 80 к. за пудъ	3	„	20 к.	

Всего - 128 р. 32 к.

Значить, выдѣлка кожъ, съ покупкою ихъ, стоитъ 128 руб. 32 к. Затѣмъ, на окончательную обработку ихъ, или, какъ говорятъ здѣсь, на выдѣлку ихъ „въ юхту“ и на пошивку сапогъ — нужно:

15 фунтовъ дегтя, по 4 коп., всего на	-	60 к.
2 фунта купороса, по 8 коп.	-	16 „
5 фунтовъ смолы, по 5 коп.	-	25 „
2 мотка нитокъ для дратвы	-	70 „
Лубки для задниковъ въ сапогахъ	-	40 „
Лаку на	-	1 р. 35 „
Подковъ для каблучковъ (на гвоздевой сапогъ), 30 паръ, на	-	1 „ 50 „
Гвоздей для прикройныхъ и вытяжныхъ сапоговъ, на 30 паръ, 2 ф., на	-	30 „
Ремонтъ и погашеніе	-	80 „

Всего - 6 р. 6 к.

*) Кожи покупаются мелкими кустарями въ большинствѣ случаевъ здѣсь, на мѣстѣ, у производителей первой и второй группы.

А считая первоначальные расходы по выдѣлкѣ кожи, всѣ затраты производства будутъ равняться 134 руб. 38 коп.

Изъ 22 конскихъ и говяжьихъ кожъ вырѣзается, на кругъ, приблизительно около 110 паръ сапоговъ. Средняя цѣна одной парѣ на мѣстномъ рынкѣ при продажѣ скучникамъ отъ 1 руб. 75 к. до 2 руб., — при развѣздахъ же по ярмаркамъ и базарамъ — 3 р., въ среднемъ — около 2 руб.; значить, за всѣ 110 паръ производитель выручить до 220 руб., или около 85 руб. барыша. Но при этомъ не нужно забывать того, что такой сапожникъ, ухаживая самъ за кожами, при выдѣлкѣ ихъ, отвлекается самъ отъ сапожной работы, и, кромѣ того, отвлекаетъ отъ нея еще одного изъ семейныхъ своихъ работниковъ, такъ какъ возиться съ кожами одному невозможно; въ виду этого, онъ непременно долженъ, по крайней мѣрѣ, на третью часть производимыхъ имъ сапогъ нанимать подшивальниковъ и перешивальниковъ, каковое обстоятельство вызываетъ, кромѣ исчисленныхъ, еще слѣдующіе расходы:

За подшивку 37 паръ сапогъ (по 23 к. отъ пары) 8 р. 51 к.

За стачку ихъ (по 4 коп. съ пары) - - - 1 р. 48 к.

А всего расхода 9 р. 99 к. Стало быть, чистый заработокъ самостоятельнаго, семейнаго производителя равняется отъ каждого зольника 75 руб. коп.; отъ всѣхъ же 4 зольниковъ, выдѣлываемыхъ имъ въ теченіе года 300 руб. Сюда, впрочемъ, еще слѣдуетъ прибавить выручку отъ шерсти и мездры, которыя отбиваются отъ кожъ при ихъ выдѣлкѣ. Шерсти съ каждой кожи продается приблизительно, по показаніямъ самихъ производителей, на 2—3 к.; мездры же, стоящей 60 коп. за пудъ, — на 5 коп.; всего, значить, отъ каждой кожи производителемъ получается 7—8 коп., а отъ всѣхъ выдѣлываемыхъ имъ 88 кожъ — 5 руб. 28 коп., которые составляютъ прямое дополненіе къ его чистому заработку.

Всѣ семейные производители изслѣдуемаго района (2000 семей) выдѣлываютъ ежегодно около 176,000 штукъ сырыхъ кожъ, на сумму (стоимость сырья) 880,000 руб., и производятъ каждый

годъ около 880,000 паръ сапогъ, на сумму 1.760 т. руб. Чистая выручка ихъ около 600 т. руб.; затраты же производства поглощаютъ около 61% валоваго дохода производителя.

Заработокъ рабочаго производителя 4-й группы, работающаго большею частью по заказу отъ крупнаго торговца — предпринимателя, уже значительно меньше заработка самостоятельнаго, семейнаго кустаря. Затраты производства на одинъ зольникъ у него будутъ такіе же, какъ и у самостоятельнаго семейнаго кустаря, исключая только 110 рублей, т. е. стоимости 22 кожъ, идущихъ въ зольникъ; слѣдовательно, они будутъ составлять 24 р. 38 к. на 110 паръ сапогъ. За каждую пару производитель беретъ съ хозяина, въ среднемъ, по 60 к.; стало быть, чистаго барыша съ каждой пары сапоговъ онъ получаетъ около 38 к., а со всѣхъ 440 выдѣлываемыхъ ими паръ 67 руб. 20 коп. Общій итогъ годоваго производства такого производителя равняется 88 шт. кожъ, или 440 паръ сапогъ, на сумму 880 руб. Общая же сумма годоваго производства всѣхъ рабочихъ этой категоріи составляетъ 11,616 шт. кожъ, или 58,080 паръ сапогъ, на сумму 116,160 руб. сер. Чистый же заработокъ, получаемый всѣми производителями этой категоріи равняется 22,070 руб.

Производители — хозяева второй категоріи, участвуя сами въ производствѣ, силами своихъ семей, держатъ обыкновенно еще по 3—4 постоянныхъ наемныхъ работниковъ — годовиковъ и, кромѣ того, на третью часть изготовляемыхъ ими сапогъ нанимаютъ сдѣльно перешивальниковъ и подшивальниковъ. Въ теченіе года каждый изъ нихъ изготовляетъ 5 зольниковъ кожъ для собственнаго производства, въ своихъ мастерскихъ, 4 зольника — для раздачи на выдѣлку производителямъ пятой группы и 1 зольникъ „полувала“, который продается ими цѣльными кожами на Украинскихъ ярмаркахъ и базарахъ. Затраты производства на каждый зольникъ въ 22 кожи, для собственнаго производства, будутъ составлять:

Цѣнность кожъ въ покупкѣ	-	-	66 р.	—	*)
Расходы на матеріалы по выдѣлкѣ ихъ			18 р.	32 к.	
Расходы на матеріалы по шитью сапогъ			6 р.	6 к.	
Жалованья постояннымъ годовымъ рабоч.			15 р.	—	
Наемка временныхъ рабочихъ	-	-	9 р.	99 к.	
% на погашеніе основнаго капитала и ремонтъ орудій-	-	-	1 р.	50 к.	**)
Всего-			116 р.	87 к.	

Значить, на каждые 22 кожи для собственнаго производства производитель дѣлаетъ затраты 116 руб. 87 коп. На всѣ же 110 кожъ (5 зольниковъ) онъ долженъ сдѣлать расходовъ 584 руб. 45 коп. Общій итогъ его собственнаго годоваго производства равняется приблизительно 550 парамъ сапогъ, на сумму 1100 руб. сер. Значить, чистый заработокъ его отъ собственнаго производства въ теченіе года составляетъ 516 руб.

Кромѣ того 4 зольника на 88 кожъ предприниматель выдѣлываетъ для раздачи по сдѣльной цѣнѣ производителямъ пятой группы. Затраты на ихъ производство:

стоимость кожъ въ покупкѣ	-	-	264 р.	—
расходы на матеріалы по выдѣлкѣ ихъ			73 р.	28 к.
% на ремонтъ и погашеніе	-	-	4 р.	50 к.
жалованья годовымъ рабочимъ	-	-	60 р.	—
сдѣльная плата рабочимъ сапожникамъ (по 30 коп. съ пары)-	-	-	132 р.	—
Всего-			533 р.	78 к.

*) Кожы обходятся имъ гораздо дешевле, чѣмъ мелкимъ производителямъ, такъ какъ они закупаются ими на далекихъ Украинскихъ рынкахъ.

***) На погашеніе основнаго капитала и на ремонтъ орудій въ данномъ случаѣ мы беремъ цифру выше, чѣмъ въ бюджетѣ самостоятельнаго семейнаго кустаря—потому, что предприниматели 2-й категоріи почти всѣ имѣютъ собственныя толчейныя машины, стоимость которыхъ очень высока, такъ что онѣ составляютъ главную часть основнаго капитала хозяевъ предпринимателей; у мелкихъ же кустарей такихъ машинъ нѣтъ совершенно.

Общая выручка за сапоги 1100 руб. Значить, чистый заработокъ хозяина-предпринимателя отъ этихъ 4 зольниковъ равняется 566 руб.

Далѣе, 22 кожи выдѣлывается производителемъ на полуваль. Затраты на производство составляютъ:

стоимость кожъ (на полуваль берется лучшія кожи и наиболѣе дорогія)	-	143 р.	—
расходы на матеріалы по выдѣлкѣ	-	18 р.	32 к.
жалованья рабочимъ	-	15 р.	—
% на ремонтъ и погашеніе	-	1 р.	50 к.
Всего же			177 р. 82 к.

Продажная цѣна полувальныхъ кожъ на мѣстахъ сбыта—отъ 8—15 руб.; значить, чистая выручка производителя отъ нихъ—равняется приблизительно 86 рублямъ.

Общій годовой итогъ производства всѣхъ хозяевъ второй группы опредѣляется такимъ образомъ въ 24,156 сапожныхъ кожъ, или въ 120,780 паръ сапогъ на сумму 1241,560 рублей, и 2684 кожъ полувала на сумму 32,208 рублей. Въ томъ числѣ:

1) Сапогъ, приготовляемыхъ въ собственныхъ мастерскихъ хозяевъ-предпринимателей—67,100 паръ, на сумму 134,200 руб.

2) Сапогъ, приготовляемыхъ сторонними работниками, по сдѣльной цѣнѣ 53,680 паръ, на сумму 107,360 руб.

Чистый же годовой заработокъ всѣхъ предпринимателей этой категоріи составляетъ отъ сапоговъ—131,882 руб., отъ полувала 10492 руб.

Заработокъ крупныхъ торговцевъ распадается на двѣ части: 1) отъ кожъ, которыя они отдаютъ на выдѣлку и перешивку производителямъ 4 категоріи, и 2) отъ скупки готовыхъ издѣлій у мелкихъ кустарей. Производители четвертой группы передѣлы-

ваютъ на торговцевъ, 11616 шт. кожъ; расходы со стороны торговца на каждую кожу:

стоимость ея въ покупкѣ - - -	- 3 руб.
плата производителю за 5 паръ сапогъ - -	- 3 руб.
<hr/>	
Всего - - -	- 6 руб.

Продажная цѣна за пару сапогъ равняется 2 руб. Значить, чистаго барыша, отъ каждой кожи предприниматель получаетъ около 4 р., но изъ этого еще слѣдуетъ вычесть 5—10% которыя идутъ на наемъ извозчиковъ которые доставляютъ кожи до мѣста сбыта, покупку ряденъ и цыновокъ для укрывки товара, жалованье одному или двумъ прикащикамъ и наконецъ — на убытокъ въ бракованномъ товарѣ, котораго на возъ обыкновенно приходится паръ 5—10, и который продается гораздо дешевле обыкновенныхъ сапоговъ. Слѣдовательно, отъ каждой кожи предприниматель получаетъ во всякомъ случаѣ до 3 руб. 70 коп. барыша. Отъ всѣхъ же 1659 кожъ, приходящихся на каждого торговца изъ числа всѣхъ, приготовляемыхъ производителями пятой категоріи, онъ получаетъ около 6,138 руб. чистой выгоды. При скупкѣ готовыхъ сапогъ отъ мелкихъ производителей барышъ этотъ значительно уменьшается: каждая пара въ покупкѣ обходится торговцу въ 1 р. 75 к. + расходы по перевозкѣ = 1 руб. 85 коп.; значить, чистая выгода отъ пары въ этомъ случаѣ равняется всего лишь 15 коп.

Общая сумма годоваго производства всѣхъ производителей по тремъ взятымъ нами районамъ равняется приблизительно 1,058,860 паръ сапогъ, на сумму 2,178,110 руб., и 2684 штукъ кожъ на полуваля, на сумму 32208 руб. По районамъ этимъ общій итогъ распредѣляется такимъ образомъ:

	Сапоговъ.	На сумму.	Кожъ на полува.	На сумму.
въ Вел.-Михайл. съ слобод.	756200	1551400	2000	24000
„ Миропольи - -	83860	179810	184	2208
„ Борисовкѣ съ Томаровкой	218800	446900	500	6000
<hr/>				
Всего -	1058860	2178110	2684	32208

Относительно домашняго быта слободскихъ производителей мы находимъ весьма любопытную характеристику въ упомянутой статьѣ свящ. Левитскаго. Здѣсь онъ говоритъ, правда, объ однихъ только ольшанцахъ, но послѣдніе такъ мало отличаются отъ михайловцевъ и борисовцевъ, что все, что сказано относительно ольшанцевъ, вполне приложимо и ко всѣмъ остальнымъ кустарямъ изслѣдуемаго района. Мы позволимъ себѣ выписать здѣсь цѣликомъ эту во многихъ отношеніяхъ интересную характеристику ольшанскихъ производителей.

„Ольшанскіе крестьяне — торговцы, говорить о. Л-цкій, прѣзжая для торговли по разнымъ торговымъ мѣстамъ, чрезъ обращеніе съ людьми болѣе образованными, дѣлаются смѣлѣе въ обращеніи, находчивѣе и вѣжливѣе въ словахъ, дѣлаются во многомъ опытнѣе и образованнѣе въ понятіяхъ и вкусѣ. Уматривая въ разныхъ мѣстахъ лучшіе передъ своими обычаи и нравы, или предметы житейскаго быта, многое усваиваютъ себѣ, чтобы въ своемъ селѣ казаться выше другихъ и быть предметомъ подражанія. Остальные же крестьяне тоже по ремесленному занятію, живя на торговую ногу и подражая торговцамъ, согласуются съ ними; а отъ того и вообще быть крестьянъ представляется изящнѣе, возвышеннѣе не только предъ жителями русскихъ селеній, но и малороссійскихъ слободъ, а именно: дома у большей части изъ нихъ отстроены просторныя, красивой отдѣлки, съ окнами большого размѣра, покрытыя камышемъ, или соломой подъ гребенку. Внутри комнаты содержатся въ чистотѣ, украшаются многими иконами, довольно искусной живописи. У болѣе состоятельныхъ есть стулья и столы, а у другихъ скамьи и одинъ большой столъ, всегда покрытый клеенкою съ изображеніемъ винограда яблочъ и другихъ яствъ. У первыхъ также имѣются самовары и чайныя и столовыя приборы, есть также чарочки и стаканы серебряныя...

„Одѣваются ольшанскіе крестьяне также чище и красивѣе, особенно ихъ жены. Мужчины носятъ верхнюю одежду изъ тон-

каго сукна, плиса, нанки. Женщины одѣваются хотя по малоросски, но очень изящно: на головахъ носятъ очки красивой формы, золотшвейные или парчевые, платки шелковые; шейное украшеніе состоитъ изъ многихъ серебрянныхъ крестовъ; коралловыхъ и янтарныхъ монистъ и серебрянныхъ цѣпочекъ; верхнее платье носятъ изъ сукна, плиса, нанки, и все шьется въ красивой формѣ. Пища употребляется *умищенная* (?). Чистота и вкусъ, съ которыми ова готовится, изобрѣтательность, съ которою изъ однихъ и тѣхъ же предметовъ готовятся разные блюда—все это составляетъ неотъемлемое достоинство малороссянокъ вообще, а при довольствѣ въ средствахъ, малороссянокъ Ольшанки въ особенности“ (loc. cit. 209).

Выше, въ своемъ введеніи къ настоящему сборнику, мы уже говорили о тѣхъ общихъ практическихъ мѣрахъ, которыя слѣдовало бы предпринять для оказанія помощи нашему кустарю, въ виду его собственной безпомощности и несостоятельности. Сторонняя помощь нужна, конечно, далеко не каждому роду кустарей въ одинаковой степени, а нѣкоторые виды промышленности, вродѣ, напр., кирпичнаго или трубочнаго производства, даже и совсѣмъ исключаютъ всякую возможность такой помощи,—первое потому, что оно не имѣетъ строгой экономической организаци и, главное, не локализовано въ одномъ какомъ-нибудь мѣстѣ; второе же — потому, что въ настоящее время потеряло подъ собой всякую почву и уже не можетъ существовать болѣе въ силу извѣстныхъ социальныхъ или, лучше сказать, административныхъ условий. Что же касается до только что описаннаго нами кожевенно-сапожнаго промысла, то оно, несомнѣнно, принадлежитъ къ категоріи производствъ наиболѣе нуждающихся въ сторонней помощи и поддержкѣ, уже потому одному, что контингентъ промышленниковъ этого рода весьма значителенъ, и при томъ они представляютъ, вопреки краснорѣчивому описанію ихъ быта свящ. Левитскимъ, —наименѣе обезпеченный классъ мѣстнаго населенія, въ виду того, что громадное большинство ихъ принадлежитъ къ категоріи безлошадныхъ домохозяевъ и вслѣдствіе этого не можетъ заниматься землѣдѣіемъ, которое, какъ извѣстно, со-

ставляетъ въ Курской губ. главный источникъ дохода крестьянскаго населенія, главный базисъ его экономического благосостоянія.—Помощь со стороны единичныхъ личностей, уже по самому существу своему не могущая быть особенно значительной, въ данномъ случаѣ не повела бы ни къ чему, потому что здѣсь требуется помощь не копѣчная и, главное, не столько денежная, сколько нравственная и организаціонная. За это дѣло можетъ взяться только или правительство, или — всего лучше — мѣстное земство, которое въ глазахъ крестьянъ пользуется почти такимъ же авторитетомъ, какъ и правительство, и, находясь въ непосредственномъ отношеніи къ народу, хорошо знаетъ все „пользы и нужды“ своего края.

Первое, что требуется нашему сапожнику-кустарю, и въ чемъ должны оказать ему помощь, это — помочь ему выбратъся на самостоятельную дорогу, сдѣлаться совершенно независимымъ отъ разныхъ „хозяевъ-предпринимателей“ и скупщиковъ, эксплуатирующихъ его трудъ въ свою пользу и оплачивающихъ его работу слишкомъ низко. Исторія, какъ мы уже видѣли, сдѣлала часть этого дѣла, уничтоживши значительное число крупныхъ хозяевъ-скупщиковъ и увеличивши контингентъ самостоятельныхъ, семейныхъ производителей. Около 3000 чел. уже получили возможность заниматься производствомъ самостоятельно, и если, какъ оказывается по ихъ собственнымъ отзывамъ, ихъ экономическое положеніе не сдѣлалось отъ этого лучше, то во всякомъ случаѣ въ этомъ виновата не самая форма организаци, къ которой они перешли, а совсѣмъ другія условия, какъ-то: несовершенство техники производства и собственное безсиліе улучшить ее, отсутствіе собственнаго оборотнаго капитала etc.; но, по крайнемѣрѣ, теперь рабочій чувствуетъ себя болѣе свободнымъ и независимымъ, что несомнѣнно возвышаетъ его въ нравственномъ и умственномъ отношеніи, и даетъ ему болѣе возможности, при благопріятныхъ условияхъ, развить свою технику и, кромѣ того, дѣлаетъ его болѣе способнымъ къ воспріятію улучшенныхъ формъ производства. Теперь

остаётся позаботиться только, чтобы и остальные 1000 чел., работающих покаместъ еще *на другихъ*, перешли къ самостоятельному производству и сдѣлались сами независимыми хозяевами. Наряду съ этимъ, слѣдуетъ позаботиться о поднятіи общаго благосостоянія кустарей, которые, вслѣдствіе вышеуказанныхъ причинъ, за послѣдніе годы, нерѣдко бывають вынуждены прямо таки бросать свое производство и уходить на заработки на сторону.

Вообще всё мѣры, которыя должны быть предприняты для поддержки нашего здѣшняго сапожника-кустара, сводятся къ слѣдующему:

1) *Организация дешеваго кредита*, — для доставленія ему возможности обзавестись собственнымъ оборотнымъ капиталомъ и для охраненія его отъ безцеремонной эксплуатаціи разныхъ „частныхъ лицъ“, дающихъ ему денегъ въ займы для оборота на слишкомъ тяжелыхъ условіяхъ.

2) *Устройство сырьевыхъ и товарныхъ складовъ на мѣстахъ производства*, — чтобы дать возможность кустарю получать сырой матеріалъ и сбывать обработанный товаръ самостоятельно, безъ помощи крупныхъ скупщиковъ, и что бы гарантировать его отъ временныхъ застоевъ и случайностей рынка. Устройство такихъ складовъ несомнѣнно повлекло бы за собою поднятіе производства вообще и въ частности — улучшение качества продуктовъ сапожнаго труда, такъ какъ въ этомъ случаѣ, съ одной стороны, рабочій-одиночка могъ бы покупать сырьё гораздо дешевле, и при томъ лучшаго качества, чѣмъ въ настоящее время, съ другой — ему бы доставалась цѣликомъ вся выгода производства, значительная часть которой въ настоящее время прилипасть къ рукамъ разныхъ скупщиковъ, которые принимаютъ на себя роль посредниковъ между производителями и потребителями, — разумѣется, не изъ какихъ-нибудь безкорыстныхъ видовъ. При такихъ условіяхъ, производителю не изъ-за чего было бы такъ торопиться въ своей работѣ, какъ это мы видимъ теперь; онъ могъ бы вполне располагать своимъ временемъ и, вмѣсто 18 паръ наскоро-шитыхъ, со-

вершенно негодныхъ для носки сапогъ, могъ бы работать въ недѣлю всего двѣ — три пары, получая за это, при добросовѣстной работѣ, по меньшей мѣрѣ, столько же, сколько ему приходится теперь за 18 паръ. Не имѣя надобности спѣшить, рабочій, очевидно, сталъ бы шить лучше, чище и крѣпче, и это подняло бы цѣну на сапоги здѣшняго издѣлія на всѣхъ рынкахъ, такъ какъ тогда они цѣнились бы не „за одинъ только фасонъ и покрой“, но за дѣйствительную добротность. Такіе склады можно бы было устроить въ Великой Михайловкѣ, Борисовѣ и Миропольѣ, какъ трехъ наиболѣе крупныхъ центрахъ здѣшняго кожевенно-сапожнаго производства.

3) *Устройство артельныхъ кожевенныхъ мастерскихъ въ особыхъ, специально для того предназначенныхъ помѣщеніяхъ*. Здѣшніе производители при выдѣлкѣ кожъ, какъ зольникъ, такъ и дубильный чанъ ставятъ обыкновенно въ своихъ избахъ, гдѣ живутъ сами и гдѣ помѣщается все семейство, но такой порядокъ очень вредно отражается на здоровьи производителей и въ особенности на младшихъ членахъ ихъ семей — на малыхъ дѣтяхъ. Въ виду этого, особыя помѣщенія для кожевеннаго производства рѣшительно необходимы. Но мелкому кустарю было бы, конечно, не по силамъ одному устроить для себя особую избу для промысла. Даже въ Московской губерніи, гдѣ лѣсъ вдвое или втрое дешевле, чѣмъ въ нашихъ краяхъ, устройство такой избы обходится въ 150 рублей;* по нашимъ же мѣстамъ это обойдется во всякомъ случаѣ не менѣе, какъ 250—300 рублей. Въ виду этого, устройство кожевенныхъ мастерскихъ должно производиться, по нашему мнѣнію, на артельныхъ, складническихъ началахъ. При этомъ, во многихъ случаяхъ матеріальной помощи со стороны даже и не понадобится, потому что довольно значительная часть кустарей-сапожниковъ (напр., группы II и VI) могутъ сами внести свои паевыя доли въ это дѣло безъ всякаго затрудненія; кредитъ долженъ быть оказанъ только

*) Сборн. статист. свѣд. по Московской губ., т. VII, вып. III „Промыслы Моск. губ.“ стр. 124.

производителямъ бѣднымъ, не имѣющимъ собственнаго оборотнаго капитала. Самое же главное, что требуется сдѣлать—это убѣдить кустарей въ настоятельной необходимости такихъ мастерскихъ и принять на себя ихъ организацію, такъ какъ есть много причинъ, по которымъ можно сомнѣваться, чтобы кустари когда-нибудь сами взяли за это дѣло.

4) Устройство толченызъ „машинъ“ для измельченія дубовой коры, употребляющейся при выдѣлки кожи,—на такихъ же самыхъ началахъ, какъ и устройство специальныхъ помѣщений для промысла.

Кромѣ того, въ видахъ обезпеченія для кустаря постояннаго и прочнаго сбыта издѣлій, было бы въ высшей степени желательно, чтобы мѣстное уѣздное или губернское земство возбудило ходатайство предъ правительствомъ о томъ, чтобы наши слободскіе сапожники получали заказы на заготовку сапоговъ для арміи. Земство могло бы въ данномъ случаѣ явиться посредникомъ между интендантствомъ и производителями и даже, въ случаѣ надобности, поручиться за нихъ, внося соответственные залого. Такимъ путемъ можно бы было оказать громадную услугу нашимъ сапожникамъ; риска же при этомъ со стороны земства нѣтъ никакого, поручительство за кустарей ни въ какомъ случаѣ не можетъ нанести ему какого бы то ни было ущерба, такъ какъ производители наши лицомъ въ грязь себя во всякомъ разѣ не ударятъ. Намъ лично приходилось сравнивать ихъ издѣлія съ казенными сапогами, которые выдаются въ настоящее время солдатамъ, и смѣемъ увѣрить, что между гвоздевымъ, вытяжнымъ сапогомъ, который готовится въ Великой Михайловкѣ, и сапогомъ „казеннымъ“—существенной разницы нѣтъ никакой. Выдѣлка кожи на первомъ—нисколько не хуже, чѣмъ на казенномъ; что же касается качества работы, то преимущество въ этомъ случаѣ мы скорѣе отдали бы велико-михайловскому сапогу, чѣмъ казенному. На предстоящей выставкѣ, несомнѣнно будутъ фигурировать всѣ сорта сапоговъ, какіе только изготовляются нашими производителями, и

читатель самъ въ состояніи будетъ убѣдиться, на сколько хорошо можетъ работать слободской сапожникъ... Можно думать, что когда интенданство ознакомится съ качествомъ матеріала и работы здѣшнихъ производителей, то, вѣроятно, не найдетъ достаточныхъ причинъ не принять предложеніе земства, тѣмъ болѣе что наши слободскіе сапожники, сами выдѣлывающіе кожи и шьющіе сапоги, при гуртовой заготовкѣ, могутъ брать за сапоги дешевле, чѣмъ платить теперь интендантство—вмѣсто 6 руб.—5 руб. или даже 4 руб. 50 коп. Въ этомъ случаѣ даже и такая цѣна все-таки была бы для кустарей очень выгодна, потому что работа была бы у нихъ постоянно, и это избавляло бы ихъ отъ необходимости напаниваться въ батраки по сосѣднимъ экономіямъ или уходить Богъ знаетъ куда, на дальніе заработки...

III. Иконописный промыселъ *).

Не только въ центрахъ нашей умственной жизни—столицахъ, но даже и въ Курскѣ, вѣроятно, не многимъ извѣстно, что на югѣ нашей губерніи существуетъ уголокъ, гдѣ издавна свило себѣ гнѣздо иконное производство, издѣлія котораго успѣшно конкурируютъ съ кievскими, развозятся по всему югу Россіи и достигаютъ даже Болгаріи и Сербіи. А между тѣмъ это такъ. Въ сл. Борисовѣ, Грайворонскаго уѣзда мы находимъ иконописный промыселъ, начало котораго теряется въ неясныхъ очертаніяхъ прошлаго вѣка, и который занимаетъ въ настоящее время до 500 чел., живущихъ исключительно одной только кистью.

Существова издавна, промыселъ этотъ успѣлъ уже здѣсь прочно сьорганизоваться и даже пустилъ отъ себя нѣсколько вѣтвей побочныхъ производствъ, которыя выросли и развились здѣсь толь-

* Большая часть свѣдѣній по этому промыслу была собрана и сообщена намъ членомъ губернской земской управы Грайворонскаго уѣзда Ник. Серг. г. Ваиннымъ, за что мы приносимъ ему свою глубокую благодарность.

ко благодаря иконописному мастерству. Такихъ побочныхъ производствъ считается три:

- 1) Изготовленіе досокъ для иконъ;
- 2) Изготовленіе кіотовъ, въ которые вставляются образа;
- 3) Окончателная обдѣлка, или, какъ говорятъ крестьяне, „ображанье“ иконъ.

Сюда-же, собственно говоря, относится отвозка иконъ на дальніе рынки, которою занимаются жители окрестныхъ селеній Лисичанской, Грайворонской, Высоковской и др. прилегающихъ къ Борисовкѣ волостей.

Возникновеніе иконописнаго промысла въ сл. Борисовкѣ, по видимому, тѣсно связано съ началомъ Борисовскаго женскаго монастыря, основаннаго въ 1714 году, извѣстнымъ сподвижникомъ Петра I, гр. Бор. Петр. Шереметевымъ, въ память Полтавской побѣды надъ шведами *). Когда построены были здѣсь двѣ церкви — одна во имя Тихвинской Божіей Матери (1714 г.) и другая во имя Преображенія Господня (1719 г.), — то понадобилось для стѣннаго и иконнаго писанія пригласить сюда мастеровъ-живописцевъ, которые и были высланы владѣльцемъ изъ Петербурга. Первый живописецъ, присланный сюда, былъ нѣкто Игнатъевъ, котораго мѣстное народное преданіе называетъ также Омеляненко. Кто онъ былъ такой и откуда — преданіе этого не разъясняетъ; но судя по первой его фамиліи, можно догадываться, что онъ былъ изъ великороссіи; вторая же его фамилія есть, вѣроятно, простая передѣлка на малорусскій ладъ его имени, или отчества. Игнатъевъ присланъ былъ сюда съ двойною цѣлью: для исполненія иконописныхъ работъ въ монастырскихъ храмахъ и для обученія мѣстныхъ Борисовскихъ жителей своему мастерству. Преданіе не говоритъ далѣе, какъ шло и развивалось здѣсь иконописное дѣло на первыхъ порахъ своего существованія, но нѣкоторыя обстоя-

*) Историч. описаніе Борисовской Тихвинской дѣвичьей пустыни, арх. Леонид. М. 1872 г.; см. также ст. „Домикъ Петра Великаго“, въ „Историч. Вѣсти.“, 1885 г., № 6.

тельства даютъ поводъ думать, что, вслѣдствіе своей выгодности, оно скоро привилось къ мѣстному населенію и въ первое же время пустило здѣсь прочныя корни. На это указываетъ, напр., то обстоятельство, что извѣстный въ исторіи церковной живописи художникъ Боровиковскій, покончившій свою художественную карьеру въ ссылкѣ въ одномъ изъ глухихъ монастырей за участіе въ сектѣ Татариновой, — первоначально (до 1780 г.) учился живописи въ сл. Борисовкѣ *). Въ рассказѣ Квитки-Основьяненка, — „Козьма Трохимовичъ“, написанномъ въ самомъ началѣ текущаго столѣтія, живописецъ Кузьма, такъ мастерски изобразившій „Попову кобылу“ и „Солдатскій портретъ“, названъ жителемъ сл. Борисовки, въ которой „еще наилучшы богомазы, иконописцы и усякы маляри“...

Такимъ образомъ ясно, что уже къ концу прошлаго столѣтія и началу текущаго иконописный промыселъ былъ достаточно развитъ въ Борисовкѣ и организованъ на прочныхъ началахъ. Развитію промысла не мало способствовало еще и то обстоятельство, что сл. Борисовка населилась прізывными разноплеменными семьями, „по наклику“, на льготныхъ условіяхъ, вслѣдствіе чего (надъ нею никогда не тяготѣло крѣпостное право въ тѣхъ тяжелыхъ, порою даже невыносимыхъ формахъ, въ какихъ оно отливало въ другихъ мѣстахъ); ея насельники, по крайней мѣрѣ, пользовались полной свободой при выборѣ себѣ той или другой дѣятельности. Обязаннне графской фамиліи однимъ только денежнымъ оброкомъ, сравнительно очень низкимъ, они уже не знали никакихъ другихъ повинностей по отношенію къ барину, и внося исправно ежегодныя подати, могли по цѣлымъ годамъ не видѣть „коменданта“ (такъ назывались прежде управляющіе графскимъ имѣніемъ въ Борисовкѣ) и чувствовать себя совершенно независимыми. Какъ это ни странно, но Борисовцы совершенно правы, говоря, что „въ крѣпяхъ имъ жилось лучше, чѣмъ теперь“. Не стѣсненные ничѣмъ въ своей дѣятельности, они тѣмъ не менѣе всегда, въ годину несчастія, могли найти опору въ той же сильной графской рукѣ, которой

*) Киевская Старина, 1884 г.

отдавали постоянно часть своего заработка. Во время голодовок, повальных падежей скота и т. под., они смѣло обращались за помощью къ владѣльцу или управляющему, и тотъ всегда удовлетворялъ ихъ просьбамъ и давалъ имъ все необходимое. Нерѣдко случалось даже, что баринъ давалъ живописцамъ „на поправку“ изъ своего лѣса деревьевъ для иконъ или для хатъ. Теперь же, когда „порвалась цѣпь великая“, связывавшая интересы барина съ интересами крестьянъ, борисовцы почувствовали себя несравненно хуже прежняго, потому что не стало у нихъ прочной опоры, въ лицѣ барина, и утративши ее, борисовцы не приобрѣли для себя взамѣнъ этого рѣшительно ничего другаго, потому что главное благо, которое даровано было помѣщичьимъ крестьянамъ манифестомъ 19 февраля, у нихъ и безъ того было почти во всей своей полнотѣ и во время крѣпостнаго права. Значить, крестьянская реформа внесла въ ихъ жизнь, съ точки зрѣнія экономической, скорѣе минусъ, чѣмъ какую-нибудь положительную величину. Для другой стороны жизни—стороны нравственной и умственной реформа эта также имѣла, по видимому, отрицательное значеніе. Въ теченіе послѣднихъ трехъ десятилѣтій существованія крѣпостнаго права, изъ среды борисовцевъ вышло нѣсколько замѣчательныхъ личностей, имена которыхъ извѣстны далеко за предѣлами Борисовки и даже Курской губ. Положимъ, въ этомъ дѣлѣ главную роль игралъ скорѣе случай, чѣмъ сознательное участіе тѣхъ людей, въ рукахъ которыхъ въ тѣ времена находились судьбы Борисовки. Обстоятельства были таковы: графы Шереметевы издавна завели у себя въ Петербургѣ хоръ пѣвчихъ, въ который набирали мальчиковъ изъ своихъ имѣній, преимущественно же изъ Борисовки, которая всегда славилась хорошими голосами. Изъ этихъ мальчиковъ наиболѣе талантливые нерѣдко пробивали себѣ широкій путь къ извѣстности. Таковъ, напр., извѣстный композиторъ и регентъ придворной капеллы Ломакинъ и піанистъ Игнатьевъ. Нѣкоторые изъ этихъ пѣвчихъ, когда спадаль у нихъ голосъ, постунали по призыванію въ академію художествъ и здѣсь съ успѣхомъ оканчивали

курсъ. Владѣльцы—нужно имъ отдать въ этомъ справедливость—не стѣсняли въ этомъ отношеніи своихъ крестьянъ и не требовали съ нихъ выкупа, какъ это практиковалось обыкновенно тогда (см. ст. Лѣтковой—Крѣпостная интеллигенція, въ „Отечеств. Зап.“, 1882 г.). Изъ такихъ борисовцевъ, кончившихъ курсъ въ академіи художествъ по отдѣлу живописи, назовемъ Игнатьева, Гавенко и Хвостенко. Всѣ названныя здѣсь нами имена относятся, повторяемъ, къ послѣднему 30-лѣтнему періоду существованія крѣпостнаго права, къ 30—60 годамъ настоящаго столѣтія. Если сравнить въ этомъ отношеніи съ указаннымъ періодомъ послѣднее 25-лѣтіе переживаемое теперь нами, то выводъ окажется далеко не въ пользу его, такъ какъ за послѣдніе 25 лѣтъ только одинъ борисовецъ побывалъ въ академіи художествъ, это—А. Г. Сидоренко, да и тотъ пробылъ въ ней лишь самое короткое время—всего, кажется, 3—4 мѣсяца, по прошествіи которыхъ принужденъ былъ выйти оттуда по недостатку денежныхъ средствъ.

Такимъ образомъ, отмена крѣпостнаго права была первымъ ударомъ, который нанесла иконописному промыслу исторія. Вторымъ ударомъ для него, ударомъ еще болѣе сильнымъ и чувствительнымъ, было проведеніе желѣзныхъ дорогъ, которые, съ одной стороны, понизили стоимость издѣлій на мѣстныхъ и южныхъ рынкахъ, съ другой—уничтожая лѣса и способствуя тѣмъ ихъ вздорожанію, увеличили стоимость производства. Слѣдствіемъ этого было то, что (промыселъ началъ) такъ сказать, „размѣниваться на мелкіе“ и демократизироваться. Въ прежнее время иконописное производство было удѣломъ лишь немногихъ, болѣе зажиточныхъ дворовъ, которые, изготовляя иконы, сами же на своихъ лошадяхъ и отвозили ихъ на чужіе рынки. Г. Ванингъ, доставившій намъ свѣдѣнія объ этомъ производствѣ, говоритъ, что „прежде живописцевъ было *въ 20 разъ меньше, чѣмъ теперь*“. Но отъ увеличенія контингента производителей, замѣчающагося въ настоящее время, производство нисколько не выиграло, ни со стороны матеріальной, ни технической. Напротивъ, какъ въ томъ, такъ и въ

другомъ отношеніи въ промыслѣ обнаружился рѣшительный регрессъ. „Существовавшая тогда $\frac{1}{20}$ часть, пишетъ г. Ванинъ, въ качественномъ отношеніи была гораздо полезнѣе для достоинства этого промысла теперешнихъ $\frac{19}{20}$, потому что эта двадцатая часть, въ цѣлой массѣ своей, состояла изъ людей надлежащей ответственности, грамотныхъ, достаточно знакомыхъ съ церковными службами, священнымъ писаніемъ и житіями святыхъ отцовъ. Они хорошо владѣли кистью при художественномъ выполненіи живописныхъ работъ и писали исключительно красочныя иконы, чрезъ что работы выигрывали въ цѣнности и трудъ живописцевъ вознаграждался хорошо“...

„Въ настоящее же время въ средѣ живописцевъ, неразборчиво стремящихся къ тому лишь, чтобы заработать себѣ на хлѣбъ, есть уже совсѣмъ безграмотные, которые, написавъ какую либо икону, отправляются къ грамотному промышленнику подписать имя изображеннаго ими на доскѣ святаго; грамотные же нисколько не знакомы съ литературою по живописи и замѣтнымъ образомъ падаетъ знаніе церковной исторіи и житія святыхъ; вслѣдствіе этого, производство въ техническомъ отношеніи не только не прогрессируетъ, но быстро идетъ назадъ“... Хорошихъ живописцевъ-красочниковъ, въ Борисовкѣ въ настоящее время не много — всего 4 человека: Г. А. Сидоренко, А. Г. Сидоренко, Т. Д. Ткаченко и А. А. Кульгута. Эти живописцы могутъ писать не только простые красочныя образа, но берутся и за иконостасную работу. Остальные же всѣ въ большинствѣ случаевъ дальше „личкушества“ нейдутъ.

Упадку производства не мало способствовало также и то обстоятельство, что за послѣдніе годы (на южныхъ рынкахъ), куда главнымъ образомъ идутъ издѣлія здѣшнихъ кустарей, спросъ на хорошія и дорогія красочныя иконы почти совсѣмъ уничтожился и, на оборотъ, въ значительной степени повысился спросъ на иконы въ кіотахъ, т. е. на плохія по своему внутреннему достоинству, но блестящія по вѣшной фольговой отдѣлкѣ, издѣлія личкуновъ —

„мазуновъ“ какъ прониически называютъ ихъ хорошіе живописцы красочники и иконостасники. Отчего произошло это повсемѣстное пониженіе спроса на красочныя иконы — опредѣлить трудно, но можно думать, что при этомъ не послѣднюю роль играли причины экономическія. Общее пониженіе экономического уровня, замѣчаемое за послѣдніе годы повсемѣстно, заставило крестьянъ обращать вниманіе на каждую копейку, выгадывать лишній грошъ даже на „Божьемъ благословеніи“ (такъ наз. здѣсь иконы); лишній двугривенный или полтинникъ, который тратилъ прежде крестьянинъ на красочныя образа, теперь онъ старается сэкономить, удерживать у себя въ карманѣ, и нарочито по мѣрѣ возможности купить икону подешевле: „хочь лопата — абы свято“, говоритъ онъ. Образа кіотные какъ нельзя лучше отвѣчаютъ этому требованію, потому что, при всемъ своемъ несовершенствѣ въ рисунокѣ, они все таки образа „свято“, и при томъ очень дешевы, — чего же еще больше?

Всѣхъ иконописцевъ въ сл. Борисовкѣ считается въ настоящее время около 500 чел., въ томъ числѣ до 40 чел. учениковъ разнаго возраста отъ 12 — 18 лѣтъ.

Особыхъ помѣщеній для промысла ни у кого изъ мастеровъ нѣтъ, каждый живописецъ работаетъ въ своей жилой хатѣ, гдѣ имѣетъ съ тѣмъ помѣщается и все его семейство.

Инструменты, необходимыя для живописца, довольно разнообразны:

1) *Мольбертъ* — треножникъ, на который ставится икона, когда ее пишутъ; стоимость его 1 руб., дѣлается мѣстными столлярами.

2) *Муштабель* — тонкая палочка, которою поддерживается рука съ кистью во время работы; цѣна, по заказу у столляровъ, — 20 коп.

3) *Кисти* — большею частію приготовляются самими живописцами изъ хвостовъ бѣлокъ, кошекъ и проч.; въ покункѣ стоить не дороже 50 к. за дюжину.

4) *Щетки*, которыми живописцы ступеньвают наложенныя на икону краски, чтобы небыло отдѣльныхъ грубыхъ тоновъ; дѣлаются изъ щетины отчего и получили свое названіе; покупаются въ мѣстныхъ Борисовскихъ лавкахъ по 2 р. 50 коп. за дюжину; впрочемъ, производители дѣлаютъ ихъ большею частію сами.

5) *Флейцъ*—мягкая пушистая вѣсть, преимущественно изъ барсуковой шерсти; употребляется для сглаживанія на написанной иконѣ слѣдовъ „мазка“, т. е. той кисти при помощи которой пишется икона; цѣна 1 р. за штуку; берутъ въ мѣстныхъ лавкахъ.

6) *Шпадель*—тонкая роговая пластинка, конусообразной формы, служащая для смѣшиванія красокъ и составленія изъ нихъ нужнаго колера; стоитъ 20 коп. шт.

7) *Палитра*—тонкая деревянная дощечка, на которой живописцы во время работы раскладываютъ краски, цѣна 50 коп.; дѣлается мѣстными столярами.

8) *Фонтисель*—небольшой деревянный ящикъ раздѣленный на двѣ половины, въ одной изъ нихъ наливается конопляное масло, а въ другую обыкновенно счищаютъ съ палитры краски; цѣна 10 коп.; готовится столярами по заказу.

9) *Камень*—гладкая отполированная каменная плита, по большей части изъ простаго булыжника, служащая для растиранія красокъ, такъ какъ послѣднія покупаются въ сухомъ видѣ и при томъ дешевыхъ сортовъ и плохаго качества; о высшихъ же сортахъ, химически приготовленныхъ и продающихся готовыми прямо въ флаконахъ, рѣдкіе изъ живописцевъ имѣютъ понятіе; цѣна плиты 1 р.

10) *Курайтъ*—кусокъ обдѣланнаго камня, которымъ на плитѣ растираютъ краски; цѣна 20 к.

Полный ассортиментъ инструментовъ, употребляющихся живописцемъ, своею стоимостью не превышаетъ 7 руб. Ежегодный ремонтъ ихъ обходится въ 2 рубля.

Главнымъ матеріаломъ производства служатъ доски, краски, олифа и сусальное золото.

Доски, употребляемыя живописцами дѣлаются изъ липы, ольхи или кипариса. Послѣдній впрочемъ употребляется рѣдко, такъ какъ онъ очень дорогъ (10—15 коп. фунтъ); иконы пишутся на немъ только въ исключительныхъ случаяхъ, по особымъ заказамъ. Ольха употребляется также рѣдко потому что она очень „тверда“, какъ говорятъ живописцы, и плохо держитъ грунтовку, по которой пишутся изображенія; больше всего идетъ липа, какъ дерево мягкое и прочно удерживающее грунтовку. Осина, повидимому, также съ успѣхомъ могла бы быть примѣнена къ производству, потому что, по своимъ свойствамъ, она какъ нельзя лучше подходитъ для этого, но здѣшніе мастера не пишутъ на ней иконъ, боясь грѣха, такъ какъ осина, по понятіямъ народа,—дерево нечистое; на немъ, какъ говорятъ, Іуда удавился; по этому, дескать, иконы писать на осинѣ не подобаетъ.

Доски для иконъ изготовляются особыми столярами—„дощечниками“, которые, занимаясь исключительно производствомъ досокъ, составляютъ особую вѣтвь иконописнаго промысла. Всѣхъ дощечниковъ въ Борисовкѣ насчитывается до 100 чел. Матеріалъ производства, дерево, они покупаютъ здѣсь же, въ Борисовкѣ, на базарахъ, у крестьянъ, или въ мѣстныхъ лѣсныхъ складахъ. Цѣлое липовое дерево, 7 арш. въ длину и 10—12 вершковъ въ діаметрѣ, стоятъ въ покупкѣ отъ 10—12 руб., вершковая (въ толщину) доска, 7 арш. въ длину и 5—6 верш. въ шир.—отъ 1—2 р. По размѣру своему, доски, приготовляемыя ими, бываютъ 6 сортовъ: самыя малыя изъ нихъ въ 4—5 кв. вершка, самыя большія—16 верш.; по качеству же онѣ раздѣляются на два сорта: „личковья“ и „красочныя“. Первыя идутъ только на иконы съ кіотами и ризами; приготовляются онѣ силошъ да рядомъ не изъ липы, а изъ ольхи и при томъ въ высшей степени небрежно, скобелемъ не гладятся, циркулемъ не размѣриваются и шпуговъ сзади на нихъ не

вставляется, влѣдствіе чего доски выходятъ зачастую кривыми и, постоявши нѣкоторое время въ сухой комнатѣ, коробятся; но въ иконахъ кривизна эта сходитъ незамѣтно. Цѣна на такія доски по 10—90 коп. за десятокъ. Доски „красочныя“ для иконъ безкривыхъ, наоборотъ, всегда отдѣлываются мастерами очень тщательно, гладко выстрогиваются и имѣютъ назади непременно по два шпуга; по этому и цѣна на нихъ гораздо выше чѣмъ на личковыя. Наибольше употребляющіяся полуаршинныя доски такого размѣра стоятъ обыкновенно 1 р. 20—1 р. 70 коп. за десятокъ. Производители продаютъ свои доски мастерамъ иконописцамъ и отчасти на мѣстномъ базарѣ окрестнымъ крестьянамъ. Заработокъ каждого производителя въ годъ отъ 60—90 руб. Общая сумма ихъ производства составляетъ 13,100 рублей. Организация промысла—мелкая, строго-кустарная. Каждый производитель работаетъ исключительно на себя.

Иконы, изготовляемыя живописцами для продажи всегда пишутся ими на своихъ доскахъ, которыя покупаются по мелочамъ у столяровъ; если же работа производится по заказу, то доски доставляются имъ отъ заказчиковъ.

Краски, употребляемыя при производствѣ, покупаются кустарями у мѣстныхъ торговцевъ, которые привозятъ ихъ сюда изъ Харькова и Москвы. Наибольше употребительныя краски: *охра*, *умбра*, *киноварь*, *карминъ*, *бѣлила*, *лазорь*, и *баканъ*; эти краски можно найти у каждого живописца. У мастеровъ же первой руки, которые работаютъ высшіе сорта иконъ, всѣхъ сортовъ красокъ бываетъ до 50. Обыкновенныя краски стоятъ очень дешево и расходу на нихъ со стороны производителей весьма незначительны. Охра, напр., стоитъ 20 коп. фунтъ, умбра—20 коп. фунтъ, карминъ—20 коп. золотникъ, киноварь—2 р. 50 коп. фунтъ, лазурь—2 р. фунтъ, бѣлила—25 коп. фунтъ.

Олифой называется смѣсь изъ варенаго коноплянаго масла и бѣлилъ; ею смазываютъ вмѣсто лака готовые образа. Приготов-

ляется эта смѣсь самими производителями, или же покупается готовою въ мѣстныхъ лавкахъ.

Сусальное золото—употребляется только для красочныхъ иконъ, безъ ризъ; имъ наводятся вѣнцы у святыхъ, изображаемыхъ на иконѣ. Покупается оно книжками въ мѣстныхъ лавкахъ—отъ 70 коп. до 3 руб. за книжку.

Кромѣ того, при первоначальной грунтовкѣ иконы, употребляется еще *простой клей* и *мѣлъ*.

При производствѣ иконная доска сначала грунтуется, для чего готовится особая смѣсь изъ клею и мѣлу, которою доска намазывается раза два или три сряду. При этомъ, если икона красочная, то грунтуется вся площадь доски, если же „личковая“—грунтуютъ только тѣ мѣста, гдѣ должны быть написаны: руки, голова и ноги, которыя, при „обряжаньи“ иконъ, „ризой“ не закрываются. Когда грунтовка просохнетъ, ее полируютъ, соскребывая ножомъ неровности, какія могли образоваться на ней и чуть-чуть поливая ее водой, или хлѣбнымъ квасомъ. Затѣмъ доска ставится на мольбертъ и начинается самая работа. Оригинальности въ работѣ иконописцевъ, разумѣется, никакой быть не можетъ, потому что всѣ иконы пишутся по извѣстнымъ, издавна установившимся образцамъ. Въ рисунокѣ иконы мастера руководствуются изображеніями, находящимися въ святцахъ, четыминеяхъ и книгѣ называемой „Подлинникомъ“, которая начинается полнымъ алфавитнымъ перечнемъ всѣхъ святыхъ и въ которой можно найти объясненія (наружности) всѣхъ святыхъ. Такъ, напр., про Николая Чудотворца тамъ сказано: „сѣдъ, брада не велика, курчавать, плѣшивъ, риза багоръ, въ лѣвой рукѣ евангеліе, правую—благословляетъ“.

Иконы бываютъ, какъ мы уже упоминали выше, двухъ родовъ: личковыя и красочныя; соотвѣтственно этому и живописцы раздѣляются на двѣ категоріи: *личковны*, которые пишутъ только одни лики и руки, и *красочники*, пишущіе полныя изображенія.

Личкунство—работа не трудная. Написать лицо и руки такъ, какъ это принято для кѣтныхъ образовъ способенъ, всякій; для этого нужно только взять нѣсколько уроковъ у мастера-живописца. Вслѣдствіе этой легкости личкунской работы, личкуновъ и появилось здѣсь такъ много за послѣдніе 10—15 лѣтъ, съ тѣхъ поръ, какъ пошла простая, „мазаная“, кѣтная икона. Работа красочника, который долженъ написать все изображеніе святаго, во всѣхъ деталяхъ, разумѣется, гораздо труднѣе личкунской, поэтому и цѣна на нее несравненно выше.

Красочниковъ гораздо меньше, чѣмъ личкуновъ. Изъ общаго количества всѣхъ иконописцевъ—500 чел., ихъ считается всего 50 чел., остальные же всѣ, кромѣ 40 чел. учениковъ,—личкуны.

Производимые кустарями сорта иконъ стоятъ, несомнѣнно, въ зависимости отъ рыночнаго спроса, который управляется въ свою очередь личными взглядами и вкусами потребителей. Самыя распространенныя иконы, имѣющія наибольшій спросъ на мѣстныхъ рынкахъ, гдѣ производится сбытъ иконописныхъ издѣлій: Спаситель и Божія Матерь, употребляющіеся для благословенія новобрачныхъ; затѣмъ—дванадцатые праздники, Николай Чудотворецъ, считающійся среди крестьянъ защитникомъ и покровителемъ во всѣхъ бѣдахъ и напастяхъ; Тихвинская Божія Матерь, имѣющая большое распространеніе среди мѣстнаго населенія сл. Борисовки и вообще по всему Грайворонскому уѣзду, какъ особая покровительница здѣшняго края, потому что въ Борисовскомъ монастырѣ находится ея чудотворный образъ, поставленный здѣсь основателемъ обители гр. Б. П. Шереметевымъ; далѣе слѣдуютъ—св. Харлампій, и св. Власій, считающійся покровителемъ скота и защитникомъ его отъ чумныхъ повѣтрій и др. эпизоотій и потому особенно чтимый крестьянами, у которыхъ, какъ извѣстно, скотъ составляетъ главное богатство. За послѣднее время особенно сильный спросъ сталъ обнаруживаться на икону Козельщанской Божіей Матери, явившейся недавно неподалеку отсюда, въ емѣни гр. Капниста, въ сл. Ко-

зельщинѣ, въ Харьковской губ. Всѣ другіе святые пишутся въ значительно меньшемъ количествѣ, чѣмъ указанные.

Скорость работы производителей зависитъ всецѣло отъ числа ликовъ, на образѣ. Образъ—*одинокую* или *одинарный*, т. е. съ однимъ ликомъ, живописецъ красочникъ можетъ написать всего лишь одинъ за день работы; личкунъ же готовитъ обыкновенно въ теченіе дня такихъ иконъ 3—4, даже 5 штукъ. Есть впрочемъ среди послѣднихъ такіе артисты, которые пишутъ въ день по 15—20 штукъ одинарныхъ образовъ, но такихъ мастеровъ очень мало, да и работа ихъ выходитъ уже настолько груба, прямо—безобразна, что ею оскорбляется даже глазъ не особенно прихотливаго въ этомъ отношеніи и падкаго на дешевку крестьянина-потребителя, такъ какъ даже и онъ обходитъ такія издѣлія и беретъ ихъ только развѣ въ случаѣ самой крайней нужды, за неимѣніемъ лучшихъ. Самой сложной и трудной по исполненію иконой считается между живописцами изображеніе дванадцатыхъ праздниковъ и икона Покрова Пресвятой Богородицы, гдѣ приходится изображать очень много ликовъ. Красочникъ исполняетъ такую икону обыкновенно не менѣе какъ въ 4—5 дней, личкунъ—въ 1½—3 дня.

Такимъ образомъ, считывая въ общей сложности, найдемъ, что каждый иконописецъ-личкунъ въ недѣлю, т. е. въ 6 рабочихъ дней, приготовляетъ отъ 18—25 шт. образовъ, красочникъ же—отъ 4—7 шт.; въ теченіе же года личкунъ можетъ приготовить около 750 штукъ, красочникъ—до 175 штукъ. Всѣ же вмѣстѣ личкуны производятъ въ теченіе года—до 307,000 шт., красочники же—8750, а всѣ вмѣстѣ—315,750 штукъ. *для справки до 100 т.*

Иконописное производство принадлежитъ, несомнѣнно, къ числу мелкихъ кустарныхъ производствъ, потому что производители, по большей части, ведутъ работу самостоятельно, своими силами и сами отъ себя, и очень рѣдко нанимаютъ работниковъ (по 1—2 чел.), большихъ же мастерскихъ нѣтъ ни у кого. Въ среднемъ, на каждую семью, занимающуюся иконописнымъ промысломъ при-

ходится всего 1,8 работников-иконописцевъ. Въ виду такой постановки дѣла раздѣленіе труда въ производствѣ, столь развитое въ знаменитыхъ холуйскомъ и палеховскомъ иконописныхъ районахъ (Владимірской губ.), здѣсь совершенно отсутствуетъ.

Въ противоположность иконописцамъ Богородскаго района, Московской губ., нанимающихъ рабочихъ для промысла сдѣльно, *) въ Борисовкѣ наемъ рабочихъ обыкновенно производится по-годно, по-сезонно или по-мѣсячно. Личкунъ, мастеръ средней руки, получаетъ въ годъ отъ 120—150 р., въ зиму—отъ 70—80 р., въ мѣсяць—отъ 10—15 р.; мастеръ плохенькій, еще не привыкшій къ мастерству, получаетъ въ мѣсяць отъ 5—8 р. При этомъ необходимо замѣтить, что мастеръ, при наймѣ къ „хозяйну“, цѣнится не по достоинству работы,—это въ расчетъ не принимается, такъ какъ предполагается уже, что всѣ личкуны работаютъ одинаково хорошо, или, лучше сказать, одинаково плохо,—а по успѣху кисти, по количеству ликовъ и ручекъ, которое мастеръ въ состояніи написать въ 1 день. Живописецъ-красочникъ при наймѣ, разумеется, получаетъ плату болѣе высокую, чѣмъ личкунъ—отъ 15—25 руб. въ мѣсяць, такъ какъ въ данномъ случаѣ принимается уже во вниманіе и качество работы, а не только одно количество. Харчи у наемнаго рабочаго—всегда отъ хозяина. Живетъ онъ также вмѣстѣ съ хозяиномъ, въ его избѣ и спать ложится вмѣстѣ съ нимъ на одну и ту же лавку.

(Работаютъ живописцы борисовскіе) круглый годъ—всего, за исключеніемъ воскресеній и праздниковъ, около 240 дней въ теченіи года. Работа начинается обыкновенно съ 4 часовъ утра и продолжается, съ небольшими перерывами для завтрака и утренняго чая, обѣда и вечерняго чая—вилоть до ужина, который бываетъ обыкновенно въ 8 часовъ вечера и послѣ котораго тотчасъ же ложатся спать. Всего же работаютъ (по 13—15 часовъ въ сутки.)

*) Сборн. стат. свѣд. по Моск. губ. т. VII, вып. I. М. 1882 г. Пром. Московской губ., стр. 186.

Живописцы держатъ у себя учениковъ, которыхъ имъ отдаютъ здѣшніе же борисовскіе крестьяне. Всѣхъ учениковъ по нашей статистической переписи насчитано 40 человекъ. По свидѣтельству крестьянъ, количество ихъ съ каждымъ годомъ все увеличивается; нерѣдко въ ученики идутъ не только мальчики, но и подростки 17—18 лѣтъ. Происходитъ это потому, что мѣстное населеніе, увлекаясь видимой легкостію и сравнительной значительностію заработка иконописцевъ, предпочитаетъ этотъ промыселъ всѣмъ другимъ существующимъ здѣсь кустарнымъ производствамъ. Ученики есть какъ у личкуновъ, такъ и у красочниковъ. Къ личкунамъ учениковъ отдаютъ обыкновенно на 2—3 года.

Первый годъ мальчикъ харчи имѣетъ свои, на второй годъ хозяйскія; что же касается одежды и обуви, то она во все время обученія у мальчика должна быть своя. Первоначальные приемы ученія состоятъ въ томъ, что мальчика приучаютъ выводить на бумагѣ карандашемъ отдѣльныя части лица: глаза, уши, лобъ, носъ, губы и, наконецъ, уже какъ вѣнецъ всего—голову. У личкунскихъ учениковъ рисованіе на бумагѣ продолжается не болѣе 3 мѣсяцевъ, затѣмъ мальчикъ начинаетъ приучаться писать красками на доскѣ. Если же мальчика отдаютъ къ красочнику, то срокъ ученія бываетъ обыкновенно болѣе продолжительнымъ—до 4 и даже 5 лѣтъ. При этомъ первые два года харчи имѣетъ мальчикъ свои, а въ теченіе остальныхъ—хозяйскіе. Одежда и обувь также своя. Приемы обученія точно такіе же, какіе у личкуновъ, съ тою лишь разницею, что у красочника мальчикъ рисуетъ карандашомъ на бумагѣ въ теченіе цѣлаго года, такъ какъ въ этомъ случаѣ ему приходится уже изображать полную фигуру и при томъ въ различныхъ позахъ. Со втораго же года, мальчикъ садится за мольбертъ. Мальчикъ, поступающій въ обученіе къ красочнику, непременно долженъ быть грамотнымъ; у личкуновъ же этого не требуется, такъ какъ на иконахъ надписей никакихъ имъ дѣлать не приходится; поэтому значительная часть учениковъ у этихъ послѣднихъ грамоты не знаютъ. Обыкновенный возрастъ уче-

никовъ—12—14 лѣтъ. Не смотря на такой возрастъ, ученикъ, разъ онъ выучился писать красками на мольбертѣ, долженъ просиживать за работою, наравнѣ съ мастерами, по 13—15 часовъ въ сутки, что, несомнѣнно очень вредно отзывается на его молодомъ еще не успѣвшемъ развиться организмѣ. Оттого то всѣ иконописцы отличаются сравнительно низкимъ ростомъ, замѣчательной узкостію груди и нѣкоторой сгорбленностію. Проводя свои лучшіе годы въ мастерской за мольбертомъ въ сидячемъ, и при томъ еще нѣсколько согнутомъ положеніи, они не успѣваютъ развиться физически и производятъ впечатленіе какихъ-то худосочныхъ недоносковъ. Какой-нибудь бондарь или колесникъ, весь вѣкъ проводящій на свѣжемъ воздухѣ и постоянно дѣлающій сильныя движенія, въ сравненіи съ блѣднотлицыми, худыми и малокровными иконописцами, кажется положительнымъ атлетомъ.

Живописцы, какъ личкуны, такъ и красочники, работаютъ иконы только по заказу. При чемъ, къ красочникамъ эти заказы поступаютъ по большей части отъ крестьянъ сосѣднихъ деревень, или отъ городскихъ (бѣлгородскихъ, курскихъ, гравворонскихъ, харьковскихъ etc.) лавочниковъ. Личкуны же работаютъ главнымъ образомъ по заказамъ монахинь Тихвинскаго дѣвичьяго монастыря, находящагося въ сл. Борисовкѣ. Монахини обдѣлываютъ личковые иконы фольгой, вставляютъ ихъ въ кіоты подъ стекло, и въ такомъ видѣ пускаютъ въ продажу. Такихъ заказчицъ—монахинь считается здѣсь до 50 чел. Кромѣ того, сюда обыкновенно ежегодно пріѣзжаютъ съ заказами монахини изъ бѣлгородскаго монастыря и Николаевской пустыни, Харьковской губерніи. Въ прежнее время не мало также поступало заказовъ на личкунскую работу изъ воронежскаго женскаго монастыря, но въ настоящее время они уже почти совершенно прекратились. Кромѣ того, за послѣдніе 15 лѣтъ обдѣлкой личковыхъ образовъ стали заниматься мѣстные борисовскіе крестьянки... Впрочемъ относительно обдѣлки или какъ здѣсь говорятъ „обряжанья“ иконъ, равно какъ и о выдѣлкѣ кіотовъ для нихъ, мы еще будемъ говорить особо.

Обыкновенная цѣна образовъ, писанныхъ красками, на мѣсть:

6—вершковыя	. отъ 50—80 коп. за штуку.
7—вершк.	. . . „ 70—90 коп. „
8—вер.	. . . „ 1 р. 20 к. до 1 р. 50 к. за шт.
10—вер.	. . . „ 2 р. 50 к.
12—вер.	. . . „ 4 р. 50 к.
14—вер.	. . . „ 7 руб.
аршинныя	. . . „ 8—10 руб.

Цѣна на личкунскія издѣлія, въ покупкѣ ихъ „обряжалщиками“:

6—вершковыя	. отъ 7—10 коп. за штуку.
7—вершк.	. . . „ 15—20 коп.
8—вер.	. . . „ 25—30 коп.
10—вер.	. . . „ 40 коп.
12—вер.	. . . „ 80 коп.
14—вер.	. . . „ 1 р. и 1 р. 20 коп. за шт.
аршинныя	. . . „ 1 р. 50—1 р. 70 к.

Иконописцы жалуются, что за послѣднее пятилѣтіе цѣны на ихъ издѣлія значительно понизились. Такъ, прежде аршинная икона въ краскахъ стоила на заказъ 20 руб., теперь же цѣна на нее спустилась, какъ видимъ, до 10 и даже 8 рублей. Восемь-вершковыя иконы въ краскахъ, прежде работали по 16—18 р. за десятокъ, въ настоящее же время мастера рады радешеньки отдавать ихъ и по 12 р.; 6—вершковыя красочныя образа стоили прежде по 8—10 р. за десятокъ, теперь продаются всего по 50 к. за шт. Личковыя 8—вершковыя изображенія 7 лѣтъ тому назадъ работали по 4 руб. за десятокъ, теперь—по 2 руб.; шести-вершковыя—прежде стояли въ 2—3 руб. за десятокъ, теперь ихъ работаютъ по 70 коп. и по 1 руб.

Изъ перечисленныхъ иконъ, больше всего спроса бываетъ обыкновенно на 8—вершковыя иконы, какъ въ краскахъ, такъ и въ фольговой обдѣлкѣ.

Такъ какъ большій или меньшій спросъ на иконы обуславливается состояніемъ крестьянскаго кармана, то самымъ благоприятнымъ для живописцевъ временемъ естественно является осень и начало зимы, когда въ каждомъ крестьянскомъ дворѣ появляется лишняя копѣйка, вырученная отъ продажи хлѣба. Къ этому времени домохозяева, отошедшіе „въ отдѣлъ“ отъ своей семьи и погорѣвшія за лѣто, кончаютъ свои стройки и первымъ же дѣломъ спѣшатъ закупить „Божьяго благословенія“; не мало также идетъ иконъ на деревенскія свадьбы, которыя, какъ извѣстно, приурочиваются всегда къ осенней, хлѣбной и свободной порѣ. Къ этому же времени возвращаются съ далекихъ Украинскихъ ярмарокъ монахини, распродавшіе тамъ свои фольговныя издѣлія, — возвращаются съ деньгами, получивши хорошіе барыши — и къ мастерамъ личкунскаго дѣла поступаютъ отъ нихъ новые заказы, при чемъ даются неизбѣжные задатки, иногда очень значительные. Борисовка принимаетъ праздничный видъ: всѣ съ деньгами, всѣ пьютъ себѣ обновы и стараются щегольнуть другъ предъ другомъ своими нарядами. Впрочемъ, все это зависитъ отъ степени урожая въ деревняхъ. Хорошій урожай — и спросъ на иконы большой, и борисовскій живописецъ съ хорошимъ заработкомъ; при плохомъ урожаѣ, наоборотъ, въ дѣлахъ обнаруживается застой, крестьяне иконъ не берутъ, заказовъ отъ обряжалъщицъ не поступаетъ, и мастеру приходится туго, хоть волкомъ выть — такъ вѣру.

Теперь намъ требуется опредѣлить средній заработокъ самостоятельнаго кустаря-иконописца.

Личкунъ, какъ мы видѣли, въ теченіе года приготовляетъ около 750 штукъ иконъ средней величины (8-вершковыхъ). На каждыя же 10 иконъ такой величины ему необходимо произвести слѣдующіе расходы:

10 досокъ простыхъ, безъ шпуговъ	70 к.
красокъ на	15 „
бѣлилъ 1/2 ф., на	13 „
масла, 1/4 фунта, на	6 „

клею, 2—3 лота, на	10 „
мѣлу 1 фунтъ, на	5 „
ремонтъ и 0/0 на погашеніе	5 „
Всего	1 р. 24 к.

Значить, оборотный капиталъ, необходимый личкуну, очень невеликъ и составляетъ лишь 18⁰/₀ его основнаго капитала. Мы здѣсь не принимаемъ въ расчетъ ни отопленія, ни освѣщенія, необходимаго для кустаря, такъ какъ трудъ и предпріятіе въ этомъ случаѣ соединены въ одномъ лицѣ.

Такимъ образомъ, каждый образъ средней величины обходится самому производителю приблизительно въ 12 коп., продается же такая икона обряжалъщикамъ на мѣстѣ въ среднемъ, за 28 к. значить, отъ каждаго образа мастеръ получаетъ по 16 коп. чистой выгоды, годовой же чистый заработокъ его равняется $16 \times 750 = 120$ руб. Расходы производства составляютъ всего 43⁰/₀ валоваго дохода.

Иконописецъ-красочникъ на каждый десятокъ образовъ дѣлаетъ слѣдующіе расходы:

10 досокъ	1 р. 50 к.
краски	80 „
бѣлилъ, 1 фунтъ	25 „
масла, 1 ф.	22 „
клею, 1 ф.	30 „
мѣлу, 2 ф.	10 „
ремонтъ и 0/0 на погашеніе	5 „
Всего	3 р. 22 к.

Значить, оборотный капиталъ живописца-красочника составляетъ 33⁰/₀ основнаго капитала. Каждая красочная икона въ продажѣ стоитъ, какъ мы видѣли, отъ 1 р. 20 коп. до 1 р. 50 к., или, въ среднемъ, 1 р. 35 коп. Слѣдовательно, отъ каждаго образа красочникъ беретъ около 1 руб. чистой прибыли. Годовой же его заработокъ равняется, въ среднемъ, 175 рублямъ.

Расходы производства составляют всего 23,6% валового дохода, получаемого промышленникомъ.

Всѣ личкуны, какъ мы видѣли производить въ теченіе года около 307000 шт. иконъ средня цѣна каждой изъ нихъ— 28 коп.; значить, общая сумма годового производства ихъ равняется—85,960 руб., общая же сумма производства красочниковъ составляетъ 11,812 р. 50 коп.; всего, значить, въ Борисовкѣ готовится ежегодно 315,750 иконъ, на сумму 97,772 р.

Выше мы уже упоминали, что иконописныя занятія вредно отражаются на здоровьи рабочихъ, такъ какъ имъ приходится вести постоянно сидячую жизнь. Отъ этого у мастеровъ развиваются зачастую геморои, катары желудка и малокровіе, которыя, несомнѣнно, отражаются на среднемъ долготѣи промышленниковъ. Кромѣ того, такъ какъ иконописная работа требуетъ крайняго напряженія зрѣнія, многіе изъ мастеровъ болѣютъ глазами. Но что всего хуже, такъ это то, что не зная химическихъ свойствъ и физиологическаго дѣйствія употребляемыхъ ими красокъ, иконописцы, незамѣтно для себя, отравляются минеральнымъ ядомъ, заключающимся въ нѣкоторыхъ изъ этихъ красокъ. Отравленіе происходитъ отъ того, что живописцы во время работы исправляютъ кисть и придаютъ ей надлежащую форму губами, при чемъ часть краски остается на губахъ и проникаетъ въ желудокъ.

Населеніе Борисовки состоитъ исключительно изъ малороссовъ. Но здѣсь вы уже встрѣчаете не того неподвижнаго, сосредоточеннаго и замкнутаго хохла, котораго видите обыкновенно въ мелкихъ деревняхъ,—нѣтъ, малороссъ здѣсь совершенно неузнаваемъ: онъ очень подвиженъ, живъ и разговорчивъ и рѣшительно ничѣмъ не походитъ на земледѣльца. Характеръ его напоминаетъ обыкновеннаго городского обывателя—ремесленника. За словомъ онъ въ карманъ не полѣзетъ, шапки ни передъ кѣмъ не ломаетъ, на ближайшее начальство, вроде старшины, урядника и даже становаго и священника, смотреть съ усмѣшкой. Онъ чувствуетъ, что онъ— „не какъ тотъ сиволашій“, что въ деревнѣ весь вѣкъ свой

за сохой да бороной проводить,—понимаетъ и „благородное обращеніе съ людьми“ и достаточно знаетъ себѣ цѣну. Чтобы рѣзче отдѣлиться отъ „чернаго народа“ онъ рѣдко употребляетъ свой природный языкъ и старается говорить по руски, „какъ господа говорятъ“, и подражаетъ во всемъ этомъ послѣднимъ—въ одеждѣ, въ домашней обстановкѣ etc. Въ домѣ у него всегда чистота и опрятность, на окнахъ дешевыя каленкоровыя зановѣсочки, съ кружевами домашняго приготовленія, и нѣсколько горшковъ съ цвѣтами—геранью, фуксіей и т. под. на полу постланъ коврики также домашняго приготовленія, на лавкѣ, въ переднемъ углу, подъ „святкомъ“—старательно вычищенный самоваръ, а въ столовомъ ящикѣ—цѣлая дюжина чайныхъ чашекъ, такъ какъ живописецъ обязательно пьетъ чай по два раза въ день. Онъ „не дуракъ выпить“, не прочь даже кутнуть праздничный день съ пріятелемъ, но при этомъ онъ никогда не пойдетъ въ кабакъ вмѣстѣ съ „сѣрымъ народомъ“, а выпьетъ дома, тихо, скромно, или, въ крайнемъ случаѣ, зайдетъ въ трактиръ, но никогда не напьется до самозабвенія, не дойдетъ до мордобитія, стеклобитія и т. п. безобразій. Одѣвается онъ не въ сѣрый крестьянскій армякъ, а въ пиджакъ, пальто, брюки и смазные сапоги. Пѣсни поются здѣсь городскія: „Подъ вечеръ осенью ненастной“, „Тамъ, гдѣ море“... etc.; знаютъ даже „Стрѣлочка“ и „Ночной зефиръ“, при чемъ послѣднія считаются въ настоящее время самыми модными. Свои народныя малороссійскія пѣсни всѣ позабыты. Грамотныхъ среди живописцевъ насчитывается около 50% общаго количества, нѣкоторые изъ мастеровыхъ читаютъ даже книжки и газеты, доставая ихъ изъ училищной библіотеки и у духовныхъ.

Для развитія и поддержанія этого промысла было не необходимо, по нашему мнѣнію, кромѣ организаци дешеваго кредита для промышленниковъ,—еще завести при училищѣ классы рисованія и небольшой художественный музей, въ который бы можно было помѣстить хотя бы литографированныя копія съ нѣкоторыхъ лучшихъ картинъ итальянской и современной русской школы, а

также полный ассортиментъ всѣхъ священно-церковныхъ изображений, начиная съ святыхъ—*одинокъ* и кончая такими сложными группами, какъ Покровъ Пресвятой Богородицы, двенадцатые праздники, страшный судъ etc. Полные „святцы“ всѣхъ святыхъ, чтимыхъ православною церковію, изданы недавно въ прекрасныхъ рисункахъ проф. Ѳ. Г. Солицева, съ строгимъ соблюденіемъ византійско-православнаго характера въ одеждѣ и позахъ св. угодниковъ. Какъ на примѣръ рисунковъ г. Солицева можно указать на изображение св. Стефана Пермскаго въ извѣстной книжкѣ Т. Толчевой. *).

Кромѣ того, слѣдовало бы обратить вниманіе на положеніе малолѣтнихъ учениковъ, которые принуждены просиживать за мольбертомъ, наряду съ взрослыми рабочими по 13—15 часовъ въ сутки. Такъ какъ это приноситъ громадный вредъ здоровью подрастающаго поколѣнія, то мѣстное земство окажетъ большую услугу населенію, если возбудитъ ходатайство предъ правительствомъ о запрещеніи принимать учениковъ въ живописныя мастерскія ранѣе 17—18 лѣтнаго возраста. Для этого, конечно, первоначально слѣдуетъ послать въ Борисовку специальную медицинскую комиссію изъ 2—3 земскихъ врачей для опредѣленія степени дѣйствительнаго вреда занятія иконописнымъ промысломъ для малолѣтнихъ 12—13 лѣтнихъ дѣтей. Тогда можно будетъ представить правительству неотразимыя доказательства о неотложности указаннаго распоряженія. Стоитъ это изслѣдованіе будетъ очень дешево, польза же, которую такимъ же путемъ можно принести мѣстному населенію, весьма существенна. При этомъ нѣтъ основаній предполагать, чтобы такое ходатайство не было уважено правительствомъ, выказавшимъ за послѣднее время такъ много заботливости по отношенію къ фабричнымъ рабочимъ нашихъ центральныхъ губерній.

*) Св. Стефанъ Пермскій, Т. Толчевой. Изд. Постоянной Комиссіи по устр. народныхъ чтеній. С.-П.-В. 1884 г. Цѣна 10 коп.

IV. Обдѣлка иконъ въ кіоты.

Промыселъ этотъ составляетъ одно изъ развѣтленій иконописнаго производства, о которомъ мы только говорили. Занимаются имъ преимущественно женщины, такъ какъ онѣ оказываются, по отзывамъ самихъ крестьянъ, болѣе „сручными“ къ этому дѣлу, чѣмъ мужчины, потому что работа эта очень кропотливая и требуетъ много терпѣнія и эстетическаго вкуса—качества, которыя встрѣчаются, какъ извѣстно, у женщинъ гораздо чаще, чѣмъ у мужчинъ.

Въ недавнее время производство это сосредоточено было исключительно въ мѣстномъ дѣвичьемъ Тихвинскомъ монастырѣ, гдѣ имъ занято было всего до 300 чел. Но за послѣднія 10 лѣтъ обдѣлкой иконъ начали заниматься и мѣстныя борисовскія крестьянки; такихъ мастерицъ по сл. Борисовкѣ числится въ настоящее время уже 150 чел. Кромѣ того, изъ мужчинъ въ сл. Борисовкѣ обдѣлываніемъ иконъ занято, какъ значится по нашей переписи, 16 чел. Начало производства нужно отнести къ первой четверти текущаго столѣтія; оно возникло, какъ говоритъ преданіе, при игуменіи Августѣ, которая управляла обителью съ 1814 по 1822 г. Въ ея коротенькой біографіи, помѣщенной въ „Историческомъ Описаніи Борисовской Пустини“ сказано между прочимъ, что она „отличалась во время своего управленія особымъ усердіемъ и заботливостію о внѣшнемъ и внутреннемъ благоустройствѣ обители“, а также—что она была весьма „искусна въ чтеніи и пѣніи, умѣла золотомъ шить и иконы низать“ (стр. 102). Вѣроятно же, всего Августа только научила своихъ монахинь—и то не всѣхъ конечно—„низать иконы“; на степень же промысла это занятіе поднялось уже гораздо позже. Прочную же организацію оно приобрѣло только за послѣдніе 25 лѣтъ послѣ освобожденія, когда, вслѣдствіе измѣнившихся вкусовъ и понизившагося экономическаго благосостоянія потребителей, красочная икона стала вытѣсняться фольговой и кіотной. Покаместъ монахини одни работали въ этой сферѣ, промыселъ былъ для нихъ очень выгоденъ, такъ какъ, при не-

значительныхъ затратахъ на производство, они получали отъ него громадные барыши. Монахины благоденствовали. Время отъ начала 60-хъ годовъ до начала 70-хъ было золотымъ вѣкомъ для монастыря. Когда же этому дѣлу начали обучаться мѣстныя борисовскія крестьянки, то выгоды, доставляемыя монахинямъ обдѣлочнымъ производствомъ, значительно уменьшились. Въ настоящее время монахины жалуются, что крестьянки совсѣмъ отбили у нихъ заработокъ. Но во всякомъ случаѣ и до сихъ поръ первенство въ этомъ производствѣ, какъ въ техническомъ, такъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, остается еще за монахинями, такъ какъ крестьянки уступаютъ имъ въ изяществѣ работы и въ количествѣ производимыхъ ими издѣлій. Не имѣя никакого другаго дѣла, монахины могутъ посвящать все свое время исключительно промыслу, тогда какъ крестьянская женщина, у которой на рукахъ цѣлое хозяйство, иногда даже съ кучей дѣтей въ придачу, можетъ отдавать ему лишь самую незначительную часть своего времени. Промыслу научились крестьянки въ монастырѣ у монахинь, къ которымъ родители отдавали ихъ въ науку въ дѣтскомъ возрастѣ до 15 лѣтъ.

Обряжалъщицы — крестьянки есть только въ тѣхъ семьяхъ, гдѣ сами хозяева занимаются иконописной, личкунской работой. Они очень рѣдко покупаютъ со стороны, у чужихъ мастеровъ, иконы для своихъ издѣлій и въ большинствѣ случаевъ довольствуются обдѣлкой только тѣхъ образовъ, которые изготовляются ихъ домашними иконописцами. Такимъ образомъ, форма производства ихъ исключительно *домашняя*.

Гораздо сложнѣе, по своей организаціи, производство монастырское. Здѣсь производится обдѣлка только однихъ чужихъ иконъ, купленныхъ на сторонѣ, и при томъ производители рѣзкою гранью отграничены отъ предпринимателей, капиталъ отдѣленъ отъ труда.

Изъ 300 чел. монахинь, занимающихся обдѣлкой образовъ — 50 чел. самостоятельныхъ предпринимательницъ, на которыхъ борисовскіе иконописцы работаютъ по заказу, и 250 чел. произво-

дительницъ, которыя самостоятельно закупать матеріалъ производства не могутъ, а забираютъ его у крупныхъ заказчицъ.

Помѣщенія особаго ни у монахинь, ни у крестьянокъ, занимающихся обдѣлкой иконъ, не имѣется. Первыя занимаются промысломъ въ своихъ монастырскихъ кельяхъ, вторыя — въ жилыхъ избахъ, гдѣ помѣщается и ихъ семейство, и иконописца мастерская.

Для обряжалъщицъ при производствѣ нуженъ — во-первыхъ, особый *столъ*, стоящій въ покупкѣ у мѣстныхъ столяровъ отъ 80 коп. до 1 рубля; затѣмъ

2) *Чеканка* — небольшое (1 дюймъ въ діаметрѣ) желѣзное колесо, съ заостреннымъ ободкомъ, которымъ обводятъ каемки на фольгѣ при обдѣлкѣ иконъ; оно обыкновенно насаживается на небольшую деревянную рукоятку; длина его съ рукояткою — около 1 четверти. Стоимость чеканки — 15 коп., дѣлается мѣстными кузнецами по заказу.

3) *Шпортъ* — инструментъ такой же формы и величины, но не съ заостреннымъ, а съ широкимъ ободкомъ — 15 коп.

4) *Виноградка* — небольшая желѣзная шишка, насаженная на рукоятку; употребляется для выдѣлки изъ фольги виноградныхъ кистей, которыми украшаются кіотныя иконы. Дѣлается также мѣстными кузнецами. Стоимость — 10 — 15 коп.

5) *Бузка* — простой желѣзный прутъ, на срединѣ имѣющій деревянную рукоятку; концами прута дѣлаются на ризѣ точки и вырѣзаются кружечки, квадратики и др. фигуры; стоимость его у мѣстныхъ кузнецовъ — 5 коп.

6) *Июлка* — тонкій желѣзный и плотный прутъ, насаженный на деревянную рукоятку, употребляется для нарѣзки узоровъ на фольгѣ („лучи“, которыя исходятъ отъ головы святаго, небесное сіяніе etc.); стоимость — 5 — 8 коп.

7) *Прутикъ* — желѣзная толстая проволока безъ рукоятки — употребляется для выгибанія краевъ у головныхъ вѣчниковъ на ризѣ; стоимость — 5 — 10 коп.

8) *Продажа* — нечто вроде небольшого бурава; употребляется для нарезки кружков из фольги; стоит от 20 — 30 к.

9) *Ножницы* — в 3 вершка длиною, для отрезки фольговых листов, — 60 коп.; покупаются в местных лавках.

Приспособлений для промысла никаких не нужно.

Материалами производства служат:

1) *Киоты*, которые покупаются производителями уже совершенно готовыми, окрашенными у мастеров-киотников, по цене от 1 руб. 30 коп. до 9 руб. за десяток при гуртовой покупке, и от 15 коп. до 1 р. 80 коп. за штуку в розницу (см. ниже). Средняя же цена киоту для мелких икон, имеющих наиболее спроса (8 вершков), — 20 коп. за штуку.

2) *Стекло*, которое вставляется в киоту сверху иконы. Покупается оно у местных торговцев, которые, в свою очередь, приобретают его большими партиями с заводов Мальцева и Гинцбурга, платя за ящик первого сорта — 23 руб. 50 коп., второго — 21 р. 50 к., за полубылое — 24 руб. В ящике — 120 листов. Провоз 1 ящика до места обходится торговцу в 3 р. Продается же стекло здесь, в Борисовке, производителям — обряжальщикам по 10 — 40 коп., или, в среднем, — по 15 к. за полосу для одной иконы. Если предположить, что из каждого листа стекла выходит, по крайней мере, 4 полосы для икон средней величины, то, следовательно, торговец от каждого ящика стекла получить $120 \times 4 = 480 \times 15 = 72$ руб. валового дохода, или, в среднем, около 47 рублей чистого барыша. А так как по Борисовке расходуются стекла для обделки икон ежегодно на 20 — 30 тыс., то барыш торговцев-посредников от одного только этого предмета составляет больше 16,000 руб. каждый год. Нет сомнения, что, при существовании иной более разумной организации в промысле, этот барыш стал бы поступать не в карманы этих непрошенных посредников, а прямо кустарям-производителям, что несомненно отразилось бы в благоприятном смысле на их экономическом благосостоянии.

3) *Фольга* — покупается производителями, как крестьянами, так и монахинями, также у местных торговцев и преимущественно у купца Силенко. Фольга покупается книжками, в каждой — по 100 листов. Формат ее — 7 вершков длины и 5 вершков ширины. Цена фольги неодинаковая и обуславливается сортом ее: „золотая“ фольга ценится дороже „серебряной“. За последнее время впрочем золотую фольгу покупать для икон производители совсем перестали, потому что нашли гораздо более выгодным ставить на иконы серебряную фольгу, подделывая ее при помощи спиртового лака под золото. Серебряная фольга, в свою очередь, разделяется на 4 сорта, смотря по плотности листов и добротности их выделки. Книжка первого сорта такой фольги, весом в 6 фунтов, стоит 6 руб. 20 к., второго — весом в $5\frac{1}{4}$ ф. — 5 р. 75 к. за книжку, третьего — в 5 фунт. — 5 руб. 20 коп., и на конец, четвертого — весом в $4\frac{1}{2}$ ф. — 4 руб. 40 коп. Последний сорт, как самый дешевый, употребляется в подделку чаще других. Местные торговцы берут фольгу в Москве у купцов Абрамова и Шахова, а более дешевые сорта — у братьев Базаловых. Годовой оборот их по торговле фольгой достигает до 30 тыс. рублей. На каждый образ, средней величины, у производителей идет от $1\frac{1}{2}$ до $2\frac{1}{2}$ листов фольги.

4) *Лицо*, т. е. *лицовые образа*, которые производителями-монахинями покупаются у борисовских кустарей-иконописцев, — в среднем по 20 — 30 к. за штуку, с доскою. Из крестьянок борисовских только 30 чел. женщин скупают для обделки образа на стороне, у своих соседей; остальные же 120 чел. обряжают образа исключительно своей домашней работой, — производства мужа, брата, отца, etc.

5) *Разноцветная бумага* — покупается в местных лавках.

6) *Гуммиарабикумг*, употребляющийся для склейки разных частей риса, и

7) *бусы*, т. е. простой стеклярусъ. И то, и другое берется также у мѣстныхъ торговцевъ.

Цвѣтной бумаги, стекляруса и гумми на каждую икону выходитъ приблизительно, въ общей сложности, на 3—5 к.

Иконы раздѣляются на 6 сортовъ, смотря по величинѣ кіотъ. Продаются онѣ при гуртовой продажѣ:

7—вершковыя	60 коп. за штуку.
8—вершк.	80 коп.—1 рубль.
10—верш.	1 р. 20 к.
12—вер.	1 р. 50—75 к. за шт.
14—в.	2 руб.
16—в.	отъ 3 р. 50 к.—4 р.

Въ розницу, при развѣздахъ по ярмаркамъ и деревнямъ, цѣны бываютъ гораздо дороже, такъ что, напр., за самую маленькую 7 вершковую икону берутъ по 80 коп. и даже 1 руб., за 9—вершковыя—по 1 р. 50 коп. за штуку и т. д.

Рабочихъ никто изъ производителей не держитъ. Въ ученицы принимаются монахинями безъ обозначенія срока и какихъ бы то ни было условій. Дѣвочки отдаются въ монастырь мѣстными борисовскими обывателями обыкновенно „на послушаніе“, и затѣмъ, когда подбучатся здѣсь мастерству, берутся родителями обратно домой. Монахини очень недовольны тѣмъ, что борисовскія крестьянки „отбиваютъ у нихъ заработокъ“ и лишили ихъ монополіи въ этой сферѣ труда. Поэтому въ настоящее время онѣ очень рѣдко и неохотно берутъ крестьянскихъ ученицъ для обученія промыслу. Мастерницы-крестьянки чужихъ ученицъ не берутъ; онѣ обучаютъ только своихъ домашнихъ дѣвчатъ.

Работа производится круглый годъ. Въ среднемъ, крестьянки работаютъ въ теченіе года около 210, монахини—250 дней. Ежедневно мастераца можетъ приготовить отъ двухъ до 4 и даже до 5 иконъ.

Крестьяне, обдѣлывающіе свои иконы сами, силами своихъ семей, продаютъ ихъ по мѣстнымъ ярмаркамъ и базарамъ—въ

Ракитной, Ахтыркѣ, Лебедяни, Ромнахъ, возятъ также по окрестнымъ деревнямъ Курской, Харьковской и Полтавской губ., на каждую подводу кладутъ обыкновенно по 50—70 паръ иконъ, изъ которыхъ около половины бываетъ обыкновенно иконъ 8 вершковыхъ, какъ имѣющихъ наибольшее распространеніе.

Монахини-заказчицы отправляютъ свои издѣлія: въ Кіевъ, Полтаву, Харьковъ, Нороссійскій Край, Одессу, Ростовъ, Таганрогъ, на Кавказъ и даже въ Болгарію. Для транспортированія кладей они нанимаютъ мѣстныхъ борисовскихъ крестьянъ и крестьянъ изъ окрестныхъ деревень—Лисичанской, Солохинской, Высоковской, Грайворонской и Ракитянской вол. Извозчикамъ платится по суточно; въ день по 1 руб. и 1 р. 20 коп. До Кіева ѣзды—двѣ недѣли, до Полтавы—также, до Одессы—около 4 недѣль, до Курска—4 дня, до Таганрога—около 3½ недѣль etc. Плата за провозъ, разумѣется, наверстывается на цѣнѣ образовъ при сбытѣ ихъ потребителямъ. Монахини-заказчицы обыкновенно отправляютъ иконы цѣлымъ обозомъ, въ 12—20 подводъ, и при этомъ сами отправляются вмѣстѣ съ обозомъ на мѣсто сбыта. Продають ихъ или въ лавки торговцамъ, или на ярмаркахъ, прямо съ возовъ. Постоянныхъ возчиковъ иконъ нами зарегистрировано по Грайворонскому уѣзду всего 83 чел., да кромѣ того, столько же, если не больше, бываетъ случайныхъ, которые, не занимаясь этимъ промысломъ специально,—за неимѣніемъ другаго заработка, охотно берутся иногда и за провозъ иконъ, только бы заработать лишнюю копѣйку. Возчики иконъ рекрутируются всегда изъ домохозяевъ средне-зажиточныхъ, такъ какъ заработокъ этотъ только въ томъ случаѣ приноситъ нѣкоторую выгоду, если крестьянинъ отправляется въ путь на 2, 3 или 4 подводкахъ, а если ѣхать на одной лошади то можно, какъ говорятъ крестьяне, „и себя, и лошадь сѣсть“. Возка иконъ—дѣло очень тяжелое и при томъ рискованное, такъ какъ сплошь да рядомъ случается, что крестьянинъ, выѣхавшій изъ дома на двухъ или на трехъ лошадяхъ, приходитъ назадъ пѣшкомъ, „съ одной уздечкой“.

Крестьяне суевѣрно объясняютъ это Божескимъ наказаніемъ за небрежное обращеніе съ иконами въ пути.— „Потому иной разъ скверно молвишь при нихъ и по матерно выругаешься,—а вѣдь это не мука, не крупа какал, тоже святость—вотъ оно Богъ-отъ и наказываетъ насъ, грѣшныхъ, за языкъ нашъ длинный“. Но болѣе рационалистическіе мужики объясняютъ это проще. Дѣло въ томъ, что, давая возчикамъ такую, по здѣшнимъ мѣстамъ солидную плату за провозъ иконъ, матери монахини за то „свою рукою“ накладываютъ имъ такіе возы, что лошадямъ ихъ едва-едва съ мѣста сдвинуть въ пору. Когда крестьяне везутъ иконы отъ себя, то они обыкновенно на 1 лошадь кладутъ по 50—70 образцовъ, т. е. около 25 пудовъ; матери же накладываютъ имъ всегда отъ 80—90 иконъ, въ которыхъ, навѣрное, будетъ 27—28 пудовъ, если не больше. Не мудрено, что, при такихъ условіяхъ, лошади возчиковъ часто падаютъ въ пути и возчики ворочаются изъ выгодной поѣздки совершенно раззоренными.

Теперь слѣдуетъ опредѣлить чистый заработокъ каждой производительницы, занимающейся обдѣлкой иконъ. Такъ какъ изслѣдовать производство въ монастырѣ намъ не пришлось, то мы здѣсь будемъ принимать во вниманіе исключительно только производителей и производительницъ изъ крестьянъ, не касаясь совсѣмъ монахинь.

На обдѣлку каждой 8-ми вершковой иконы производительницѣ нужно произвести слѣдующіе расходы:

кіота, стоящая	20 коп.
личковый образъ	28 коп.
стекло	15 коп.
фольги 2 листа	10 коп.
цвѣтной бумаги, гумми и стекляруса	5 коп.
ремонтъ и ⁰ / ₁₀₀ на погашеніе основнаго капитала	1 коп.
Всего, ...	79 коп.

Значить, въ среднемъ, отъ каждой иконы у производительницы остается отъ 11—20 коп. чистаго барыша; годовой же ея заработокъ—около 95 рублей, не считая провоза до мѣста сбыта, который также поглощаетъ значительную часть прибыли. Затраты производства составляютъ 84% валоваго заработка производительницы.

Общая сумма годоваго производства всѣхъ 150 крестьянокъ, занимающихся промыслами,—составляетъ приблизительно 97,500 шт., на сумму 87,750 рублей.

Главное, въ чемъ нуждается это производство, это—болѣе правильная организація сбыта издѣлій и закупки сырья. Мы уже говорили выше относительно того, сколько получаютъ на свою долю мѣстные торговцы отъ продажи стекла и фольги, только за то, что они служатъ посредниками между крупными оптовыми торговцами и заводами,—съ одной стороны и производителями-кустарями—съ другой. Отъ стекла они наживаютъ 65,3% прибыли, отъ фольги—вѣроятно, столько же, если еще не больше. Если бы дать возможность производительницамъ самимъ покупать матеріалы не посредственно отъ заводчиковъ и оптовыхъ торговцевъ, то, нѣтъ сомнѣнія, заработокъ ихъ сдѣлался бы въ нѣсколько разъ болѣе настоящаго. Устроить это, по нашему мнѣнію, возможно только *путемъ организаціи сырьевой артели производителей*; при чемъ, на первое время для 2—3 торговыхъ оборотовъ имъ должна быть выдана ссуда въ 3—5000 рублей, на срокъ не болѣе, какъ 2—3 года. Выгода отъ этого новаго порядка будетъ въ первое же время настолько ощутительна для производителей, что они, вѣроятно, не оставятъ его потомъ никогда и поведутъ дѣло сами по себѣ. Важна только одна инициатива со стороны.

V. Производство кіотъ.

Къ иконописному промыслу тѣсно примыкаетъ производство кіотъ, которымъ въ сл. Борисовкѣ занято 200 чел. Главный контингентъ производителей принадлежитъ къ категоріи средне-зажиточныхъ домохозяевъ, потому что только имъ однимъ впору заниматься этимъ производствомъ: богачамъ оно кажется невыгоднымъ, такъ какъ есть много отраслей промышленности, которыя даютъ несравненно большій процентъ прибыли на затраченный капиталъ; бѣднякамъ же, безлошадникамъ и бездомовникамъ, — нѣтъ никакой возможности принятыя за изготовленіе кіотъ, потому что для этого нужно имѣть довольно значительный оборотный капиталъ по закупкѣ дерева, лаку, красокъ etc.

Производство ведется издавна, хотя до освобожденія размѣра его были весьма незначительны, такъ какъ въ то время спроса на кіотныя издѣлія совсѣмъ почти не существовало. Количество производителей увеличилось въ особенности за послѣдніе 10 лѣтъ. Промыселъ этотъ, несомнѣнно, слѣдуетъ отнести къ категоріи мелкихъ кустарныхъ производствъ, потому что всѣ столяры работаютъ „сами отъ себя“; сами и дерево покупаютъ на свои деньги, сами продаютъ и издѣлія свои, — по большей части прямо и непосредственно потребителямъ. Большимъ мастерскихъ нѣтъ ни у кого; нѣкоторые столяры впрочемъ держатъ наемныхъ работниковъ, человѣка по 2—3.

Особыхъ помѣщеній у кустарей нѣтъ. Лѣтомъ работа производится на дворѣ, подъ навѣсомъ, зимою — въ жилыхъ избахъ, хотя это и сопряжено съ большими неудобствами для семьи, уже по одному тому, что мастеру приходится при этомъ примачивать въ избѣ столярный станокъ, который занимаетъ слишкомъ много мѣста въ небольшой сравнительно крестьянской избѣ.

Инструменты, употребляемые столярами — кіотниками, довольно многочисленны, хотя и очень просты. Кромѣ *столярнаго стан-*

ка устройство котораго обходится отъ 1—3 руб., у него есть еще: 1) *плотничій обыкновенный топоръ*, цѣною въ 1 р., 2) *поперечная пила* — 2—2½ р., 3) *выкружная, или малая ручная пила* — 35—40 коп., 4) *фуанокъ* — 1½—2 р., 5) *рубанокъ* — 90 коп., 6) *шерхебель* — 15—50 коп., 7) *стругъ* — 50—60 к., 8) *скобель прямой* — 30 коп., 9) *бочарный ножъ* — 10) *циркуль* — 50 коп., 11) *напилки и рашпили* — по 20—30 коп. за штуку, 12) *брусокъ для отточки инструментовъ* — 20 коп. Стоимость всѣхъ инструментовъ столяра — 12—15 рублей; ежегодный ремонтъ и пополненіе ихъ обходится мастеру въ 2—3 рубля. Покупаются инструменты или въ мѣстныхъ борисовскихъ лавкахъ, или же въ Грайворонѣ, Бѣлгородѣ и Харьковѣ.

Главный матеріалъ для кіотнаго производства есть *дерево*; берутъ его здѣсь же, въ слоб. Борисовкѣ, въ лѣсныхъ складахъ мѣстныхъ крестьянъ Фиженко и Короченко. Дерево покупается здѣсь и цѣлыми „обрубками“, и въ видѣ широкихъ и толстыхъ досокъ. Еловая доска, въ 7 арш. длины, 4½—5 вершковъ шир. и ¾ верш. толщины, стоитъ 50 коп. Изъ этой доски можно выдѣлать около 17 штукъ мелкихъ шестивершковыхъ кіотовъ, 8 — вершковыхъ — 12—15 штукъ и аршинныхъ — 2—2½ штуки. Цѣлый „обрубъ“, т. е. дерево, уже совершенно готовое для подѣлокъ, обтесанное и съ обрубленной верхушкой, 3 четвертей въ окружности, стоитъ 1½—2 рубля. Изъ него дѣлаются кіоты только мелкихъ сортовъ — 6, 8, 9 — вершковые; такихъ кіотъ выходитъ изъ него около 15 штукъ.

Кромѣ дерева, кіотнику-столяру требуется еще *клей* (кожевенный, простой), стоящій по 24 коп. за фунтъ. На 1 кіоту небольшого размѣра, 8, 9, 10, вершковъ, клею идетъ на 1—2 коп., на большую же, аршинную — на 3—4 коп.

Для окраски кіотъ употребляется *кронъ*, дешевая краска, по 35 коп. за фунтъ. Она разводится на пережженномъ *конопляномъ маслѣ*, котораго идетъ 1 фунтъ на 2½ ф. крону. Масло поку-

На 10 штук шестивершковыхъ небольшихъ кіотъ идетъ по сдѣланному нами расчету:

дерева	на 30 коп.
клею	8 „
крону	20 „
масла	4 „
лаку	10 „
ремонтъ и ⁰ / ₁₀₀ на погашеніе основнаго капитала	5 „
Итого	77 коп.

Продаетъ же производитель этотъ десятокъ, въ среднемъ, за 1 руб. 25 коп.; стало быть, затраты производства составляютъ въ этомъ случаѣ 61,6⁰/₁₀₀ валоваго дохода. Чистаго же дохода отъ каждаго десятка у него остается 48 коп., отъ всѣхъ же 2600 иконъ -- 125 руб.

Къ такому же приблизительно результату приводитъ расчетъ и относительно всѣхъ другихъ сортовъ кіотъ. При выдѣлкѣ, напр., 8—вершковыхъ кіотъ, расходы на каждый десятокъ составляютъ около 95 коп.; валовой годовой доходъ, стало быть, будетъ равняться 342 руб., а чистый—122 руб. и т. дал. Дневной же чистый заработокъ рабочаго производителя разнится 40—50 к.

Нѣкоторые кустари этого разряда, какъ мы уже сказали, держатъ рабочихъ специально для производства. Такихъ работниковъ у столяровъ борисовскихъ насчитывается всего 25 чел. Всѣ эти наймиты изъ мѣстныхъ крестьянъ сл. Борисовки, въ силу тѣхъ или другихъ неблагоприятныхъ условій забросившихъ свое хозяйство и не могущихъ взяться за производство собственными средствами, вести его самостоятельно. Работу производятъ они, разумѣется, хозяйскимъ инструментомъ. Жалованья получаютъ отъ 60—90 р. въ годъ на хозяйскихъ харчахъ.

Учениковъ держатъ только двое здѣшнихъ кіотниковъ. Мастера избѣгаютъ принимать ихъ потому, что они „балуются только; хлѣба больше съѣдятъ, чѣмъ наработаютъ“. Сходнѣе гораздо производители считаютъ держать работника, хоть бы подростка 15—17 лѣтъ и платить ему деньги, чѣмъ брать учениковъ. Въ ученики принимаютъ обыкновенно мальчиковъ 12—14 лѣтъ на 2—3 года бесплатно, изъ-за однихъ харчей.

Свои издѣлія производители сбываютъ прямо потребителямъ—тамошнимъ же борисовскимъ крестьянамъ и монахиамъ мѣстнаго Тихвинскаго и Харьковского Николаевскаго монастыря, занимающимся обряжаньемъ иконъ.

Сбытъ издѣлій, стало быть, управляется главнымъ образомъ спросомъ на нихъ со стороны обряжалщиковъ. По этому онъ идетъ особенно бойко и весело въ зимнее время, въ періодъ саннаго пути, когда обряжалщицы принимаются за свою работу и начинаютъ выпускать изъ Борисовки обозъ за обозомъ съ готовыми, обряженными иконами въ разныя стороны къ Кіеву, Рыльску, Харькову и Вѣлгороду. Въ это время и устанавливается настоящая цѣна на кіоты, — та самая, которую мы принимали при своихъ расчетахъ. Въ лѣтнее время, когда обряжалщики почти совсѣмъ прекращаютъ свою дѣятельность, сбытъ кіотныхъ издѣлій понижается и доходитъ до minimum'a. Производителю-столяру представляется въ это время альтернатива такого рода: или дѣлать кіоты въ запасъ, въ ожиданіи осени, когда они будутъ у него куплены, или же сбывать ихъ мѣстнымъ борисовскимъ скупщикамъ, которыя, разумѣется, всегда возмуть ихъ издѣлія, — даже въ самое глухое, лѣтнее время купить ихъ за чистыя деньги, но за то возмуть по пониженной цѣнѣ, такъ что, вмѣсто 39⁰/₁₀₀ чистаго барыша съ валоваго дохода, производитель получить всего 20—30⁰/₁₀₀. Ждать рабочій, разумѣется не можетъ; деньги ему нужны сейчасъ-же и потому онъ волей--неволей сбываетъ издѣлія скупщику, теряя отъ этого чуть не половину своего дохода. Нѣкоторые изъ производителей отвозятъ кіоты въ Вѣлгородъ и

тамъ продають ихъ на базарахъ и ярмаркахъ въ розницу съ возовъ, или же сдають тамошнимъ лавочникамъ гуртомъ. Главнымъ и самымъ крупнымъ скупщикомъ въ слоб. Борисовкѣ является крестьянинъ Прокопій Коротенко, который ежегодно закупаетъ кіотъ въ лѣтнее время на 3—4 тыс. рублей.

Въ санитарномъ отношеніи производство кіотъ, повидимому, дѣйствуетъ на рабочихъ въ благопріятномъ смыслѣ. Постоянныя и разнообразныя движенія, которыя приходится дѣлать рабочему при струганіи и выпиливаніи кіотъ, не только не вредятъ ему, но скорѣе приносятъ пользу, развивая мышцы и усиливая циркуляцію крови. Неудобство заключается только въ одномъ: при окраскѣ кіотъ ихъ слѣдуетъ просушивать, и эта операція въ теченіе всей зимы производится въ жилой избѣ. Окрашенные кіоты кладутся на печь, на полаты, на полки и здѣсь остаются для сушки по цѣлымъ суткамъ. Поэтому въ избахъ столяровъ чувствуется постоянный тяжелый запахъ краски, который несомнѣнно такъ или иначе долженъ дѣйствовать на легкія... Тѣмъ не менѣе всѣ столяры, которыхъ намъ привелось видѣть во время изслѣдованія, на видъ народъ здоровый и сильный. Сами они съ этой стороны также не жалуются на свое занятіе.

Мы уже не разъ въ предыдущихъ работахъ своихъ говорили, что всѣ вообще промыслы по обработкѣ древа гибнутъ въ нашей губерніи, вслѣдствіе того, что дерево съ каждымъ годомъ становится все дороже и дороже, лѣса уничтожаются съ поразительной быстротой. Поэтому и производству кіотъ, равно какъ и производство досокъ для иконъ, какъ одной изъ отраслей обрабатывающей деревянной промышленности, можно бы было предсказать скорую конечную гибель; но обстоятельства такъ сложились для борисовскихъ столяровъ, что гибель имъ угрожать никоимъ образомъ не можетъ, вслѣдствіе значительнаго распространенія иконописнаго промысла, съ которымъ они такъ тѣсно связаны. Единственный, что можетъ ожидать столярное производство въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, это — переходъ на путь крупной, ка-

питалистической организаціи. Первые признаки этой организаціи уже начинаютъ появляться здѣсь. Это — упомянутые нами лѣсные склады которые завелись въ Борисовкѣ весьма недавно, — всего какихъ-нибудь 7—9 лѣтъ тому назадъ, но тѣмъ не менѣе уже получи и здѣсь широкое право гражданства. Существованіе этихъ складовъ, устроенныхъ специально для столяровъ, въ настоящее время обезпечиваетъ для послѣднихъ свободное полученіе матеріаловъ производства во всякое время, безъ особыхъ затрудненій, хотя и по возвышенной цѣнѣ. Склады эти есть, разумѣется, только первая ступень столярнаго производства къ капиталистической организаціи. Не смотря на свое недавнее появленіе, они уже и теперь сдѣлали поставить кустаря-столяра въ строгую зависимость отъ себя. Съ теченіемъ времени зависимость эта, вѣроятно, еще болѣе увеличится, и хозяева складовъ найдутъ болѣе удобнымъ расширить сферу своихъ торговыхъ операцій и при складахъ заведутъ собственныя столярныя мастерскія. Въ рабочихъ силахъ для этого недостатка, конечно, не будетъ.. При такой организаціи, самостоятельные кустари-одиночки, разумѣется, должны будутъ уничтожиться, потому что не будутъ въ силахъ конкурировать съ крупными предпринимателями, но самое производство сохранится. Если уже капиталъ нашель нужнымъ придти къ нему на помощь и создать въ Борисовкѣ лѣсные склады, то, стало быть, можно считать несомнѣннымъ, что производство это имѣетъ здѣсь почву и держится настолько крѣпко, что въ состояніи устоять противъ всевозможныхъ невзгодъ и противныхъ теченій. Извѣстно, что у насъ въ Россіи активныхъ капиталовъ мало, и потому они вкладываются только въ самыя вѣрныя предпріятія. Но такой переходъ столярнаго промысла къ капиталистической организаціи въ настоящее время былъ бы, конечно, не желателенъ въ интересахъ здѣшняго кустаря. Поэтому необходимо во что бы то ни стало позаботиться о томъ, что по возможности отсрочить этотъ ударъ производству, необходимо оказать ему помощь со стороны. Помощь эта можетъ выразиться: 1) въ устройствѣ специальныхъ лѣсныхъ складовъ на мѣстѣ

производства, на артельныхъ началахъ, и 2) въ организаціи правильного сбыта издѣлій кустарей.

Склады сырого матеріала могутъ быть устроены или на счетъ земства, или же только при помощи его — на средства самихъ производителей (складочно-сырѣвая артель). Ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ земство собственно ни теряетъ ничего, ему придется только одновременно затратить нѣкоторую сумму съ тѣмъ чтобы получить ее обратно въ 10—15 лѣтъ. Съ технической стороны дѣло это простое и никакихъ затрудненій вызвать не можетъ. Труднѣе гораздо правильно поставить организацію сбыта; но при добромъ желаніи и это возможно.

VI. Каменотесы.

Каменотесы — кустари есть только въ с. Троицкомъ, что на Сучкѣ, Нижне-Реутской вол., Фатежскаго уѣзда. По нашимъ сборникамъ видно, что ломкой камня и мѣла занимаются, кромѣ того, крестьяне нѣкоторыхъ селеній Курскаго (самородъ и мѣлъ) и Путивльскаго (преимущественно брусной камень) уѣздовъ; въ первомъ такихъ промышленниковъ считается 407 чел., во второмъ 76 чел. Но добываніе камня въ Курскомъ уѣздѣ было уже описано въ I т. нашихъ сборниковъ, въ Путивльскомъ же уѣздѣ промыселъ этотъ не имѣетъ характера кустарничества, такъ какъ крестьянамъ приходится работать лишь по найму у крупныхъ предпринимателей, владѣющихъ ломками на правѣ собственности, или берущихъ ихъ въ арендное содержаніе по контракту. *). Только въ одномъ с. Берюхѣ есть нѣсколько человѣкъ каменотесовъ — кустарей, которые производятъ бруски для

*) Въ Волинцевской и Новослабодской вол., Путивльскаго уѣзда, каменоломы нанимаются къ предпринимателямъ рядчикамъ на слѣдующихъ условіяхъ: отъ каждой кубич. сажени выломаннаго камня — плата 5 руб. при хозяйскихъ хорькахъ и 7—8 руб. при своихъ. Устройство шахты и прорывка ея до каменнаго слоя — насчетъ хозяина, который для этого обязанъ нанимать особнхъ рабочихъ. Письменнаго договора съ рядчикомъ при этомъ никакого не заключается.

оттачиванія косъ. Камень они берутъ съ сосѣднихъ каменоломенъ, платя за каждый возъ по 1 рублю. Дома они раскалываютъ камень на отдѣльные куски и затѣмъ тщательно обтесываютъ ихъ, придавая имъ форму брусевъ. Изъ 1 воза можно приготовить отъ 100—200 брусковъ, которые сбываются на мѣсныхъ ярмаркахъ и базарахъ по 2—3 коп. за штуку. Въ день можно обтесать около 15 штукъ брусковъ. Промыселъ, по увѣренію самихъ крестьянъ, очень вредно дѣйствуетъ на здоровье, способствуя развитію грудныхъ болѣзней и въ особенности чахотки.

Нельзя не отмѣтить здѣсь одного характернаго обстоятельства. Берюховцы (крестьяне душевые, бывшіе когда то монастырскими) имѣютъ у себя собственную прекрасную брусную гору, которая, при разумной эксплуатаціи, при разработкѣ собственными силами, могла бы давать имъ значительный доходъ. Но они почему-то предпочитаютъ сдавать ее въ аренду купцу — предпринимателю за 1155 руб. въ годъ, тогда какъ при собственной самостоятельной разработкѣ они могли бы получать съ нея вчетверо или впятеро болѣе этой ничтожной суммы, такъ здѣшній камень весьма высокаго качества. Но для самостоятельной разработки камня у крестьянъ не хватаетъ ни энергіи, ни умѣнья взяться за дѣло. Каменотесовъ въ с. Троицкомъ, Фатежскаго уѣзда, считается по нашей переписи 52 человека; въ томъ числѣ — 4 крупныхъ предпринимателя, съ 20 чел. наемныхъ рабочихъ, и 28 чел. мелкихъ самостоятельныхъ кустарей, соединяющихся для ломки камня въ артели по 4—8 чел.

Промыселъ естественно распадается на двѣ части: ломка камня и обтесываніе его; но не смотря на то, что крестьяне занимаются имъ изстари, „изъ дѣдовъ“, раздѣленіе труда и спеціализація занятій совсѣмъ отсутствуетъ среди кустарей; каждый каменотесъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и каменоломъ, самъ выламываетъ для себя камни и владѣетъ ломомъ также прекрасно, какъ и клецомъ.

Своихъ каменоломенъ у Троицкихъ каменотесовъ нѣтъ; ломки арендуются у крестьянъ сосѣдней деревни Гвѣздилова, кото-

рые сами почему — то не занимаются этимъ промысломъ, а также у ближайшихъ владѣльцевъ — Модзалевскихъ, Хлюстина, Каширина и др. Разстояніе ломокъ отъ с. Троицкаго — 2 — 20 верст. Всѣ ломки лежатъ по р. Сновъ. Арендная цѣна камня вездѣ одинаковая — по 5 руб. съ выломаннаго „саду“ („садъ“ — это пара жернововъ — нижній, толстый, верхній — потоньше). Впрочемъ, владѣльцы съ 1884 г. начали повышать арендную плату, находя, что прежняя цѣна, стоявшая въ одномъ уровнѣ съ 7 или 10, для нихъ не выгодна; такъ г. Хлюстинъ, помѣщикъ Орловской губерніи, теперь уже сталъ брать съ каждаго сада по 6 — 7 руб.; тоже, вѣроятно, въ скоромъ времени сдѣлаютъ и всѣ другіе владѣльцы.

Особыхъ помѣщеній для промысла у кустарей, разумѣется, нѣтъ. Обтесываніемъ камней занимаются прямо на улицѣ, передъ окнами, гдѣ сваливаются привезенные съ ломокъ камни.

Инструменты, употребляющіеся каменотесами: 1) *железный заступъ*, которымъ снимаютъ верхній слой земли, покрывающій каменный слой; покупается обыкновенно въ Фатежѣ, Михайловкѣ (Дмитріевск. уѣзда) и Курскѣ по 70 коп. и 1 руб.; 2) *ломъ*, для выламыванія камня, въ 35 ф. вѣсомъ, цѣною въ 2 р. 40 к.; 3) *клевецъ* — особый молотъ на деревянной рукояткѣ, 12 ф. вѣсомъ, дѣлаютъ мѣстные кузнецы, по заказу, изъ стараго желѣза и обрѣзковъ, — 50 коп.; 4) *железные клинья*, по 3 на каждаго рабочаго; вѣсъ ихъ 7 — 8 фунтовъ, дѣлаютъ также свои кузнецы по заказу, по 30 — 40 к. за штуку; 5) *большой железный молотъ*, покупающійся въ Курскѣ, вѣсъ его около пуда, цѣна 2 р. 50 коп.; 6) *воротъ*, дѣлаютъ сами; цѣна 50 — 80 коп.; 7) 3 *каната*, для подъема камней, вьютъ сами изъ своей пеньки, стоимость ихъ, въ переводѣ на деньги, около 2 р. 40 коп.; 8) *небольшой клевецъ*, для окончательной обдѣлки камня, въ 1¹/₂ — 2 фун. вѣсомъ, — 12 — 14 к. Кроме того у каждой артели, равно какъ и у всякаго крупнаго предпринимателя, есть своя 9) *походная*

кузня, которая состоитъ просто изъ жестиной жаровни и небольшихъ мѣховъ для раздуванія огня; во время работъ кузня эта почти постоянно находится въ дѣйстви, такъ какъ при каменоломной работѣ инструменты то и дѣло портятся и ломаются; рабочіе тутъ же ихъ „навариваютъ“, исправляютъ и снова пускаютъ въ дѣло. Стоимость такой кузни 2 — 5 руб. Угля выходитъ, по приблизительному расчету на каждый „садъ“ копѣекъ на 20.

Цѣнность всѣхъ инструментовъ у кустика опредѣляется такимъ образомъ въ 12 руб. Ежегодный ремонтъ и возобновленіе всего рабочаго инвентаря обходится кустику въ 3 — 4 руб. У наемныхъ рабочихъ инструментъ весь хозяйскій.

Камень всегда покрытъ сверху землею и залегаетъ на 3 — 4 арш. глубины. Поэтому рабочіе, чтобы достать его, должны прежде всего снять верхній слой земли, на что тратится иногда 1 — 2 рабочихъ дня. Послѣ раскопки камня, начинается самая ломка его. Первѣе всего большимъ клевецомъ набиваютъ на немъ щели и впадины, верхика въ 2 — 4 глубины, и затѣмъ вставляютъ желѣзные клинья и начинаютъ забивать ихъ тяжелымъ пудовымъ молотомъ. Клиньевъ забиваютъ иногда до 5 — 7 штукъ. Когда обозначатся на камнѣ трещины, вставляютъ туда ломы и насколько возможно отворачиваютъ его отъ горы. Затѣмъ, при помощи тѣхъ же инструментовъ, раскалываютъ его на болѣе мелкія части, аршина въ 1¹/₂ квадр., и вытаскиваютъ ихъ на верхъ воротомъ на 3 канатахъ. Вѣсъ каждаго отдѣльнаго отколотаго куска равняется обыкновенно 25 — 150 пуд., сообразно величинѣ жернововъ, которые нужно приготовить. Вслѣдствіе этого, при воротѣ необходимо должно быть по 3 — 5 чел., потому что меньшими силами справиться невозможно.

Вытащенный на поверхность камень тотчасъ же отвозится къ дому, гдѣ уже производится окончательная обдѣлка его. При работѣ артели каждый получаетъ свою долю по мѣрѣ вытаскиванія камней изъ ямы, и тутъ же перевозитъ свою часть его домой,

каждый на своей лошади. Обработка камней на — чисто производится уже каждым производителем особо. Добывание камня из земли производится летом, отдѣлывают же его зимою. При обработке камня главным инструментомъ являются *клевцы* — одинъ большой въ 12 фун., другой маленькій въ 1½ — 2 фута. Большимъ клевцомъ отбиваютъ отъ жернова крупныя неровности, а мелкимъ производится „оглаживаніе“, или окончательная отдѣлка камня. Отверстіе посрединѣ жернова продалбывается большимъ клевцомъ. Вся отдѣлка производится однимъ лицомъ; когда камень приходится переворачивать съ одного бока на другой, употребляютъ рычагъ. Раздѣленія труда совсѣмъ не замѣчается.

Жернова бываютъ различной величины: *пятерикъ* — пяти четвертой въ діаметрѣ, затѣмъ *шестерикъ*, *семерикъ*, *восьмерикъ* и *девятерикъ*. Последніе, т. е. девятириковые жернова, дѣлаются только по особому заказу, для большихъ водяныхъ и паровыхъ мельницъ — кручатокъ. Величина діаметра какъ верхняго, такъ и нижняго жернова — „исподника“ бываетъ постоянно одинакова, но толщиной они значительно разнятся другъ отъ друга: верхній жерновъ всегда бываетъ вдвое или втрое толще исподника. Махімумъ толщины верхняго камня — 12 — 14 вершковъ, мінімумъ — 5 вершковъ; тогда какъ нижній жерновъ толще 4 — 5 вершковъ никогда не дѣлается, а для обыкновенныхъ крестьянскихъ вѣтрянокъ, его дѣлаютъ обыкновенно въ 1½ — 3 вершка толщиной. Всѣ верхнихъ камней таковы: пятерикъ — около 20 пудовъ, шестерикъ — 40, семерикъ — 80 пуд., восьмерикъ — 90 — 100 пуд., девятерикъ — 130 — 140 пудовъ.

Камень, изъ котораго готовятъ жернова, по своимъ качествамъ, также раздѣляется на сорта: первый и лучший сортъ — такъ называемый „*сырой песокъ*“; жернова, сдѣланные изъ этого камня, отличаются особенной прочностію; они долго не стираются и „чисто мелютъ“ зерно. Второй сортъ камня — „*крупный песокъ*“, съ желтоватымъ оттѣнкомъ; третій, самый худшій — „*бѣлый пе-*

сокъ“, мелетъ плохо, скоро стирается и оставляетъ въ мукѣ много пыли. На хорошія мельницы его не берутъ никогда; идетъ онъ по большой части на „аршинники“, т. е. его колютъ небольшими глыбами, въ 1 кубич. аршинъ величиною, и въ такомъ видѣ онъ идетъ на фундаменты, „подкрылечья“ и тротуары. Ко всѣмъ его недостаткамъ присоединяется еще то, что онъ плохо колется. Цѣна его на мѣстѣ — 6 р. кубич. аршинъ; обывають больше въ Курскѣ, съ доставкой до города его продають по 10 руб., такъ какъ провозъ цѣнится кустарями въ 4 рубля.

Рабочіе-каменотесы, занимающіеся къ крупнымъ предпринимателямъ, получаютъ въ годъ обыкновенно по 75 — 90 руб., при хозяйскихъ харчахъ и инструментахъ; одежда — своя. Живутъ они обыкновенно въ одной избѣ съ хозяиномъ и ѣдятъ съ нимъ изъ одной чашки. Учениковъ въ этой работѣ совсѣмъ не держатъ.

25 человекъ, какъ мы уже упомянули выше, работаютъ самостоятельно, соединяясь для добыванія камня въ „*братскія артели*“. Форма артели здѣсь, значитъ, сырьево-производительная: члены соединяются только для совместнаго добыванія сырья, окончательная же обработка его производится единичными силами каждаго рабочаго въ отдѣльности. Въ этой артели никакого „старшаго“ или завѣдующаго не существуетъ; да при такой несложной работѣ это было бы и излишне, такъ какъ здѣсь не требуется дѣлать никакихъ распоряженій, а приходится только работать, пускать въ ходъ одну мускульную силу — и вичего болѣе.

Артельщики (такъ называются члены артели) работаютъ исключительно силами своихъ семей. Они соединяются обыкновенно по 5 — 6 чел.; аренду платятъ сообща, сообща работаютъ, и весь инструментъ приобрѣтаютъ на общій же, артельскія средства. Существованіе артели въ этомъ производствѣ вызывается двумя главными причинами: во первыхъ тѣмъ, что каменоломная работа далеко не подъ силу одному человеку, а во вторыхъ еще и тѣмъ, что сообща легче, чѣмъ одному, уплачивать арендную плату, которую владѣльцы всегда требуютъ впередъ.

Участники артели дѣлят камень между собою поровну „садами“. Обиды взаимной никогда при этомъ не бываетъ. Благодаря хорошему заработку всѣ, участвующіе въ артеляхъ, живутъ довольно справно; безлошадныхъ между ними нѣтъ; большинство ихъ (68⁰/о) арендуютъ землю у помѣщиковъ, или сосѣдей-крестьянъ. Хлѣба своего хватаетъ, по общимъ отзывамъ, до самой новины; недоимокъ за ними не числится. Совѣмъ не то мы видимъ у каменотесовъ-наймитовъ, которые служатъ въ качествѣ батраковъ у упомянутыхъ 4 домохозяевъ. Изъ 20 такихъ каменотесовъ только у 6 есть лошади для обработки надѣла; 14 чел. изъ нихъ обрабатываютъ свою землю частью наймомъ, частью сдаютъ. Получая ничтожное сравнительно вознагражденіе за такую тяжелую работу,—они должны изъ этой суммы и заплатить подати, и прокормить семью, такъ какъ своего хлѣба, въ большинствѣ случаевъ, у нихъ или совѣмъ нѣтъ, или, если и есть, то его не хватаетъ даже до Рождества, такъ что съ половины зимы семья принуждена есть хлѣбъ съ базара. Крестьяне прекрасно понимаютъ пользу самостоятельныхъ артелей и, нѣтъ сомнѣнія, всѣ каменотесы соединились бы въ нихъ, если бы только была хоть какая-нибудь возможность сдѣлать это. Но, съ одной стороны, какъ-то такъ выходитъ, что наймитъ постоянно въ долгу у своего хозяина и, доживая одинъ годовой срокъ, положимъ, 1885 г., уже забираетъ у него деньги впередъ за слѣдующій „срокъ“—1886 г., такъ что у него постоянно „годъ за годъ заходить“; при этомъ цифра долга не только не уменьшается, но увеличивается съ каждымъ годомъ, такъ что если, напр., въ нынѣшнемъ году къ окончанію срока наймитъ остался долженъ своему хозяину 10 руб., то навѣрное можно поручиться, что на слѣдующій годъ долгъ возрастетъ до 15—20 руб. и т. д. Выйти изъ такого положенія бѣдняку наймиту рѣшительно нѣтъ возможности. Какъ ни крѣпится онъ, а все, глядишь, мѣсяца за два до окончанія срока пойдетъ къ хозяину просить денегъ въ счетъ „срока“ слѣдующаго года. Хозяева, разумеется, дадутъ, никогда не

откажутъ, такъ какъ имъ выгодно держать наймита постоянно у себя въ кабальѣ.

Съ другой стороны, не малымъ препятствіемъ къ поступленію въ артели бѣдняковъ служитъ еще и то обстоятельство, что для этого все-таки нужно имѣть хоть кое-какія средства—во-первыхъ, для покупки инструмента и, во-вторыхъ, для того чтобы внести землевладѣльцу деньги за камень впередъ, такъ какъ безъ этого владѣлецъ не допуститъ увезти камень съ каменоломни. При такихъ условіяхъ, бѣдняки волей-неволей должны ограничиваться работой по найму у своихъ болѣе счастливыхъ и богатыхъ сосѣдей; сьорганизоваться въ самостоятельныя артели—для нихъ дѣло въ высшей степени трудное. Они могли бы это сдѣлать и самостоятельно заняться производствомъ только въ томъ случаѣ, если бы имѣли возможность пользоваться мелкимъ и недорогимъ кредитомъ. Но гдѣ взять этотъ мелкій, а главное, недорогой кредитъ?—вотъ въ чемъ вопросъ...

Каждый изъ 4 крупныхъ предпринимателей, съ 5 наемными работниками, производитъ за годъ отъ 25—35 садовъ, т. е. паръ жернововъ; каждый же изъ кустарей—одиночекъ производитъ не болѣе 3—4 садовъ, потому что работа у одного (при окончательной отдѣлкѣ камня) не такъ спорится, какъ работа въ товариществѣ. Одинъ работникъ для того, чтобы перевернуть камень съ одного бока на другой, долженъ употребить на это иногда нѣсколько часовъ, тогда какъ 5—6 работниковъ дѣлаютъ это легко въ нѣсколько минутъ.

Сбытъ камней производится на мѣстѣ, такъ какъ, само собою разумеется, съ такимъ громоздкимъ и тяжеловѣснымъ товаромъ производитель не можетъ ѣздить по ярмаркамъ и базарамъ, отыскивая покупателя. Покупщики пріѣзжаютъ въ Троицкое за камнемъ изъ всѣхъ городовъ Курской губ.—Курска, Щигровъ, Бѣлгорода, Суджи, Обояни etc., а также изъ Орла, Сѣвска, Малоархангельска и Стародуба. Цѣна камню на мѣстѣ—*пятерикъ*—

15 руб. за садъ *шестерикю*—30 р., *семерикю*—50—60 р., *восмерикю*—100 руб., *девятерикю*—150 руб. Провозъ до мѣста—на счетъ покупателей.

Теперь опредѣлимъ годовую выручку каждаго кустаря. Расходы производства у самостоятельнаго производителя-одиночки на каждый садъ составляютъ:

арендатору за камень	-	-	-	5 р.	—
угля для кузни	-	-	-	20 к.	
ремонтъ инвентаря и % на погашеніе основнаго капитала	-	-	-	1 р.	—
<hr/>					
Итого	-	-	-	6 р.	20 к.

Если предположить, что каждый садъ продается кустаремъ, въ среднемъ по 50 рублей, то, значитъ, чистой выгоды онъ получаетъ отъ сада около 44 р. или отъ 132—176 р. въ годъ, -- круглымъ же числомъ выходитъ около 154 рублей на каждаго. Затраты производства составляютъ, стало быть, 12% валоваго дохода производителя. Всѣ 28 чел. кустарей выработаютъ около 90 садовъ, на сумму 4500 руб.; чистой же выгоды они получаютъ всѣ вмѣстѣ 3960 руб.

Затраты производства у крупнаго предпринимателя для всѣхъ 30 садовъ, вырабатываемыхъ имъ въ теченіе всего года:

арендная плата	-	-	-	-	150 руб.
жалованье рабочимъ	-	-	-	-	413 "
содержаніе ихъ	-	-	-	-	120 "
ремонтъ инвентаря хозяйствъ и погашеніе основн. капитала	-	-	-	-	30 "
<hr/>					
Итого	-	-	-	-	713 "

Значитъ, чистаго барыша каждый крупный предприниматель получаетъ въ годъ около 790 рублей. Затраты производства составляютъ 46% валоваго дохода. Всѣ вмѣстѣ 4 предпринима-

теля вырабатываютъ ежегодно около 120 садовъ, на сумму 6000 р., получая при этомъ около 3148 рублей чистой прибыли.

Заработокъ этотъ во всякомъ случаѣ очень значителенъ, какъ для кустарей одиночекъ, такъ и для крупныхъ предпринимателей. Но, къ сожалѣнію, отсутствіе правильнаго сбыта дѣлаетъ этотъ заработокъ нечувствительнымъ и незамѣтнымъ въ хозяйствѣ кустаря. Производителю приходится обыкновенно очень долго ожидать покупателя и сбывать свои издѣлія не сразу, а постепенно, черезъ болѣе или менѣе значительныя промежутки времени, въ теченіе которыхъ камень лежитъ мертвымъ капиталомъ. Вслѣдствіе этого, заниматься промысломъ могутъ только семьи богатые, или, по крайней мѣрѣ, средне-зажиточныя, которыя имѣютъ возможность вложить въ дѣло не менѣе 40—50 рублей, не ожидая при этомъ срочнаго возврата ихъ. Домохозяева же малосильные могутъ только служить наймитамъ у богачей—предпринимателей.

VII. Горшечное производство.

О производствѣ горшковъ въ западной части Курской губ. мы уже говорили въ I томѣ нашего „Общаго Сборника“ (стр. 166—183); теперь же мы скажемъ нѣсколько словъ объ этомъ промыслѣ въ восточной части Курской губ. Здѣсь оно встрѣчается въ сл. Великой Михайловкѣ, Покровской, Барсуцкѣ и Холани, Новооскольскаго уѣзда, въ сл. Борисовкѣ, Грайворонскаго у., въ сл. Аяновкѣ, Богородской вол., того же уѣзда въ сл. Терновкѣ, Шопинѣ, Муромѣ—Бѣлгородскаго у. и въ сл. Стрѣлицѣ, Корочанскаго уѣзда. Наибольшее количество горшечниковъ находится въ сл. Великой Михайловкѣ, среди крестьянъ государственныхъ душевыхъ, принятыхъ въ казну отъ кн. Потемкиной. Здѣсь ихъ считается по нашей переписи 216 чел., въ сл. Терновкѣ 42 чел., Шопинѣ—23 въ сл. Стрѣлицѣ 79 чел., въ сл. Покровской—9 чел., х. Барсуцкѣ—2 чел., въ Б. Холани—18 чел., сл. Борисовкѣ—43 чел.,

сл. Анновѣ—4 чел.; кромѣ того, еще нѣсколько человекъ отхожихъ гончаровъ разбѣяно по разнымъ селеніямъ Бѣлгородскаго, Новооскольскаго и Тимскаго уѣзда. Такъ напр. въ Слоновкѣ ихъ считается 3 человекъ, въ с. Карповомъ—1 чел., сл. Успенской—1 чел. etc. Эти послѣдніе уходятъ они на работу въ южныя, степныя губерніи. Г. Бентковский, секретарь Ставропольскаго статистическаго комитета, въ 1879 г. представилъ въ Комиссію по изслѣдованію кустарной промышленности, учрежденную при Департаментѣ торговли и мануфактуръ, докладъ относительно состоянія кустарной промышленности въ Ставропольской губ., изъ котораго видно, что обрабатывающая промышленность этой губерніи находится почти исключительно въ рукахъ промышленниковъ, приходящихъ сюда съ сѣвера, изъ центральныхъ губерній; по исчисленію его, оказывается, что наша Курская губернія даетъ Ставрополю 9,2⁰/о всѣхъ кустарей, въ томъ числѣ г. Бентковский насчиталъ однихъ гончаровъ 13 чел. *). Всѣхъ же горшечниковъ въ западной части Курской губ., исключая, впрочемъ, Старооскольскій уѣздъ, въ которомъ еще не было произведено переписи—считается 375; въ томъ числѣ: отхожихъ—19 чел. и 356 мѣстныхъ. Изъ числа мѣстныхъ по сл. Великой Михайловкѣ считается 34 чел. женщины, остальные—мужчины.

Великая Михайловка считается центромъ и главнымъ пунктомъ горшечнаго производства во всей восточной половинѣ губерніи. Промыселъ существуетъ здѣсь съ конца прошлаго столѣтія; въ то время, какъ сказываютъ, прежній владѣлецъ В. Михайловки кн. Голицинъ выселялъ сюда разныхъ мастеровыхъ изъ своихъ имѣній, находившихся въ другихъ губерніяхъ; тогда же были присланы сюда и горшечники. Съ какою цѣлью производилось Голицинимъ это перемѣщеніе промышленниковъ—неизвѣстно; прямыхъ указаній на это мы нигдѣ найти не могли, а существующія преданія крайне темны и сбивчивы и констатируютъ только са-

*) Труды Ком. по изслѣд. кустарн. пром. въ Россіи, вып. I. С.-П.-Б. 1879 г., стр. 54—61.

мый фактъ, нисколько не объясняя его причинъ. Можно думать, что владѣлецъ дѣлалъ это, руководствуясь тѣмъ, что по здѣшнимъ мѣстамъ населеніе искони было чисто-земледѣльческимъ, и занималось исключительно *добываніемъ сырья*; промышленность же *обрабатывающая* была развита всегда очень слабо, такъ что производители, кустари и ремесленники, не въ состояніи были удовлетворить всѣхъ нуждъ и потребностей своей деревни, которая вслѣдствіе этого принуждена была потреблять массу привозныхъ издѣлій, платя за нихъ втридорога. Такой порядокъ еще и до сихъ поръ не совершенно исчезъ въ нашей Курской губерніи. Въ сѣверныхъ уѣздахъ ея—Фатежскомъ, Щигровскомъ, Льговскомъ, Дмитріевскомъ и даже въ Курскомъ, обрабатывающая промышленность и до сихъ поръ еще настолько не развита, что населеніе не можетъ обходиться безъ чужихъ, пришлыхъ ремесленниковъ и прокармливаетъ постоянно цѣлую массу *калуужскихъ* овчинниковъ, *рязанскихъ* бондарей, *орловскихъ* шерстобитовъ, *смоленскихъ* портныхъ и т. д. (См. объ этомъ подробнѣе въ I томѣ „Общаго Сборника“, „Пром. крестьянъ центр. района“, стр. 16—21). На сѣверѣ губерніи встрѣчаются просто поразительныя факты въ этомъ отношеніи. Въ с. Никольскомъ и д. Прилѣпахъ, Фатежскаго у., на 300 дворовъ нѣтъ, наприм., ни одной кузницы. Чтобы подковать лошадь или наварить сошникъ, нужно ѣхать въ Малоархангельскъ,—за 15 верстъ!.. Въ большомъ торговомъ селѣ Попырахъ на 790 дворовъ собственный кузнецъ только *одинъ*; на весенній же сезонъ сюда приходятъ нѣсколько человекъ кузнецовъ изъ Орловской губ., устраиваютъ здѣсь земляныя кузни и „справивши все село“, къ июню выбираютъ домой, унося съ собою каждый разъ значительный заработокъ. (Ibid., стр. 21). Если возможны такіе факты теперь, въ исходѣ XIX столѣтія, спустя 18 лѣтъ послѣ проведенія здѣсь желѣзныхъ дорогъ, то тѣмъ болѣе они были возможны 100—80 лѣтъ назадъ, когда обрабатывающая промышленность развита была еще меньше, чѣмъ въ настоящее время. Этимъ, вѣроятно, и объясняются дѣйствія

владѣльца В. Михайловки, кн. Голицина, который переселялъ сюда ремесленниковъ изъ другихъ своихъ имѣній. Онъ желалъ доставить здѣшнему населенію возможность самому, своими силами, обрабатывать добываемое ими сырье, чтобы не нуждаться въ услугахъ промышленниковъ со стороны. Нѣтъ сомнѣнія, онъ выселилъ этихъ промышленниковъ изъ имѣній, находящихся въ нечерноземныхъ губерніяхъ, гдѣ уже и въ то время промыслы были сильно развиты и составляли главное занятіе жителей, ихъ постоянную спеціальность. По каждому ремеслу, какъ передаетъ преданіе, въ Михайловку присылалось всего нѣсколько человѣкъ специалистовъ, а они уже должны были обучить ремесламъ прежнее населеніе Михайловки, при чемъ экономія опредѣляла сама, кому какое ремесло изучать. Старанье князя распространить здѣсь ремесло и кустарныя производства доходило до того, что онъ приказывалъ своей конторѣ брать на себя сбытъ издѣлій, производимыхъ михайловцами, и помогать особенно нуждающимся хлѣбомъ и лѣсомъ.

Всѣ ремесла и кустарныя производства, существующія въ настоящее время въ Великой Михайловкѣ, по увѣренію крестьянъ, обязаны своимъ возникновеніемъ стараніямъ князя Голицина. Всѣхъ кустарныхъ производствъ здѣсь въ настоящее время насчитывается до 30 видовъ: гончарное, сапожное, сундучное, картузное, шапочное, etc. Довольно строгая регламентація производствъ со стороны экономіи, вѣроятно, отчасти стѣсняла крестьянъ, но все-таки, благодаря ей, Михайловцы въ концѣ концовъ такъ привыкли къ ремесламъ, что и потомъ, когда въ 1854 году они были переданы въ казну и, стало быть, сдѣлались совершенно свободными, они не только не бросили своихъ промышленныхъ занятій, но даже расширили свою дѣятельность въ этомъ направленіи. Впрочемъ, самыя обстоятельства неволью толкали ихъ на это, такъ какъ послѣ освобожденія экономическое положеніе ихъ значительно ухудшилось, какъ мы уже объ этомъ говорили выше.

Проведеніе желѣзной дороги (Бурско-Харьковской), въ концѣ 60 хъ годовъ, отразилось на горшечномъ производствѣ, отри-

цательнымъ образомъ, такъ какъ съ этихъ поръ стали быстро уничтожаться въ краѣ лѣса, съ существованіемъ которыхъ тѣсно связано гончарное производство; цѣны на дерево теперь поднялись до невозможныхъ размѣровъ, вслѣдствіе чего многіе горшечники принуждены обжигать свои издѣлія вилкомъ, а бѣдняки-одиночки почти совсѣмъ бросили самостоятельное производство и частію поступили къ крупнымъ предпринимателямъ для работы по найму, частію разошлись на заработки по чужой сторонѣ. Они направились въ Украину, въ южныя губерніи, гдѣ въ ремесленникахъ и кустаряхъ всегда нуждались вслѣдствіе крайней неразвитости обрабатывающей промышленности среди мѣстнаго населенія. Михайловцы уходили сначала на время, „въ заработокъ“ по своему мастерству, а потомъ стали совсѣмъ перечисляться на новыя мѣста и разрывали всякую связь съ своей родиной. Особенно усилились выселенія съ роковаго 1869 года, когда сгорѣло въ Михайловкѣ болѣе 1000 домовъ и большинство погорѣльцевъ осталось безъ всякихъ средствъ къ жизни, кромѣ своего мастерства. Выселенія продолжаются и до сихъ поръ въ видѣ частныхъ, спорадическихъ случаевъ. Уходятъ какъ въ города, такъ и въ деревни, но не „на землю“, а всегда „по своему мастерству“. При этомъ одни живутъ по паспортамъ, которые аккуратно мѣняютъ въ волостномъ правленіи каждый годъ, другіе—приписались совсѣмъ къ новому мѣсту жительства, третьи же наконецъ пропали безъ вѣсти. Изъ этой послѣдней категоріи каждый годъ по этапу присылаютъ въ Михайловское волостное правленіе нѣсколько человѣкъ бродягъ, „вспомнившихъ родство“... Среди этихъ пересыльныхъ вертѣаются зачастую и гошечники.

Вообще въ настоящее время какъ общая сумма производства, такъ и количество кустарей, занятыхъ горшечнымъ промысломъ, въ В. Михайловкѣ, съ каждымъ годомъ уменьшается. Производство, видимо, идетъ къ упадку.

Въ сл. Терновкѣ и Шопинѣ, Бѣлгородскаго у., горшечный промыселъ начался давно, „съ дѣдовъ еще этимъ занимались“.

До начала 70-х годовъ производство здѣсь шло ходко и съ каждымъ годомъ росло и развивалось, но со времени постройки желѣзной дороги, когда лѣса страшно вздорожали, промыселъ началъ падать. Этому немало способствовало также и то обстоятельство, что въ недалекомъ разстояніи отсюда, въ сл. Стрѣлицѣ, Корочанскаго уѣзда, крестьяне также принялись за горшечный промыселъ, и на рынкѣ стали предпочитать ихъ издѣлія Терновскимъ и Шопинскимъ, въ виду того, что глина въ сл. Стрѣлицѣ оказалась, въ качественномъ отношеніи, гораздо лучше, чѣмъ въ Терновкѣ. Такимъ образомъ вздорожаніе лѣсовъ и конкуренція Стрѣлицкихъ гончаровъ почти совершенно убили производство горшковъ въ Терновкѣ. 20—30 лѣтъ тому назадъ гончарнымъ дѣломъ здѣсь, въ обоихъ названныхъ селеніяхъ, занималось около 150 семей, въ настоящее же время горшки дѣлаютъ въ Терновкѣ 32 семьи (42 чел.), въ Шопинѣ 18 семей (23 чел.), рекрутирующихся „изъ тѣхъ, что побѣдиѣ“; а тѣ, кто былъ носостоятельнѣе, производство совершенно бросили и стали, вмѣсто этого, заниматься развозкой горшковъ по округѣ, скуная ихъ частію у своихъ Терновскихъ и Шопинскихъ горшечниковъ, частію въ Стрѣлицѣ. По переписи, произведенной агентами статистическаго бюро, въ концѣ минувшаго 1884 года, торговцевъ горшками оказалось: въ Шопинѣ — 44 чел., въ Терновкѣ 134 чел.

Въ с. Большой Холани, Новооскольскаго уѣзда, промыселъ ведется изстари. За послѣднее время количество кустарей стало уменьшаться въ виду того, что лѣса вздорожали: невыгодно работать.

Тоже самое слѣдуетъ сказать о горшечномъ промыслѣ въ слоб. Борисовкѣ, гдѣ гончары давно уже стали жаловаться на недостатокъ глины и дороговизну. По общимъ отзывамъ, количество горшечниковъ здѣсь съ каждымъ годомъ уменьшается.

Единственное мѣсто, гдѣ горшечный промыселъ держится крѣпко въ населеніи и даже развивается—это сл. Стрѣлица, Нечаевской вол., Корочанскаго уѣзда. Начался промыселъ здѣсь, по отзывамъ крестьянъ, не особенно давно, лѣтъ 20—30 назадъ и,

благодаря прекрасному качеству здѣшней глины, быстро пошелъ въ гору, потому что горшки здѣшняго приготовленія, скоро вытѣснили на ближнихъ рынкахъ Терновскіе и Михайловскіе издѣлія. Вслѣдствіе этого, не смотря на страшную дороговизну дровъ въ настоящее время, производство здѣсь съ каждымъ годомъ все расширяется, и количество кустарей годъ отъ году увеличивается.

Горшки работаютъ обыкновенно и лѣтомъ, и зимою. Особыхъ помѣщеній у горшечниковъ нѣтъ, въ виду того, что нѣтъ большихъ мастерскихъ; каждый съ своей семьей работаетъ у себя въ хатѣ; при чемъ болѣе 3 круговъ въ одной избѣ никогда не бываетъ. Тутъ же, въ избѣ, горшки „проваливаются“, т. е. слегка просушиваются до обжиганія. Горны для обжиганія устраиваются обыкновенно гдѣ-нибудь „на задахъ“, на усадьбѣ, или на выгонѣ; въ послѣднемъ случаѣ онъ обгораживается невысокимъ $1\frac{1}{2}$ —2 аршиннымъ плетнемъ въ предупрежденіе отъ порчи со стороны скотины. По формѣ горнъ похожъ на опрокинутую чашу, сажени въ 2—3 въ окружности, и аршина 2 — $2\frac{1}{2}$ вышины надъ поверхностію земли. Сверху находится отверстіе, въ $\frac{1}{2}$ — $\frac{3}{4}$ арш. въ діаметрѣ. Внизу, подъ куполомъ, ровный *подъ*, внизу котораго проведены дымовыя трубы изъ печи, устраиваемой сбоку горна, въ землѣ; на поду устанавливаются горшки при обжиганіи. Горнъ весь дѣлается изъ глины; кирпичъ, вслѣдствіе своей дороговизны, употребляется весьма рѣдко. Устраивается горнъ въ большинствѣ случаевъ руками самихъ горшечниковъ; для этого потребуется одному недѣли 3—5 времени; въ виду этого стоимость горна въ 500 горшковъ можно опредѣлить въ 8—10 р., кирпичный—въ 20 руб.; горнъ въ 1000 горшковъ обходится въ 20 р.—простой глиняный и въ 30—40 р. кирпичный.

Горны имѣются обыкновенно не у cadaго хозяина; они устраиваются всегда тремя или четырьмя горшечниками вмѣстѣ, въ складчину. Дѣлается это частію въ видахъ дороговизны первоначальнаго устройства горна, частію же изъ экономіи дровъ. Члены артели, товарищи по горну, стараются, чтобы горнъ не остывалъ, и какъ только одинъ кончаетъ обжиганье и вынимаетъ изъ горна

горшки, другой тотчас же начинает туда накладывать свои, потому что, въ противномъ случаѣ, если онъ не исторопится этого сдѣлать, горнъ остынетъ, и ему придется истратить дровъ на нѣсколько копѣекъ больше, чтобы разогрѣть подъ и стѣнки горна. Въ зимнюю пору иногда бываетъ, что горнъ, влѣдствіе временнаго перерыва въ работахъ, застынетъ совсѣмъ, занесется снѣгомъ, такъ что для одного разогрѣванья его дровъ необходимо на $1\frac{1}{2}$ —2 рубля. Въ такихъ случаяхъ „артельщики“ разогрѣваютъ его сообща, складываясь дровами поровну.

Инструментъ у гончара весьма незамѣливъ:

а) *кругъ*, на которомъ производится работа, дѣлается самими кустиарами; стоимость его—50 коп.; столяры работаютъ его по заказу за 75 коп.—1 руб.;

б) *скребокъ* желѣзный, родъ плотничьяго скребла, съ двумя деревянными ручками,—10—15 коп.; покупается въ мѣстныхъ лавкахъ;

в) деревянный *ножикъ* для выравниванія перовностей на горшкѣ во время ихъ производства; стоимость его до того незнательна, что ее даже опредѣлить трудно; ножикъ этотъ каждый производитель дѣлаетъ самъ для себя, а сдѣлать его можно изъ каждой щепки;

д) деревянное *ведро съ ковшомъ*, для заливки горна,—30 к.;

е) *ожигъ*—простая деревянная палка, аршина 2— $2\frac{1}{2}$ длиною, для выниманія горшковъ изъ горна—2—3 коп.

Вотъ и всѣ инструменты горшечника. Если произвести имъ самую строгую оцѣнку, то стоимость ихъ, во всякомъ случаѣ, не превыситъ $1\frac{1}{2}$ рублей. Если же прибавить сюда стоимость горна, то найдемъ, что весь основной капиталъ средняго гончара будетъ равняться 10 руб.—при глиняномъ горнѣ, и 15—20 руб.—при кирпичномъ. На ремонтъ горна и инструментовъ ежегодно тратится 3—4 рубля.

Материалъ производства *сырая глина*, обладающая особенно клейкостію и эластичностію. Въ сл. Великой Михайловкѣ горшеч-

ники не имѣютъ своей глины и покупаютъ ее у крестьянъ х. Барсука, той же Велико-Михайловской волости, которые привозятъ ее сюда (за 10 верстъ) на базары, или по особому заказу. Въ Барсуку крестьяне сами горшковъ почти не дѣлаютъ; они специально занимаются добываніемъ глины для Михайловскихъ гончаровъ. Въ с. Терновкѣ, Шонинѣ, Холани и Стрѣлицѣ у производителей глина своя; копаются ими на своихъ земляхъ.

Михайловскіе гончары платятъ Барсуковцамъ за возъ глины, въ 5—7 пудовъ,—зимою 30—35 коп., лѣтомъ—50 коп., во время жнивья—60 коп., или ереднимъ счетомъ—по 47 коп., за возъ. Дешевизна глины зимою объясняется тѣмъ, что въ это время она копается и провозъ ея въ ту пору бываетъ очень легокъ; по зимней дорогѣ лошадь шута везетъ 5—7 пудовую кладь. Лѣтомъ и особенно во время жнивья, Барсуковцы берутъ за глину дороже, потому что въ это время провозъ обходится дороже, такъ какъ для этого нужно терять цѣлый рабочій день.

На поливу для горшковъ идетъ *свинцовъ листовой*,—по большей части съ цибиковъ изъ подъ чаю; берутъ его въ бакалейныхъ лавкахъ; стоимость—3 руб. пудъ. На горнъ въ 500 горшковъ свинцу идетъ обыкновенно около 10 фун., на 75 коп. Сюда же идетъ *деготь товарный*, „московскаго перегона“, по 4 коп. фунтъ; на горнъ указанной величины идетъ его до 25 фун., на 1 рубль. Деготь употребляется для смазки горшка, чтобы полива пристала къ нему крѣпче.

Если нужно сдѣлать поливу зеленого цвѣта, то употребляютъ для этого *перезжевленную мѣдь* (обрѣзковъ и лому), которой на горнъ идетъ до $2\frac{1}{2}$ фунт.,—приблизительно на 30—40 коп.; для поливы бураго цвѣта употребляютъ марганецъ, или, какъ называютъ его крестьяне—*брюнитъ*; для желтой поливы употребляютъ такъ называемую *циндру*, или „жужелицу“—просто кузнечный „шкваръ“ „дрызгу“, по 2 ф. на горнъ; шкваръ не покупается, его берутъ даромъ въ мѣстныхъ кузницахъ.

Кромѣ того, при закаливаніи горшковъ употребляютъ *освященную муку*, которой на каждый горчъ въ 500 горшковъ идетъ 3—4 фунта.

Полива дѣлается по большей части только внутри горшковъ, а для окраски ихъ снаружи употребляютъ окру, которая покупается въ мѣстныхъ лавкахъ по 8—10 коп. за 1 фунтъ. Фунта хватитъ на окраску цѣлаго горна.

Дрова для обжиганія горшковъ идутъ „самыя худыя“, „абы только горѣли“; для обжиганья горна, въ 500 горшковъ, дровъ требуется не менѣе, какъ 2—3 воза „хворостняку“, по 60—70 к. за каждый, — значить, всего на 1 р. 20 коп.—2 руб. 10 коп., или, среднимъ числомъ, на 1 руб. 65 коп. Покупаютъ ихъ на базарахъ и въ сосѣднихъ помѣщичьихъ экономіяхъ. Нѣкоторые производители за послѣдніе годы стали обжигать свои издѣлія соломой и кизякомъ. Горшки обжигаются прекрасно, но за то въ этомъ случаѣ теряется слишкомъ много времени: вмѣсто 20 часовъ, процессъ обжиганія продолжается около 2 сутокъ, а это, конечно, составляетъ большой расчетъ для горшечниковъ.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о самомъ производствѣ работъ и приемахъ, которые при этомъ употребляются производителями. Начнемъ съ добыванія глины.

Копается горшечная глина только зимою, съ половины ноября до конца февраля, потому что только зимою, во время морозовъ ее и можно раскапывать; въ лѣтнюю же пору ее рыть опасно, такъ какъ рыхлая земля, которая окружаетъ ее, легко можетъ обвалиться и засыпать рабочаго. Даже и зимою не всегда удается уберечься отъ обваловъ, и нерѣдко добыватели глины находятъ себѣ смерть въ темныхъ изгибахъ глиняной шахты, погибая изъ-за копѣечнаго заработка, который приносятъ имъ этотъ промыселъ. Шахты копаются до 10 сажень глубины; при чемъ она идетъ не по прямой линіи и не по одному направленію, а изгибами, постоянно отклоняясь въ разные стороны. Для удобства работы ра-

бочіе соединяются въ артели по 5—8 челов., изъ которыхъ одинъ отправляется на самое дно шахты и, ломая, тамъ глину, передаетъ ее своимъ товарищамъ, которые становятся неподалеку одинъ отъ другаго, по всей длинѣ шахты, до самаго ея выхода. Такимъ путемъ глина тотчасъ же выносится наружу. Шахта дѣлается обыкновенно очень низкой, такъ что по ней можно ходить только согнувшись въ три погибели. Работаютъ съ „масляками“ и „каганцами“. На самомъ днѣ шахты, гдѣ производится работа, бываетъ обыкновенно страшно душно—„мразно“, какъ говорятъ крестьяне, вследствие чего рабочій, ломающій глину, не можетъ пробыть тамъ болѣе 2—3 часовъ и принужденъ выходить оттуда на вольный воздухъ, чтобы освѣжиться. Послѣ этого ломать глину, идетъ другой рабочій, а первый, который вышелъ оттуда становится принимать глину и т. д., поочередно.

Инструменты, употребляющіеся при добываніи глины: *лопатка, заступъ желѣзный англійскій, кирка, веревка и моток*; всего на 2 руб. 50 коп.; кромѣ того, въ „жерло“ шахты вставляется *деревянная рама*, стоящая около 1½—2 руб., а толчки въ корридорахъ шахты подпираются толстыми *колыями*, стоимость которыхъ въ общей сложности равняется 1—1½ руб. Лопатка, заступъ и кирка должны быть у каждаго рабочаго; все остальное составляетъ собственность артели. Значить, весь основной капиталъ каждаго, добывающаго глину, не превосходитъ 3 рублей. Ежегодный ремонтъ ихъ обходится въ 1—2 руб.

Въ день артель въ 4 человекъ можетъ накопать около 15 возовъ глины при готовой уже расчищенной шахтѣ; если же считать время, употребляемое производителями на поиски глины и на расчистку шахты, то выйдетъ, что артель, въ 4 чел., больше 6—8 возовъ въ день не добудетъ. Значить, на каждаго рабочаго приходится по 1¾ воза въ сутки. Рабочій сезонъ продолжается всего около 90 дней, стало быть, на долю каждаго рабочаго за зиму придется около 110 возовъ на сумму 51 руб. 70 коп.

Въ х. Барсукъ, Велико-Михайловской вол., гдѣ крестьяне въ числѣ 35 дворовъ, заняты специально добываніемъ глины для Михайловскихъ горшечниковъ, за послѣдніе годы стали жаловаться на то, что количество глины у нихъ въ горѣ стало уменьшаться. Прежде, какихъ-нибудь 20 лѣтъ назадъ, глину брали здѣсь почти на самой поверхности земли, теперь же проводятъ иногда шахту на 12—15 сажень въ глубь земли и все таки не находятъ глины. Скоро, вѣроятно, она и совсѣмъ истощится, и Михайловскіе гончары должны будутъ прекратить свое производство.

Въ сл. Борисовкѣ, Грайворонскаго уѣзда, а также въ с. Терновкѣ и Шониѣ, Бѣлгородскаго уѣзда, въ сл. Холани, Новооскольскаго уѣзда, въ сл. Стрѣлицѣ, Корочанскаго у., глину добываютъ сами горшечники, занимаясь этимъ также въ зимнюю пору.

Купленная глина сваливается горшечниками обыкновенно на дворѣ, возлѣ избы, въ одну кучу. По мѣрѣ надобности ее берутъ отсюда, пудовъ по 5 заразъ и если дѣло происходитъ лѣтомъ начинаютъ мять тутъ же на дворѣ, на расчищенномъ для этого мѣстѣ; зимою же переносить ее въ избу, гдѣ сначала оттаиваютъ и затѣмъ мнутъ прямо на земляномъ полу хаты, тщательно выбирая изъ нея всѣ камешки, щепки и т. п. Въ концѣ концовъ, глина прекращается въ мягкую, клейкую массу, вродѣ оконной замазки. Затѣмъ, раздѣляютъ ее на небольшіе комки, смотря по величинѣ посуды, которую намѣреваются дѣлать, и раскладываютъ эти комья по лавкѣ, возлѣ работающихъ на кругу. Для того, чтобы приготовить глину для круга, одинъ рабочій долженъ употребить около 10 часовъ, т. е. почти цѣлый рабочій день. При работѣ на кругу, каждый горшечникъ въ теченіи 10—12 часовъ можетъ сработать отъ 25—100 штукъ горшковъ средней величины. Сырня издѣлія, снятыя съ круга, поступаютъ на столы, на полки и лавки—вся изба обставляется ими, и такъ стоятъ они въ теченіе сутокъ „вянуть“, „провѣтриваются“; затѣмъ ихъ ставятъ на печь для просушки. Въ видахъ экономизаціи теплоты, печи у горшечниковъ устраиваются всегда по черному, безъ трубы.

Цѣль при этомъ достигается: при меньшей затратѣ дровъ, горшечнику удастся высушить большее количество горшковъ, но за то черныя печи, дымныя и угарныя, слишкомъ дорого обходятся для его здоровья.

Когда у горшечника накопится 500 горшковъ, ихъ переносятъ въ горнъ и раскладываютъ огонь въ печѣ. Тутъ же дѣлается и полива на горшкахъ. Для этого горшокъ внутри смазывается сначала дегтемъ и посыпается пережженнымъ и просѣяннымъ чрезъ частое сито свинцомъ, къ которому прибавляютъ также известную часть порошка переженной мѣди, или жужелицы, или марганцу, смотря по тому, какого цвѣта полива необходима для горшковъ.

Средній горнъ въ 500 горшковъ обжигается обыкновенно въ теченіе 1 сутокъ. Черезъ 6—7 часовъ послѣ начала обжиганія, горшки совершенно просохнутъ и покраснѣютъ; въ это время изъ верхняго отверстія горна, которое все время остается открытымъ, показываются языки пламени. Если мастеру нужно получить горшокъ краснаго цвѣта, онъ оставляетъ отверстіе не закрытымъ во все время обжиганія; если же требуются черныя горшки, онъ заваливаетъ сверху отверстіе дерномъ, землею, камнями, „чтобы никакой духъ не проходилъ сюда.“ Вслѣдствіе этого, тяга совершенно прекращается; горнъ наполняется дымомъ, копотью, и горшки получаютъ темносиній цвѣтъ. Если отверстіе у горна не заваливать, то благодаря свободной тягѣ горшки обжигаются вдвое скорѣе, чѣмъ при заваливаніи; для горна въ 500 горшковъ въ этомъ случаѣ нужно не болѣе 10—12 часовъ. Но за то при этомъ и дровъ идетъ въ полтора раза больше обыкновеннаго.— Браку на каждый горнъ обыкновенно бываетъ отъ 50—250 штукъ, или, въ среднемъ, около 10% всѣхъ издѣлій.

Вынимаютъ горшки изъ горна при помощи „ожига“, большой деревянной палки. При выниманіи горшки опускаются въ воду, для „закала“, для большей крѣпости. Закаливаніе производится

чаще всего не въ простой водѣ, а съ примѣсю овсяной муки, отчего горшки пріобрѣтаютъ большую крѣпость и глянцовитость.

Работа производится повсемѣстно и лѣтомъ, и зимою. Горшечники въ большинствѣ случаевъ принадлежатъ къ бѣднѣйшей части населенія; ни лошадей, ни рабочаго хозяйственнаго инвентаря они не имѣютъ и земледѣльческимъ трудомъ совсѣмъ не занимаются, такъ что все свое время посвящаютъ исключительно промыслу. Впрочемъ, слѣдуетъ отличать гончара Великой Михайловки, Борисовки, Холани, настоящаго специалиста, знающаго одинъ только свой кругъ, отъ гончаровъ сл. Терновки, Шопина и Стрѣлицы. Тогда какъ первые давно уже побросали свои надѣлы и живутъ исключительно промысломъ, изъ послѣднихъ около 50% всѣхъ производителей не прерываютъ связи съ землею и такъ или иначе держатся за нее, обрабатывая свои надѣлы, съ грѣхомъ пополамъ, силами своей семьи, на наемной лошади. Сдавать же совершенно свою землю „въ люди“ они не рѣшаются, причиною чего служатъ главнымъ образомъ старая земледѣльческія традиціи, еще не умершія совершенно подъ гнетомъ нужды, развившейся за послѣднее время. Вслѣдствіе этого какъ Терновскіе, такъ и Стрѣлицкіе горшечники посвящаютъ промыслу своему нѣсколько менѣе рабочихъ дней въ теченіе года, чѣмъ горшечники Великой Михайловки и Борисовки. Послѣдніе работаютъ надъ горшками въ теченіе года въ среднемъ около 260 дней, тогда какъ терновцы и стрѣличане — не болѣе 170 дней. При этомъ, нѣтъ сомнѣнія, и самая продуктивность работы горшечниковъ-терновцевъ не можетъ идти въ сравненіе съ продуктивностію работы гончара Михайловскаго, который, какъ настоящій специалистъ, легко выгоняетъ въ день 70 и даже 100 штукъ горшковъ средней величины, тогда какъ Терновець и Стрѣльчанинъ работаетъ обыкновенно не болѣе 35—50 штукъ въ день.

Въ Великой Михайловкѣ въ гончарной работѣ принимаютъ участіе не только мужчины, но и женщины; работаютъ они не только дома, но и ходятъ по найму въ поденную къ болѣе

крупнымъ предпринимателямъ, вмѣстѣ съ своими мужьями и братьями. Въ другихъ мѣстахъ разсматриваемаго района горшечнымъ производствомъ занимаются только одни мужчины. Мальчики въ „ученики“ къ чужимъ мастерамъ рѣдко отдаютъ и заучаются по большей части у своихъ отцовъ и матерей. Начинаютъ они обучаться этому дѣлу лѣтъ съ 8—10. На первыхъ порахъ ихъ обыкновенно заставляютъ только приглядываться къ дѣлу, принимать сырые горшки съ круга и разставлять ихъ по лавкамъ для проваливанія; потомъ, лѣтъ съ 13—14, ихъ сажаютъ уже за круги и даютъ работать сначала наиболѣе простыя и дешевыя сорта издѣлій—покрышки, а затѣмъ уже они мало по малу переходятъ къ плоскамъ, ринкамъ и горшкамъ.

Работа у горшечника начинается обыкновенно съ ранняго утра, часовъ съ 6—7 и продолжается, съ небольшими промежутками для ѣды, до 10—11 часовъ вечера. Вечеромъ работаютъ при свѣтѣ лучины или каганца, рѣдко съ лампой, потому что это послѣднее освѣщеніе кажется горшечнику слишкомъ дорогимъ. Освѣщеніе, понятво, не слѣдуетъ относить къ расходамъ производства, потому что огонь въ хатѣ все равно зажигали бы, если бы даже въ семьѣ никто и не занимался этимъ промысломъ.

Принципъ раздѣленія труда въ производствѣ почти совершенно отсутствуетъ. Онъ выражается отчасти только въ двухъ фактахъ: 1) стружку глины и ея преминку многіе горшечники поручаютъ бабамъ, и 2) горшечники Великой Михайловки сами глины не добываютъ, а покупаютъ уже готовую, парятую глину у крестьянъ хут. Барсука.

Не смотря на всю видимую простоту гончарнаго промысла, врядъ ли сыщется другое какое-нибудь производство, гдѣ бы рабочій изготовлялъ такое множество разнообразныхъ сортовъ, какое мы видимъ въ гончарномъ промыслѣ. Стараясь приспособиться къ разнообразнымъ вкусамъ и потребностямъ покупателей и стремясь во чтобы то ни стало угодить имъ, горшечникъ пускаетъ въ ходъ всѣ средства своей творческой фантазіи и безконечно варьируетъ

формы и цвѣта своихъ издѣлій. У него нѣтъ одного, разъ навсегда опредѣленнаго шаблона, которому бы онъ рабски слѣдовалъ; уже самое свойство работы, повидимому, исключаетъ возможность такого шаблона. Размятая глина настолько эластична и мягка, что какъ ни верти ее на „болванѣ“, какъ ни старайся, а въ результатѣ изъ 10 сработанныхъ горшковъ не выберешь и двухъ которые были бы совершенно одинаковы: непременно получится, что одинъ горшокъ больше, другой меньше, у одного „пличико“ образуетъ уклонъ въ 75° , у другаго въ 78° и т. д. Поэтому, гончаръ по большей части стоитъ аи constant своего времени, если можно такъ выразиться. Разъ возникаетъ въ деревнѣ какал-нибудь новая потребность, въ болѣе или менѣе близкой степени соприкасающаяся съ его мастерствомъ, онъ, если возможно, придумываетъ тотчасъ же новую форму въ своихъ издѣліяхъ, для удовлетворенія этой вновь народившейся потребности. Стали, напр., за послѣднее время въ деревняхъ по нашимъ краямъ много картофеля разводять, — онъ выдумалъ нѣсколько новыхъ формъ „риночекъ“, предназначенныхъ специально для жаренья картофеля; стали мужики чайкомъ баловаться, самоваровъ себѣ понакупили, — онъ сталъ готовить чайники изъ глины; въ одномъ мѣстѣ намъ рассказывали, что былъ даже опытъ приготовленія самовара изъ глины, но оказался неудачнымъ, потому что вода въ такомъ глиняномъ самоварѣ, — вслѣдствіе ли того, что онъ былъ плохо сдѣланъ, или почему-нибудь другому, слишкомъ долго не кипѣла, такъ что углей на него шло очень много... Особенно изобрѣтательными въ этомъ отношеніи, являются горшечники Великой Михайловки, вообще первенствующие и задающіе тонъ въ горшечномъ мѣрѣ взятаго нами района. Перечислимъ здѣсь главнѣйшіе сорта производимыхъ горшечниками издѣлій.

Горшки разной величины, для каши, щей и супу, отъ 1—5 коп. за штуку.

Глишки — для молока — 2—4 коп.

Корчаги — для бѣленія холстовъ и для квасу — 8—12 коп.

Ринки — для жаренья картофеля, простыя, разной величины — 2—4 коп.

Риночки — для жаренья картофеля, съ особо вылѣпленной для масла чашкою по срединѣ, — 4—7 коп.

Риночки для масла, 2 коп.

Миски — для ѣды, по 3—10 коп.

Кувшины, квасные, большіе, по 8—12 коп.

Кувшины, квасные, малые, замѣняющіе жбаны, 4—8 коп.

Чайники — 5—6 коп.

Плошки — для цвѣтовъ — 3—10 коп.

Поддонники для этихъ плошекъ — 1—2 коп.

Черепки для дымовыхъ трубъ — 10 коп.

Крышки для ульевъ, предохраняющіе пчелъ отъ дождя и сырости — 10—20 коп. Онѣ бывають величиною до 1 аршина въ діаметрѣ.

Доежки — 5—6 коп.

Кружки для воды — 2—5 коп.

Рукомойники — 4—7 и до 10 коп.

Бараны для водки, очень оригинально сдѣланные, по 20—80 коп. за штуку.

Баклаги — для водки и воды, по 10—15 коп.

Свистульки для дѣтей, въ формѣ коньковъ и собачекъ, отъ 1—5 коп.

Цѣна за каждый сортъ представлена здѣсь нами для розничной продажи; при продажѣ оптомъ, по-сотенно, она бываетъ обыкновенно гораздо ниже — отъ 1,1—2 руб. за сотню.

Организація горшечнаго производства въ различныхъ мѣстностяхъ взятаго нами района неодинакова. Въ сл. Стрѣлицѣ, Терновкѣ, Шопинѣ, Холани, Анновкѣ, Покровскомъ промыселъ организованъ на началахъ мелкой, чисто кустарной промышленности.

Здѣсь каждый производитель работает самостоятельно, самъ отъ себя, обходится при работѣ силами своей семьи и сбываетъ продукты своего производства непосредственно потребителямъ. Въ Великой же Михайловкѣ и Борисовкѣ горшечный промыселъ уже въ значительной степени усвоилъ себѣ организацію крупнаго домашняго производства. Здѣсь, кромѣ самостоятельныхъ кустарей, есть еще такіе, которые работают на другихъ по найму—сдѣльно, съ платою отъ сотни, или поденно. Вообще всѣхъ горшечниковъ сл. Великой Михайловки можно раздѣлить на 3 группы: 1) кустари-предприниматели, сами работающіе на кругу и нанимающіе другихъ работать поштучно; 2) кустари—одиночки, работающіе для рынка самостоятельно, въ своихъ домахъ; 3) рабочіе, которые берутъ матеріалъ для выработки и работают на хозяина у себя на дому. Торговцы горшками, скупающіе продукты производства у мелкихъ кустарей и крупныхъ предпринимателей, не могутъ быть, разумѣется, отнесены къ числу производителей и потому мы ихъ сюда не помѣщаемъ; о нихъ рѣчь впереди.

Рабочихъ первой и второй группы въ Великой Михайловкѣ и Борисовкѣ считается 85 семей съ 98 чел. своихъ, работниковъ-же производителей, работающихъ сдѣльно на хозяина, 118 чел., въ томъ числѣ: мужчинъ 84 чел., бабъ 34 чел. Мужчины работают на хозяевъ и поденно, и поштучно, бабы же всегда только поденно. При этомъ, при поденномъ наймѣ, работа производится въ хатѣ у хозяина—нанимателя, на его кругѣ при поштучной—у себя дома; харчи и въ томъ, и въ другомъ случаѣ свои. Мужчинѣ платятъ поденно—отъ 20—30 коп., бабѣ—15—20 коп. Поштучная, сдѣльная плата мужчинѣ: за сотню большихъ тазовъ, имѣющихъ въ діаметрѣ около $\frac{1}{2}$ аршина—50 коп.; при чемъ, въ день хорошій рабочій можетъ выгнать до 50 штукъ; за сотню горшковъ средней величины—35 коп., 1 день работы; за сотню кувшиновъ. обыкновенныхъ, съ ручками,—50 коп., въ день выгоняютъ по 70—80 штукъ; за большіе кувшины квасные, также съ ручками, по 2 коп. отъ штуки, въ день можно сработать отъ

15—25 штукъ. Значитъ при поштучной работѣ въ день производитель заработаетъ отъ 20—60 коп.

Отхожіе горшечники работают въ большинствѣ случаевъ по найму у хозяевъ, получая по 5—6 р. за тысячу; за лѣтніе мѣсяцы опытный, хорошій работникъ можетъ сработать до 6 тысячъ гуртомъ, обыкновенный же, средній работникъ выдѣлываетъ отъ 4—5 тыс., или, среднимъ числомъ, по $4\frac{1}{2}$ тыс. въ лѣто. Прежде горшечники уходили болѣе всего въ Старобѣльскій уѣздъ, но въ виду того застоя, которое испытываетъ производство за послѣдніе годы, многіе горшечники стали даже уходить въ даль „на Украину“—въ Екатеринославскую, Ставропольскую губ., въ Ростовъ-на-Дону, гдѣ нерѣдко и поселяются навсегда, приписываясь къ сельскимъ, или городскимъ обществамъ.

Общій годовою заработокъ каждого производителя, работающаго по найму отъ другихъ, можно опредѣлить приблизительно въ 60—90 руб. Если принять во вниманіе, что промыселъ у такихъ рабочихъ составляетъ главную и единственную статью дохода, на который семья должна прокормиться въ теченіе всего года, то заработокъ этотъ, конечно, не покажется значительнымъ.

Общая производительность кустарей разныхъ мѣстностей, какъ мы уже говорили, далеко не одинакова. Горшечники Великой Михайловки и Борисовки, посвящаютъ промыслу въ теченіе года 260 дней и за годъ, несомнѣнно, выдѣлываютъ большее количество издѣлій, чѣмъ производитель всѣхъ другихъ мѣстностей, работающихъ за кругомъ всего 170 дней. Если остановиться на 30 горшкахъ средней величины, какъ на нормѣ ежедневнаго производства, то окажется, что каждый горшечникъ Михайловскій и Борисовскій, производятъ въ теченіе года, за исключеніемъ брака, всего около 7020 шт. горшковъ, на сумму 210,6 руб.; женщина же поденьница производитъ ежегодно до 4000 горшковъ, на 120 р. Общее же ихъ годовое производство составляетъ 1,601,900 шт. горшковъ, на сумму 48,057 руб. сер. Въ другихъ же мѣстностяхъ

горшечного района въ Шопинѣ, Терновкѣ и т. д. каждый рабочий (мѣстный) производитъ въ теченіе года—опять таки за исключеніемъ брака, всего 4590 шт. горшковъ, на сумму 138 руб. Общій же итогъ ихъ годового производства равняется 247,860 шт., на сумму 7,436 руб. Всѣ же горшечники описываемаго района производятъ въ годъ 1,849,760 шт. горшковъ, на сумму 55,492,3 руб.

Чтобы вывести, чему равняется чистый доходъ, получаемый съ промысла кустаремъ-горшечникомъ, нужно приять во вниманіе его затраты на производство. Основной капиталъ его—горнъ съ инструментомъ стоитъ отъ 10—22 руб.—или, среднимъ числомъ 16 руб.; оборотный же капиталъ составляется изъ слѣдующихъ элементовъ:

на каждые 100 штукъ горшковъ нуж-	
но глины *), въ среднемъ, на	- 20 коп.
свинцу листового - - - -	15 "
перезженной мѣди на - - - -	7—8 "
овсяной муки на - - - -	2—3 "
дегтю товарнаго на - - - -	20 "
дровъ на - - - -	40 "
0/0 на погашеніе основнаго капитала -	20 "
<hr/>	
Итого	- 1 р. 25 коп.

Сотня горшковъ продается обыкновенно отъ 1 р. 10 коп. (при оптовой продажѣ скупщикамъ) до 5 р. (при розничной продажѣ съ мѣною на хлѣбъ).

Стало бытъ, затраты производства поглащаютъ 50% валоваго дохода горшечника. Чистый же доходъ его въ теченіе года будетъ равняться: въ Великой Михайловкѣ—105 руб., въ другихъ же мѣстахъ—69 руб.

Сбытъ горшковъ организованъ весьма оригинально. Производитель въ большинствѣ случаевъ сбываетъ свои издѣлія самъ, не

*) На горнъ въ 500 шт. горшковъ, глины идетъ обыкновенно около 2 возовъ.

прибѣгая къ услугамъ скупщиковъ. Такъ дѣлается не только въ Терновкѣ, Стрѣлицѣ и Шопинѣ, но даже иногда и въ Великой Михайловкѣ, гдѣ производство организовано на началахъ, весьма приближающихся къ типу крупной, капиталистической промышленности. У кого есть лошадь, тотъ ѣдетъ продавать на своей лошади; безлошадные же домохозяева или нанимаютъ лошадь у соседей, платя по 4—6 руб. въ недѣлю, или же отдаютъ свои горшки на комиссію тѣмъ, у кого есть лошадь, съ платою по 1—1½ руб. съ сотни. Ѣздить продавать горшки по базарамъ и ярморкамъ; продаютъ также и по деревнямъ, вымѣнивая ихъ на рожь, пшеницу и овесъ. За каждые 3—4 горшка средней величины обыкновенно берутъ 2—3 гарица ржи или овса, т. е. отъ 9—14 коп.; но бываетъ нерѣдко и такъ, что горшечникъ, видя неопытность бабы-покупательницы, сдеретъ съ нея за горшокъ столько ржи или овса, сколько его въ тотъ горшокъ умѣстится можетъ: „на то и щука въ морѣ, чтобы карась не дремалъ“ со смѣхомъ говорятъ по этому поводу сами гончары.

Отправляясь въ путь-дорогу, гончаръ обыкновенно беретъ горшковъ разныхъ сортовъ, смотря по спросу на нихъ. Издѣлій большаго размѣра берется обыкновенно меньше, чѣмъ мелкихъ горшковъ—„кашниковъ“ и „махотокъ“. Какихъ-нибудь „черенней“ для трубъ или покршекъ для ульевъ въ возу у гончара всего по 2—3 штуки, тогда какъ рынокъ для жаренья картофеля бываетъ по 30—40 штукъ. Опытные, бывалые горшечники знаютъ, сколько надобно брать горшковъ того или иного сорта, чтобы удовлетворить всѣмъ требованіямъ деревни и скоро распродать свой товаръ. На 1 возъ накладывается обыкновенно 1½—2 сотни горшковъ разныхъ сортовъ и размѣровъ. Возъ распродается въ теченіе 1½—2 недѣль. Чистой прибылію онъ приноситъ горшечнику отъ 1—10 руб., смотря по искусству продавца и по времени года. Самое благопріятное время для продажи горшковъ—осень и начало зимы, потому что въ эту пору хлѣба по деревнямъ много, бабы не жмутся и щедро отсыпаютъ горшечнику гарицы ржи и овса въ обмѣнъ за его из-

дѣлія, и въ деревняхъ, и на ярмаркахъ тогда торговля горшками идетъ бойко, — только подавай.

Многіе безлошадные горшечники сами съ горшками не ѣздятъ, а продаютъ ихъ на мѣстѣ мелкимъ скупщикамъ, которые забираютъ у нихъ товаръ по-сотенно и цѣлыми горнами. Сотня стоитъ 1 р. 10 коп. — 1 р. 20 коп., а осенью, начиная съ Рождества Богородицы и до Николаина дня, цѣна доходитъ до 2 руб. Скупщики живутъ не только по тѣмъ селеніямъ, гдѣ существуетъ производство горшковъ, но и въ другихъ деревняхъ Бѣлгородскаго, Корочанскаго и Новооскольскаго уу. Они пріѣзжаютъ за горшками въ мѣста производства иногда за 80—100 верстъ. Это занятіе уже издавна сдѣлалось особымъ промысломъ многихъ крестьянъ, какъ, напр., плотничество, или косовица. Всѣхъ торговцевъ горшками зарегистрировано нашей переписью по восточной половинѣ губерніи 189 чел.; въ томъ числѣ: въ Новооскольскомъ уѣздѣ 129 чел., въ Корочанскомъ 21 чел. (по 18 деревнямъ) въ Бѣлгородскомъ 17 чел. (по 3 дер.), въ Грайворовскомъ 10 чел. (по 3 селен.), въ Тимскомъ 21 чел. (по 6 деревнямъ). Особенно много ихъ въ Терновеѣ, Великой Михайловкѣ, Стрѣлицѣ и д. Подвислой.

Скупщики развозятъ горшки по базарамъ и деревнямъ, продавая ихъ тѣмъ же способомъ, какъ и сами горшечники производители, т. е. вымѣнивая въ большинствѣ случаевъ на зерновой хлѣбъ. Уѣзжая изъ дома съ горшками, скупщики паспортовъ никогда не берутъ. Ѣздятъ только по зимамъ. Съ каждаго воза горшковъ они выручаютъ около 25 пудовъ хлѣба, который продаютъ по 30—50 коп. въ хлѣбные лавки, въ городѣ или большихъ торговыхъ селахъ вродѣ Михайловки. Такая низкая цѣна на ихъ хлѣбъ объясняется тѣмъ, что онъ „сборный“, разнокачественный, въ немъ зачастую попадаетъ много „мышьяди“ или „перележалого“ зерна. Для посѣва этотъ хлѣбъ негоденъ, онъ идетъ только на потребленіе. Годовая чистая выручка каждаго скупщика-торговца горшками отъ 50—100 руб.

О вліяніи горшечнаго производства на экономической и сельско-хозяйственный бытъ деревни мы здѣсь говорить не будемъ, такъ какъ объ этомъ уже было сказано подробно въ I т. „Общаго Сборника“ (стр. 181—182).

Санитарныя условія горшечнаго производства въ высшей степени неблагопріятны для здоровья рабочихъ. Хаты у гончаровъ въ большинствѣ случаевъ глиняныя и зимою въ нихъ, даже при хорошей топкѣ, бываетъ сыро и холодно. Постоянное присутствіе глины и сырыхъ горшковъ въ избѣ еще болѣе усиливаетъ эту сырость. Стѣны постоянно мокры отъ испареній; на полу — грязь невылазная, такъ какъ, въ видахъ экономіи, горшечники деревянныхъ половъ въ своихъ хатахъ никогда не дѣлаютъ, потому что они стали бы слишкомъ скоро портиться и гнить отъ сырой глины. Постоянная сырость въ хатѣ разрушительно дѣйствуетъ на здоровье рабочихъ; къ 25—30 годамъ у нихъ развивается ревматизмъ въ рукахъ и ногахъ, на лицѣ являются старческія морщины, на головѣ — сѣдые волосы. Свинцовыя испаренія, которыми гончару приходится дышать въ продолженіе цѣлыхъ часовъ, при накладываніи поливы на горшокъ, вредно дѣйствуютъ на легкія и порождаютъ у гончаровъ грудныя болѣзни. Дѣти у горшечниковъ — всегда съ мертвенно-блѣдными зеленоватыми лицами; движенія ихъ вялы, въ глазахъ нѣтъ той живости и веселости, которая свойственна этому возрасту; они всегда бываютъ у нихъ какіе-то мутные, безцвѣтные... Сами гончары отзываются о своемъ промыслѣ, что „каторжяѣ ихъ работы и на каторгѣ не бываетъ“. Не даромъ англійскіе доктора (Alredge, Boothroyd, Mac-Bean, Chaoles Pearson), утверждая, „что каждое послѣдующее поколѣніе гончаровъ малорослѣе и слабѣе предыдущаго“, что „непрерывное вырожденіе ихъ проявляется, между прочимъ въ уменьшеніи роста и вѣса“, что „гончары недолголѣтны и старѣются прежде временно; флегматичные и малокровные, они обнаруживаютъ слабость своего тѣла упорными придками диспенсіи и ревматизма, страданіями печени и почекъ; что они больше всего подвержены груднымъ

болѣзнямъ: воспаленію легкихъ, чахоткѣ, бронхиту и одышкѣ. Одна изъ формъ этой послѣдней болѣзни свойственна даже специально гончарамъ и извѣстна подъ названіемъ гончарнаго удушья, или гончарной чахотки*. *)).

Вначалѣ очерка мы уже говорили, что въ четырехъ пунктахъ описываемаго района (В. Михайловкѣ, Терновкѣ, Шопинѣ и Холани) горшечное производство въ настоящее время быстро идетъ къ упадку, благодаря вздорожанію дерева, — этого наиболѣе цѣннаго элемента оборотнаго капитала горшечника. Количество производителей вслѣдствіе этой причины за послѣдніе годы вездѣ, кромѣ Стрѣлицы, значительно сократилось; гончары стали пріискивать себѣ другія занятія: одни стали развозить чужія издѣлія по деревнямъ, другіе начали заниматься „шевчествомъ“, плотничествомъ, или „вдарились въ закосъ“, т. е. начали уходить на лѣтніе заработки въ южныя степныя губерніи. Районъ сбыта здѣшнихъ горшковъ также сѣзился. Еще какихъ-нибудь 20 лѣтъ назадъ Михайловскій горшокъ доходилъ до южныхъ уѣздовъ Харьковской губерніи и восточныхъ окраинъ Воронежской; въ настоящее же время онъ, какъ мы видѣли, расходится только „по близости“ и почти не заходитъ дальше предѣловъ Куреккой губерніи. Не будучи пророкомъ, можно предсказать, что пройдетъ еще какихъ-нибудь 20—30 лѣтъ — и лѣсъ, постоянно повышающійся въ цѣнѣ, сдѣлается совершенно недоступнымъ нашимъ горшечникамъ и принудитъ ихъ окончательно бросить кругъ и искать заработка въ какомъ-нибудь другомъ промыслѣ. Единственный пунктъ, гдѣ гончарный промыселъ могъ бы долго держаться — это Великая Михайловка, въ которой производство это, по-видимому, легко могло бы усвоить себѣ приемы крупной промышленности, но здѣсь горшечникамъ грозитъ гибель съ другой стороны — вслѣдствіе недостатка сыраго матеріала глины. Въ х. Барсуковѣ, снабжающемъ глиною В. Михайловку, давно уже жалуются на уменьшеніе глины и увеличивающуюся съ каждымъ годомъ трудность ея добыванія. Барсуковцы, достававшіе глину

*) Марксъ, К. Капиталъ, стр. 190.

прежде на глубинѣ 5—10 сажень, теперь принуждены рыть шахты на 10—15 сажень, да и при такихъ условіяхъ сплошь да рядомъ не достигаютъ до глинянаго пласта. Залежи, очевидно, истощаются и ихъ хватить весьма не на долго. Съ окончательнымъ же истощеніемъ барсуковскихъ залежей, велико-михайловскіе горшечники должны будутъ, несомнѣнно, бросить свое производство и перейти къ какимъ-нибудь другимъ занятіямъ.

VIII. ОВЧИННИКИ.

Въ первомъ нашемъ очеркѣ о промыслахъ, помѣщенномъ въ I томѣ „Общаго Сборника“, мы говорили уже о томъ, что недостатокъ въ собственныхъ деревенскихъ ремесленникахъ и кустаряхъ восполняется у насъ отчасти „посторонними“ промышленниками изъ лицъ не — крестьянскаго сословія, постоянно живущими въ деревняхъ, отчасти же находящими кустарями и ремесленниками, приходящими сюда „съ чужи“, изъ другихъ губерній — на время только, на извѣстный сезонъ, когда происходятъ тѣ и другія работы.

Къ категоріи такихъ находящихся мастеровъ относятся почти все овчинники, выдѣлывающіе овчины по нашей губерніи. Собственныхъ деревенскихъ овчинниковъ-спеціалистовъ у насъ сравнительно очень мало. Всѣхъ овчинныхъ заведеній у насъ считается всего въ пяти прежде описанныхъ уѣздахъ:

въ Курскомъ у.	-	-	9	зав. съ	70	чел.
„ Львовскомъ у.	-	-	2	„	19	„
„ Дмитріевскомъ у.	-	-	12	„	24	„
„ Фатежскомъ у.	-	-	32	„	58	„
„ Суджанскомъ у.	-	-	28	„	88	„
„ Щигровскомъ у.	-	-	30	„	54	„
„ Рыльскомъ у.	-	-	7	„	28	„
„ Грайворонскомъ у.	-	-	3	„	22	„

въ Вѣлгородскомъ у.	-	-	4 зав. съ 104 чел.
„ Путивльскомъ у.	-	-	1 „ „ 12 „
Итого			- 128 зав. съ 479 чел.

Стало быть, по всѣмъ 10 уѣздамъ овчинныхъ заведеній приходится по 1 на каждые 1400 дворовъ, или на 9000 душъ обоого пола. Цифра ничтожная, въ сравненіи съ тѣмъ спросомъ, который существуетъ на промышленниковъ этой категоріи въ нашихъ деревняхъ, такъ какъ извѣстно, что каждый крестьянинъ, держащій овецъ, всегда шьетъ себѣ шубы изъ собственныхъ овчинъ. Если предположить, что на каждую шубу для взрослого человѣка понадобится 5—6 овчинъ, а на шубу для подростка—3—4 овчины, то для каждой семьи понадобится, по крайней мѣрѣ, 14—15 овчинъ, полагая на семью, minimum, 2 шубы большихъ и 1 поменьше. Гдѣ же тутъ управиться однимъ мѣстнымъ овчинникамъ? Всѣ виѣстѣ они не выдѣлаютъ и $\frac{1}{2}$ того, что потребляется ежегодно населеніемъ. Очевидно, здѣсь принимаетъ участіе чья то посторонняя рука, которая и додѣлываетъ все, что не успѣваютъ сдѣлать свои мѣстные мастера. И дѣйствительно, выдѣлка овчинъ и до сихъ поръ находится еще въ значительной степени въ рукахъ находжихъ Калужскихъ овчинниковъ, которые ежегодно, около Успенева дня, цѣлыми толпами прибываютъ сюда и размѣщаются по разнымъ пунктамъ, смотря по высотѣ спроса на ихъ трудъ въ той или другой мѣстности. Въ одномъ мѣстѣ, какъ, напр., въ многолюдномъ большомъ селѣ Поньрахъ, Фатежскаго уѣзда, садятся 3—4 человѣка, въ другомъ селеніи 2, а гдѣ спросъ не особенно великъ и населеніе не такъ густо, какъ напр. въ Грайворонскомъ уѣздѣ, 1 овчинникъ „справляетъ“ разомъ 2—3 деревни. Было бы, конечно, въ высшей степени интересно опредѣлить истинное количество такихъ находжихъ мастеровъ, какъ опредѣлили мы въ своихъ сборникахъ число мѣстныхъ производителей; мы и старались это сдѣлать во время мѣстныхъ изслѣдованій, путемъ разспросовъ крестьянъ на сходахъ, но, къ сожалѣ-

нію, положительнаго результата никакого добиться не могли. Спрашиваемъ, напр., въ д. Исаповкѣ: „были у васъ калужскіе овчинники нынѣшней зимой?“—Нѣтъ, новѣ не было, отвѣчаютъ крестьяне,—въ Никулино отдавали выдѣлывать овчины, вотъ прошлый годъ былъ одинъ, а въ позапрошломъ двое приходило, жили въ нашей деревнѣ.“ Въ Никулинѣ обращаемся къ крестьянамъ съ тѣмъ же вопросомъ: былъ у васъ овчинникъ нынѣшней зимой?—„Былъ, какъ же,—отвѣчаютъ здѣсь. А прежде бывали когда нибудь.—Нѣтъ прежде никогда не заглядывали, это первый годъ только приходили“...

Подите, вотъ тутъ разберитесь во всей этой путаницѣ. Овчинникъ—что портной, перелетная птица, нынче былъ въ одной деревнѣ, а завтра въ другой... Угоняться за ними нельзя. Нахожіе овчинники совершенно неуловимы для статистики, такъ какъ ихъ никакимъ образомъ невозможно уложить въ такіе же стройные и точные ряды цифръ, въ какіе укладываются промышленники мѣстные, курскіе.

Такой порядокъ дѣлъ—выдѣлка овчинъ „чужими“ руками, мастерами, приходящими изъ чужихъ краевъ—практикуется здѣсь издавна, „изъ предкѣвъ“, „изъ віку“. Приходя сюда калужскіе овчинники нанимаютъ обыкновенно себѣ какую нибудь „хибарку“ у крестьянина, пристраиваютъ здѣсь чанъ, нанимаютъ 1—3 работниковъ и работаютъ здѣсь съ Успенья до масляницы; затѣмъ всѣ дѣла ими ликвидируются и они отправляются во свояси, унося съ собою каждый разъ очень приличный заработокъ въ 150—200 рублей. Такъ велось 100—200 лѣтъ тому назадъ, такъ ведется и до сихъ поръ.

Овчинники мѣстные, свои стали появляться въ Курской губерніи только очень недавно, всего какихъ нибудь 10—12 лѣтъ назадъ, когда особенно обострился и тяжелой тучей повисъ надъ крестьянами грозный вопросъ малоземелія и проистекающей изъ этого материальной нужды.

Какъ находіе, такъ и свои мѣстные овчинники — кустари только на половину, на половину же ремесленники, потому что столько же работают на продажу, сколько и на заказъ. Мы коснемся здѣсь, разумеется, и той и другой формы производства.

Работа производится всегда въ особыхъ помѣщеніяхъ, въ небольшихъ избахъ, въ большинствѣ случаевъ специально построенныхъ и приспособленныхъ къ этому. Печь въ такихъ избахъ, въ видахъ экономизаціи теплоты, всегда дѣлается по мерному, безъ дымовой трубы; полъ — земляной, сверху убитый глиною и иногда посыпанный пескомъ. Окно всегда одно, въ $\frac{3}{4}$ арш. длины и $1\frac{1}{2}$ четверти ширины; свѣту даетъ мало.

Наемные работники живутъ и почують по большей части въ этихъ же избахъ, среди грязи, сырости и нестерпимой вони, которая поднимается отъ прѣющихъ и выдѣлывающихся овчинъ. Въ теплое время для почевки ходятъ на сѣнникъ, или въ сарай. Въ своихъ же жилыхъ помѣщеніяхъ хозяева рѣдко дозволяютъ почевать рабочимъ, такъ какъ отъ нихъ „нехорошо пахнетъ“... „Куда тутъ съ ними возиться! говорятъ они: одной воницы этой натащутъ на весь домъ, — только пусти“.

Если рабочіе сами изъ той же деревни, гдѣ помѣщаются *овчинницы* — такъ называются избы, гдѣ ведется производство — то они ходятъ почевать къ себѣ домой. Почевка въ овчинницахъ для нихъ необходима.

Устройство овчинницы (8 арш. въ длину и 7 — въ шир.) стоитъ отъ 80 — 200 р., смотря по мѣстности и дороговизнѣ лѣса. Пріѣзжіе мастера нанимаютъ овчинницы со всеми приспособленіями за 25 — 30 р. за весь рабочій сезонъ; простую же избу, въ которой для производства требуется сдѣлать нѣкоторыя приспособленія, они снимаютъ за 15 — 25 руб. на 6 — 7 рабочихъ мѣсяцевъ. Такая высокая сравнительно наемная плата за помѣщеніе объясняется исключительно тѣмъ, что, при выдѣлкѣ овчинъ, въ избѣ царствуетъ постоянная сырость; по общимъ отзывамъ крестьянъ, постройка, въ которой ведется производство, не можетъ стоять болѣе 7 — 10 лѣтъ.

Для производства бѣлая печка въ обыкновенной жилой избѣ передѣлывается въ черную; дымовая труба у ней выламывается. Потомъ къ печкѣ съ одной стороны придѣлываютъ нары для чановъ; устраиваются они обыкновенно на высотѣ $1\frac{1}{2}$ арш. отъ пола.

Орудія и инструменты, употребляющіеся овчинниками:

а) *деревянная гребенка*, которою расчесываютъ овчины, покупаютъ ее на рынкѣ, стоимость — 7 — 15 коп.

б) *чанъ* — для квашенья овчинъ, изъ дубоваго дерева, дѣлается мѣстными или же находими, временно проживающими въ деревнѣ бондарями; стоимость его 2 — 3 руб. 50 коп.

в) *железный крюкъ*, которымъ разминаются овчины послѣ того, какъ ихъ вынутъ изъ чана; изготовляется въ мѣстныхъ кузницахъ; цѣна 50 коп.

д) *ножикъ*, для снятия мездры; дѣлается обыкновенно изъ старой косы также на мѣстныхъ кузницахъ; онъ такъ и называется „искоскомъ“ — 10 коп. Стало быть все инструменты овчинника обходятся ему, въ среднемъ, въ 3 руб. 45 коп. А весь основной капиталъ его, при собственномъ помѣщеніи, равняется 142 руб. 65 коп.

Главный матеріалъ производства — сырыя *овчины*, покупаются овчинниками у мѣстныхъ крестьянъ; ѣздятъ также за ними на ближайшіе базары и ярмарки. Впрочемъ, стоитъ только овчиннику начать свое производство — недостатка въ сырѣ у него не будетъ, потому что, прежде чѣмъ онъ предъявитъ открытый „спросъ“ на овчины, крестьяне, подгоняемые нуждою, уже являются къ нему съ „предложеніемъ“ и несутъ къ нему сырье со всехъ сторонъ. Скота держатъ здѣсь крестьяне все-таки сравнительно довольно много: крупнаго скота на 1 дворъ приходится по всемъ 8 уздамъ около 2,4 головъ, мелкаго — около 7 головъ; а сбыта для кожъ всегдѣ почти нѣтъ. Хорошо, если деревня находится по близости отъ города, или такого центрального рынка, какъ слобода Михайловка (Дмитріевскаго узда), Борисовка (Грайворонскаго

у.), — тогда овчины могут найти себѣ легкій сбытъ во время еженедѣльных базаровъ и срочныхъ ярмарокъ, куда обыкновенно прѣзжаютъ овчинники-скупщики; но въ отдаленныхъ захолустьяхъ, на окраинахъ уѣздовъ, крестьянинъ можетъ сбывать свои овчины только шибаямъ, а шибай, какъ извѣстно, — народъ обдѣлстый, вѣчно на обухѣ рожь молотятъ и, видя стѣнительное положеніе крестьянина, даютъ ему за овчины вдвое и втрое меньше, чѣмъ они стоятъ на самомъ дѣлѣ. Овчинники-кустари покупаютъ сырыя овечьи овчины по 1—1 р. 50 коп.; продаютъ же выдѣланными, уже совершенно готовыми по 2—2 руб. 20 коп.

Впрочемъ, здѣшніе овчинники, какъ мы уже говорили выше, большую часть своихъ издѣлій готовятъ не на продажу, а по заказу.

При выдѣлкѣ овчинъ кустари употребляютъ *ржаную муку*, которой на 100 овчинъ идетъ обыкновенно отъ 3—5 пудовъ, т. е. всего среднимъ числомъ на 2 р. 80 коп., считая каждый пудъ муки по 70 коп.

При производствѣ употребляется также *соль*, — около 30 фунт. на 100 овчинъ, копѣекъ на 30—затѣмъ *мѣлъ*, или крейда для окраски овчинъ, котораго идетъ на указанное количество около 2½ пудовъ, по 10—15 коп. за каждый. Овчинники покупаютъ мѣлъ въ Щиграхъ, Малоархангельскѣ, Курскѣ, Льговѣ, Суджѣ и др. городахъ и крупныхъ промышленныхъ центрахъ.

Самая техника производства довольно проста. Сырую овчину мочатъ предварительно въ прудѣ, затѣмъ сбываютъ съ нея искоскомъ мездру и кладутъ въ „квасы“, гдѣ овчины и остаются отъ трехъ дней до недѣли. „Квасы“ дѣлаются изъ смѣси ржаной муки, соли и воды. Затѣмъ, изъ квасовъ овчины поступаютъ на „вѣшала“ — шести, расположенные тутъ же, въ самой овчинницѣ. Овчины сушатся здѣсь въ теченіе 3—5 дней. Потомъ, при помощи упомянутого желѣзнаго крюка, ихъ старательно разминаютъ, тратя при этомъ отъ 1—1½ часовъ на каждую овчину. Послѣдняя же операція, которой подвергаются овчины, заключается въ томъ, что,

растянувши ихъ на столѣ или на скамейкѣ, расчесываютъ большой деревянной гребенкой. Въ результатъ всего этого получаютъ бѣлыя овчины.

Дальнѣйшій процессъ выдѣлки овчинъ — дубленье ихъ производится тѣми же овчинниками, въ тѣхъ же помѣщеніяхъ. Раздѣленія труда при этомъ не замѣчается.

Для того, чтобы выдубить овчины, кладутъ ихъ въ чанъ шерстью внизъ, разомъ по 20—40 овчинъ, и посыпаютъ при этомъ каждую ивовымъ, или дубовымъ корьемъ, которое покупается опять такъ въ городахъ и крупныхъ промышленныхъ селеній, по 50—70 к. за пудъ. Въ чанъ наливаютъ теплой воды и придавливаютъ овчины сверху тяжелымъ камнемъ. Дубятся овчины въ продолженіи 1—1½ недѣли. Впрочемъ, такой способъ дубленія практикуется въ нашихъ краяхъ весьма рѣдко; овчинники находятъ гораздо болѣе практичнымъ и выгоднымъ для себя просто намазывать бѣлыя овчины густымъ растворомъ дубильнаго отвара. Правда, такое дубленіе никуда не годится и не дѣлаетъ овчины лучше и доброкачественнѣе, но за то производится въ высшей степени скоро и безъ всякихъ затрудненій, безъ второй капитальной просушки овчинъ, на которую идетъ обыкновенно слишкомъ много дровъ — матеріала, очень дорогаго для здѣшной мѣстности. А покупатели или заказчики, — развѣ они узнаютъ съ перваго взгляда секретъ простаго дубленія овчинъ? Для нихъ была бы овчина желта, а этого овчинники достигаютъ и путемъ окраски своихъ издѣлій дубильнымъ отваромъ. Послѣ, когда заказчикъ надѣнетъ шубу изъ такихъ овчинъ, и когда она у него подъ первымъ же дождемъ скоробится и превратится въ лубокъ, онъ выругаетъ овчинника отъ всего сердца, но что за дѣло овчиннику до этого? Вѣдь брань, по пословицѣ, на вороту не виснетъ. Тѣмъ болѣе, что крестьянинъ выругавши его къ нему же принесетъ свои овчины, потому что другихъ овчинниковъ по близости нѣтъ, конкуренція себѣ мастеръ — овчинникъ не знаетъ и потому ничего не боится.

При работѣ на заказъ, за выдѣлку бѣлой овчины берутъ 6—10 коп., за дубленую—15, даже до 20 и 25 коп. Кроме того, въ пользу овчинника идетъ шерсть, которую онъ вычесываетъ изъ овчинъ, — реднимъ числомъ, по $\frac{3}{4}$ ф. съ каждой штуки, на 15 коп., и $\frac{1}{2}$ фунта сала—на 5—10 коп.

За 6—7 рабочихъ мѣсяцевъ каждое овчинное заведеніе можетъ выработать отъ 300—400 шт. овчинъ большинство здѣшнихъ овчинниковъ, держать всего по 3 наемныхъ работника. Значитъ, валовой заработокъ, приходящійся на такую овчинницу, равняется приблизительно 735 руб. въ годъ, не считая шерсти и сала, получаемого съ овчинъ. Какъ шерсть такъ и сало овчинники сбываютъ прасоламъ, шибаямъ или мѣстнымъ городскимъ скупщикамъ.

Чистый заработокъ овчинника, за вычетомъ всѣхъ расходовъ на производство и жалованья рабочимъ, равняется 100—150 руб. въ зиму; расходы производства составляютъ нѣсколько около 80% валового дохода.

Общая сумма годового производства всѣхъ овчинниковъ равняется 45,000 овчинъ, на сумму 94,000 руб.

IX. Гладильщики кушаковъ.

О производствѣ кушаковъ мы уже говорили въ I. т. „Общаго Сборника“, но тамъ мы не отмѣтили одного любопытнаго явленія въ области этого производства. Дѣло въ томъ, что за послѣднее время разглаживанье кушаковъ, производившееся прежде при посредствѣ утюговъ, стало выдѣляться и обособляться въ особой промыселъ съ ремесленнымъ характеромъ. За послѣдніе 10 лѣтъ по здѣшнимъ краямъ появились особенныя гладильныя прессы, или, какъ говорятъ крестьяне, „машины“, которыя съ перваго же раза завоевали себѣ симпатіи всѣхъ кустарницъ-производителей кушаковъ. Кто именно изобрѣлъ эти машины—неизвѣстно; извѣстно

только то, что перенимать ихъ начали крестьяне сѣверной части Щигровскаго уѣзда у соседей своихъ—крестьянъ Малоархангельскаго уѣзда, Орловской губ., и, кажется, до сихъ поръ машины эти существуютъ только на сѣверѣ Щигровскаго и Фатежскаго уѣзда. По крайней мѣрѣ, и наши собственные изысканія, и послѣдняя подворная перепись, которую производило статистическое бюро въ истекшемъ 1884 г., не открыли больше нигдѣ присутствія подобныхъ машинъ.

Въ Щигровскомъ и Фатежскомъ уу. статистическимъ бюро было зарегистрировано 15 владѣльцевъ гладильныхъ машинъ. Устройство такой машины обходится рублемъ въ 25—30. Сама она есть ничто иное, какъ большое, толстое дубовое корыто, съ плоскимъ дномъ, и при немъ 4 тяжелыхъ чугунныхъ доски одинаковаго размѣра. Для разглаживанія кушаковъ на дно корыта кладутъ одну доску на нее накладываютъ отъ 10—20 кушаковъ, сложенныхъ вдвое или вчетверо, смотря по длинѣ корыта; затѣмъ, сверхъ этихъ кушаковъ кладется другая чугунная доска и на нее накладывается опять рядъ кушаковъ, которые сверху закрываются четвертой доской. Кушаки при этомъ слегка сырскиваются водою. Поверхъ четвертой доски наваливается еще какая нибудь тяжесть—камень, или большой кусокъ желѣза. Черезъ 1—2 часа кушаки вынимаются уже совершенно готовыми, разглаженными. За каждый кушакъ владѣльцы машинъ берутъ по 1 коп. Въ день на одномъ прессѣ можно разгладить до 100 кушаковъ.

Производители кушаковъ отзываются о машинѣ съ большою похвалою и предпочитаютъ ее простому утюгу, потому что она не только производитъ работу въ совершенствѣ, но и никогда не портитъ издѣлій, что сплошь да рядомъ случается съ утюгомъ. Нельзя не пожалѣть только о томъ, что машина эта явилась, по видимому, очень поздно, такъ какъ производство кушаковъ въ здѣшнихъ краяхъ съ каждымъ годомъ падаетъ и уменьшается (см. т. I „Общаго Сборника“, стр. 153—156); въ настоящее время цѣлыя деревни, даже волости уже совершенно забросили этотъ про-

мысль; другія же, если и держатся, то скорѣе по традиціи, по привычкѣ, чѣмъ въ виду его выгоды, такъ какъ польза, получаемая отъ этого производства, — ничтожна...

Х. Производства изъ дерева.

а) Производство лукошекъ.

Производство лукошекъ, или, какъ называютъ ихъ крестьяне, деревянныхъ „мѣриць“, мы встрѣтили только въ двухъ мѣстахъ — въ слоб. Зимовеньѣ и сл. Бѣлой Корочанскаго уѣзда, среди крестьянъ-собственниковъ, бывшихъ кн. Трубецкаго. Промыселъ ведется здѣсь издавна. Всѣхъ семей, занимающихся имъ, переписью насчитано 33 съ 39 чел. кустарей-работниковъ. По своей организации производство это, очевидно, принадлежитъ къ типу мелкой кустарной промышленности, потому что, во 1-хъ, кустари въ большинствѣ случаевъ работаютъ самостоятельно, силами своихъ только семей; во 2-хъ, всѣ они покупаютъ матеріалъ производства сами для себя, не прибѣгая къ помощи крупныхъ предпринимателей — подрядчиковъ; въ 3-хъ, на это указываетъ и самая форма сбыта, не носящая рѣшительно никакихъ признаковъ капитализма (см. ниже).

Матеріалъ производства — *кряжи* покупаются въ сосѣднихъ частновладѣльческихъ дачахъ, верстахъ въ 15—30 отъ слободы. Кряжъ обыкновенно бываетъ около 1 арш. въ діаметрѣ (радіусъ — полъаршина) и 1—2 арш. въ длину; „казенная“ цѣна ему — 2 р. 50 коп. Домохозяева, имѣющіе лошадей, привозятъ домой кряжи сами, на своихъ лошадяхъ; домохозяева-же безлошадные нанимаютъ для этого сосѣдей, платя имъ по 70 к. и 1 р. съ кряжа. На подводѣ больше одного кряжа навалить нельзя. Для днищъ покупаютъ широкія плахи.

Аршинный кряжъ раскалывается производителемъ обыкновенно на 100 мелкихъ драницъ, изъ которыхъ выходитъ около 100

мѣриць трехъ размѣровъ: самая большая — въ $1\frac{1}{2}$ четверти вышиною и $6\frac{1}{2}$ четв. въ окружности, въ нее входитъ нѣсколько больше четверика (около $1\frac{1}{3}$ четверика); средняя, мѣрою нѣсколько больше полчетверика ($\frac{5}{8}$ четверика), самая меньшая — около $\frac{3}{8}$ четверика. Продають ихъ обыкновенно по-сотенно. На сотню мѣриць — большихъ дѣлается обыкновенно 40 штукъ, среднихъ — 40 и малыхъ 20, потому что этихъ послѣднихъ потребители берутъ меньше. Въ производствѣ существуетъ нѣкоторое раздѣленіе труда, которое, разумѣется, имѣетъ мѣсто только въ семьяхъ многочисленныхъ и у кустарей, нанимающихъ работниковъ. Въ этихъ случаяхъ работа производится обыкновенно втроемъ: въ подготовительномъ фазисѣ одинъ колетъ кряжи на дралицы, другой топоромъ ихъ отесываетъ, а третій — гладитъ стругомъ. Затѣмъ, при самомъ производствѣ, одинъ занимается распариваніемъ дралицъ обливая ихъ горячей водой, другой ихъ сгибаетъ, третій же исключительно занимается сшиваніемъ. Мѣсто втораго и третьяго работника занимаетъ иногда женщина. Въ день всѣ трое могутъ сдѣлать 20—30 мѣриць, безъ различія ихъ размѣровъ.

Инструментъ у производителей — такой же какъ и у столяровъ.

Производство ведется и зимою, и лѣтомъ, въ свободное отъ полевыхъ работъ время. Всего, стало быть, въ теченіе года кустарь посвящаетъ своему промыслу около 150 дней, изъ которыхъ, впрочемъ, слѣдуетъ исключить, по крайней мѣрѣ, 15 дней на доставку матеріала производства до дома съ мѣста его покупки. Всего, значитъ, дѣйствительно рабочихъ дней въ теченіе года у кустаря 135. За это время каждое домохозяйство съ 3 работниками производитъ, въ среднемъ, около 3370 штукъ мѣриць, на сумму 482 руб. Заработокъ кустаря-одиночки меньше значителенъ, потому что, по пословицѣ, „одному и-за кашей не споро“, а не то что зароботой. Кустарь-одиночка можетъ сработать въ день, считая здѣсь всѣ подготовительныя работы, не болѣе 7—8 штукъ мѣриць; значитъ, валовой заработокъ его въ теченіе года равняется 1000 штукъ, на сумму 140 руб. Хозяйствъ съ 3 работниками здѣсь

считается 3, кустарей одиночекъ 30 чел. Стало быть, общій итогъ годоваго производства всѣхъ производителей равняется 40,000 шт. коробокъ, на сумму 4,800 руб. Чистый заработокъ домохозяйства опредѣляется такимъ образомъ:

на 100 штукъ мѣрницъ идетъ 1 кряжъ	2 р. 50 к.
расходъ на его перевозку	85 к.
ремонтъ инструм. и ⁰ / ₁₀₀ на погашеніе	50 к.
Итого	3 р. 85 к.

Значитъ, годовая чистая выручка домохозяйства съ 3 работниковъ равняется 351 руб., домохозяйства—одиночки около 100 рублей.

Издѣлія свои кустари сбываютъ особымъ скупщикамъ, изъ той же сл. Зимовеньки. Скупщики эти очень мелкіе и почти всѣ живутъ гораздо бѣднѣе самихъ производителей. На размѣры оборотовъ каждаго изъ нихъ указываетъ уже одно то, что, количество всѣхъ такихъ скупщиковъ считается по нашей переписи 15 человекъ, тогда какъ производителей всѣхъ какъ мы видѣли, здѣсь считается только 39 чел. Форма сбыта, практикуемая скупщиками, напоминаетъ сбытъ горшечныхъ издѣлій. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ производствѣ скупщики продаютъ свой товаръ, разбѣжая по базарамъ, ярмаркамъ и деревнямъ, и вымѣнивая его на зерновой хлѣбъ. Торговцы мѣрницами получаютъ обыкновенно отъ сотни до 5—7 руб. „пользы“ для себя. Сотню накладываютъ на 1 подводу. Развозятъ каждую сотню въ теченіе недѣли. Торговля мѣрницами производится только по веснѣ, передъ посѣвами и во время ихъ. Тогда же скупщики забираютъ издѣлія у кустарей. Впрочемъ, въ слободѣ есть 1 скупщикъ—торговецъ, по-крупнѣе, которые производятъ скупку постоянно, во всѣ времена года; при экстренной нуждѣ кустари всегда отвозятъ къ нему свои издѣлія; но „не въ урочное время“ онъ платитъ за издѣлія кустарной обыкновенно меньше, чѣмъ весной,—меньше рубля на 2—3 въ сотнѣ.

Будущность промысла не оставляетъ никакихъ сомнѣній. Уже и теперь, вслѣдствіе вздорожанія лѣсовъ, кустари начали сокращать свое производство; а скоро, вѣроятно, наступитъ время, когда имъ и совѣмъ придется бросить его. Бромъ недостатка въ деревѣ, промыслу начинаетъ сильно вредить конкуренція жестяныхъ и желѣзныхъ мѣрницъ, появившихся недавно на мѣстномъ рынкѣ. Крестьяне съ большой охотой покупаютъ эти послѣднія потому что они прочнѣе деревянныхъ и изящнѣе ихъ; что же касается цѣны, то она какъ на тѣ, такъ и на другія почти одинакова; разница всего лишь въ 3—5 копѣйкахъ.

в) Производство оконныхъ рамъ.

Производство это существуетъ у насъ въ губерніи только въ одномъ селеніи—слоб. Ивановской Лисицѣ, Лисичанской волости, Грайворонскаго у., среди крестьянъ собственниковъ, бывшихъ гр. Шереметева. Возникъ промыселъ давно: „еще дѣды имъ занимались“. По характеру организациі онъ, несомнѣнно, долженъ быть отнесенъ къ типу мелкаго домашняго производства, такъ какъ каждая семья работаетъ самостоятельно, изъ своего матеріала, продукты сбываетъ на рынкѣ непосредственно потребителямъ, и при томъ наемныхъ рабочихъ никто изъ производителей не держитъ. Всѣхъ производителей насчитано нашей переписью 22 человекъ; въ теченіи года они приготавливаютъ около 11,000 штукъ рамъ: на сумму 2,200 рублей.

Матеріаломъ производства служитъ исключительно сосна; покупаютъ ее въ Грайворонѣ, изъ мѣстнаго лѣснаго склада и съ возовъ у крестьянъ, которые обыкновенно въ базарные дни привозятъ сюда лѣсъ для продажи. Дерево покупаютъ большими плахами. На 1 раму самаго большаго размѣра дерева идетъ обыкновенно на 5—10 коп., на маленькую на 1—2 коп. Особыхъ помѣщеній для промысла у производителей нѣтъ; лѣтомъ они работаютъ на дворѣ подъ навѣсомъ, зимою—въ хатѣ. Инструменты оконника—такіе же, какъ у простаго, обыкновеннаго столяра: 1)

обыкновенный, плотничій топоръ въ 60—80 коп., 2) поперечная пила—2 руб., 3) большая лучковая пила—75 коп. 4) выкружная или малая ручная—35 коп., 5) фуганокъ, съ кленовой колодкой—1 р. 50 к., 6) рубанокъ 90 к., 7) шерхебель—50 к., 8) стругъ 50 коп., 9) скобель прямой—25 коп., 10) брусокъ 30 коп. Стоимость всѣхъ инструментовъ не превышаетъ 8 руб.; ежегодный ремонтъ инвентаря поглощаетъ около 20% общей стоимости его.

Въ день оконникъ дѣлаетъ по 3—4 рамы. Раздѣленія труда въ производствѣ совсѣмъ не существуетъ. Работа производится круглый годъ и зиму и лѣто. Среднимъ числомъ каждый кустарь работаетъ около 150 дней; значить, въ теченіе года онъ производитъ 450—600 рамъ, на сумму 150 рублей сер.

Чистый заработокъ кустаря-оконника можно опредѣлить такимъ образомъ:

на сотню рамъ, средняго размѣра, ему	
потребуется дерева на	- 5 р.
ремонтъ и % на погашеніе основнаго	
капитала	- 1 р. 50 коп.
Всего	- 6 р. 50 коп.

На рынокъ продается каждая рама по 10—50 коп., въ среднемъ по 20 коп., потому что маленькія дешевыя рамы имѣютъ больше распространенія, чѣмъ большія. Значить, отъ сотни рамъ кустарь получить чистой прибыли 13 р. 50 коп., а отъ 500 рамъ, составляющихъ общій итогъ его годоваго производства, — 67 р. 50 к. Мы еще не считаемъ здѣсь расходъ на провозъ издѣлій до рынка, которые бывають обыкновенно весьма значительны и составляютъ довольно-большой % валоваго дохода.

Обываются рамы или на мѣстномъ субботнемъ базарѣ, въ Ивановской Лисицѣ, или же—что бываетъ чаще всего—отвозятся по базарнымъ днямъ въ Грайворонъ, Борисовку, Ракитную, Томаровку etc. Осенью и весной, когда вездѣ идетъ ремонтировка хатъ по де-

ревнямъ, нѣкоторые производители развозятъ свои издѣлія по окрестнымъ селеніямъ, при чемъ, вмѣсто денегъ, зачастую берутъ отъ покупателей зерновымъ хлѣбомъ, пенькою, яйцами, масломъ etc.

По общимъ отзывамъ крестьянъ, промыселъ этотъ падаетъ, вмѣстѣ со всѣми другими видами ценнаго производства, вслѣдствіе уничтоженія лѣсовъ и чрезмѣрнаго вздорожанія дерева. Ивановскіе мастера увѣряли насъ, что въ настоящее время приходится платить 1 руб. за такую плаху, которая 20 лѣтъ тому назадъ стоила не болѣе 5 копѣекъ. Благодаря этому обстоятельству, за послѣдніе годы выгоды отъ промысла значительно уменьшились, вслѣдствіе чего уменьшается съ каждымъ годомъ и общее количество промышленниковъ, которые начали уходить въ отхожіе заработки.

с) Производство ручекъ для косъ.

Промыселъ этотъ отмѣченъ агентами статистическаго бюро въ южной части Бѣлгородскаго уѣзда—въ Муромской волости, въ д. Огурцовой. Характеръ промысла—исключительно ремесленный, хотя, повидимому, при нѣкоторой поддержкѣ со стороны, онъ могъ бы принять болѣе выгодную, самостоятельную форму кустарничества. Производители работаютъ по заказу крупныхъ подрядчиковъ изъ сосѣдняго города Харьковской губ., Волчанска; при чемъ, послѣдніе доставляютъ крестьянамъ на домъ и матеріалъ для производства—дерево. За сотню штукъ ручекъ, при такихъ условіяхъ, платится обыкновенно 1 руб. 20 коп., или по 1,2 коп. за каждую ручку. Провозъ готовыхъ ручекъ изъ д. Огурцовой въ Волчанскъ производится также на счетъ заказчика, который высылаетъ для этого изъ Волчанска особыя подводы. Такимъ образомъ рабочій знаетъ одну только обдѣлку, никакихъ другихъ работъ на немъ не лежитъ, вслѣдствіе этого указанная цѣна въ 1,2 коп. за штуку—совсѣмъ не такъ низка, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда,—тѣмъ болѣе, что обтесать „косье“ и вдѣлать въ него ручку—дѣло очень не хитрое. Хорошій работникъ въ день можетъ сра-

ботать до 50 штукъ „косевъ“. Среднимъ же числомъ каждый работникъ дѣлаетъ въ день до 40 штукъ. Всѣхъ производителей считается здѣсь 17 чел., изъ которыхъ 15 чел. взрослыхъ рабочихъ и 2 чел. подростка, работающихъ съ отцами. Работа начинается въ началѣ марта, или въ концѣ февраля и продолжается весь великій постъ, до начала весеннихъ полевыхъ работъ; значить, весь рабочій сезонъ равняется приблизительно, за вычетомъ праздничныхъ дней, — $1\frac{1}{2}$ мѣсяцамъ или 45 днямъ. Каждый рабочій за это время успѣетъ сдѣлать около 1800 ручекъ, и заработаетъ на этомъ 21 р. 60 к., а всѣ 15 чел. вмѣстѣ производятъ за рабочій сезонъ до 27,000 шт., зарабатывая на этомъ около 324 рублей. Но изъ этого заработка необходимо еще вычесть расходы на ежегодный ремонтъ инструментовъ и $\frac{0}{100}$ на погашеніе основнаго капитала (инструмента — всего на 5—6 руб.), и такимъ образомъ найдемъ, что 20 руб. составляютъ ежегодный средній заработокъ каждаго, занимающагося производствомъ. Заработокъ этотъ, несомнѣнно, могъ бы удвоиться и утроиться, если бы промыселъ принялъ кустарную организацію, т. е. если бы промышленники начали работать ручки изъ своего матеріала и затѣмъ продавали бы ихъ тѣмъ же Волчанскимъ подрядчикамъ по рыночной цѣнѣ; тогда отъ каждой штуки они могли бы получать, по минимальному расчету, 2—3 коп. чистой прибыли, или, круглымъ счетомъ, за весь рабочій сезонъ по 40—60 руб. на человѣка. Все это прекрасно понимаютъ и сами крестьяне, которые, разумѣется, были бы не прочь отъ болѣе высокаго заработка, но они не рѣшаются приступить къ реорганизаціи промысла на новыхъ началахъ, въ виду неимѣнія собственнаго оборотнаго капитала и отчасти также влѣдствіе трудности доставать матеріалъ производства въ здѣшнемъ безлѣсномъ краѣ.

d) Производство боронъ.

Въ с. Пузачахъ, Верхосеймской волости, Тимскаго уѣзда, значительная часть крестьянъ занимаются щепнымъ промысломъ — производствомъ повозокъ, саней, а также выдѣлкой простыхъ деревянныхъ

боронъ. Щепные промыслы возникли здѣсь давно и развитіемъ своимъ обязаны исключительно тому обстоятельству, что во владѣніи мѣстныхъ крестьянъ (четвертнаго права) находится около 400 дес. собственнаго лѣсу. Въ настоящее время, правда, этотъ лѣсъ отобранъ и находится, какъ они говорятъ, „подъ присмотромъ казны“, такъ что для своихъ подѣлокъ они должны покупать дерево на сторонѣ, въ сосѣднихъ экономіяхъ; но тѣмъ не менѣе, благодаря традиціонной привычкѣ къ промыслу, онъ держится среди нихъ еще и до сихъ поръ, и не замѣтно, чтобы количество кустарей съ годами уменьшалось.

Всѣхъ производителей, занимающихся выдѣлкой боронъ, считается въ Пузачахъ 54 человѣка. Особыхъ помѣщеній для промысла ни у кого нѣтъ; работа производится на дворѣ подъ навѣсомъ. Работаютъ собственно только въ лѣтніе мѣсяцы, зимою же занимаются заготовкою матеріала. Если принять во вниманіе время, употребляемое производителями на полевныя, земледѣльческія работы, которыя, какъ и вездѣ, стоятъ здѣсь у кустаря на первомъ планѣ, то найдемъ, что весь рабочій сезонъ продолжается не болѣе $2\frac{1}{2}$ мѣсяцевъ. Въ два дня 1 работникъ можетъ сдѣлать 3 боронъ. Значить, за все рабочее время онъ производитъ около 110 боронъ, на сумму 55 рублей. Расходы производства составляютъ около 30% валоваго дохода промышленника; стало быть, чистый его заработокъ будетъ равняться приблизительно 35 руб. Общая сумма производства всѣхъ 54 чел. промышленниковъ равняется 5940 шт. боронъ, на сумму 2970 руб., чистый же заработокъ ихъ — 1890 руб. Сбываютъ свои издѣлія кустари частію въ ближайшей торговой слободѣ Мантуровѣ, частію же на ярмаркахъ въ сосѣдней Воронежской и Орловской губ. Обыкновенная продажная цѣна боронъ — 30—60 коп.

e) Производство ящичковъ для яицъ.

Во многихъ селеніяхъ Корочанскаго уѣзда мы встрѣчаемся съ оригинальнымъ промысломъ — скупкой яицъ для дальнихъ рынковъ

(преимущественно для Москвы), — промысломъ очень распространеннымъ и имѣющимъ совершенно правильную организацію, со всѣмъ сложнымъ строемъ крупныхъ, капиталистическихъ предпріятій. Скупаютъ яйца по деревнямъ деревенскіе шибай, по порученію мѣстныхъ крупныхъ купцовъ, въ рукахъ которыхъ находится вся личная торговля. Всѣхъ крупныхъ торговцевъ яйцами по Корочанскому уѣзду считается около 40 чел., изъ которыхъ чело-вѣкъ десять берутъ гильдейскія, купеческія свидѣтельства, остальные же — производятъ свои обороты по простымъ торговымъ свидѣтельствамъ. Уже изъ этого одного можно видѣть, насколько сильно распространѣн здѣсь этотъ промыселъ. Люди компетентные утверждаютъ, что отсюда ежегодно отправляютъ въ Москву миліоны яицъ, которые поступаютъ тамъ частію на рынокъ, частію на альбуминные заводы.

Для отправки яицъ купцамъ, разумѣется, необходима масса ящичковъ. Отсюда объясняется возникновеніе особаго промысла въ Корочанскомъ уѣздѣ — производства ящичковъ, предназначенныхъ специально для яицъ. Производство это мы встрѣтили въ хут. Красный Бродъ, с. Пестунъ, Кривья-Балки, Лозномъ и д. Коломійцевой, гдѣ промысломъ этимъ занято 20 чел. Лѣсъ для ящичковъ крестьяне не покупаютъ, потому что у нихъ есть свой (крестьяне здѣсь государственные душевые). Для ящичковъ обыкновенно идетъ осина, тополь, верба и проч. „мягкое“ дерево. Инструментъ у производителей обыкновенный столярный, всего на 5 — 8 р.; ежегодный ремонтъ его обходится въ 2 — 3 р. Производство ведется и зиму, и лѣто, въ свободное отъ хозяйственныхъ работъ время. Среднимъ числомъ, каждый производитель занимается промысломъ около 150 дней въ теченіе года. Стоимость ящичка отъ 35 — 50 коп., смотря по времени года и по спросу на нихъ. Сбываютъ издѣлія въ городѣ, купцамъ, ведущимъ крупную торговлю яйцами. Перевозка въ городъ — на счетъ кустаря-производителя. Въ день каждый работникъ можетъ сдѣлать, въ среднемъ, 2 ящичка; значитъ, въ теченіе всего года онъ изготовляетъ ихъ около 300 штукъ,

на сумму 120 рублей. Затраты производства, вмѣстѣ съ расходами по перевозкѣ издѣлій до мѣста сбыта, поглощаютъ у кустаря около 10% валоваго дохода. Общій итогъ годоваго производства всѣхъ 20 чел. кустарей равняется 6000 шт., на сумму 2400 рублей.

г) Производство грабельниковъ.

Производствомъ грабельниковъ, или, по мѣстному выраженію, *грабилень*, т. е. ручекъ для граблей, — исключительно занимаются крестьяне с. Больнихъ Горолицъ, Купинской волости, Корочанскаго уѣзда. Производство возникло всего 4 года назадъ, благодаря случайному заказу, который былъ сдѣланъ Харьковскимъ купцомъ одному здѣшнему крестьянину. Въ настоящее время промысломъ занято, какъ значится по нашей переписи, 25 семей, съ 26 чел. работниковъ. Матеріаломъ производства служитъ мелкій орѣшникъ. Покупаютъ его въ с. Стрѣлицѣ (за 1½ версты), у тамошнихъ крестьянъ. Цѣна за сотню сырыхъ орѣховыхъ корней на мѣстѣ — 30 коп. Издѣлія сбываются кустарями мѣстнымъ скупщикамъ, которые живутъ какъ въ самомъ селѣ Б. Горолицахъ, такъ и въ окрестныхъ селеніяхъ: Лисей-Полянѣ, сл. Вѣлой, Зимовенской вол., д. Цѣпляевой etc.; всѣхъ скупщиковъ нами насчитано 17 чел. Они отвозятъ грабильни цѣлыми партіями на югъ въ Екатеринославскую, Симферопольскую, Харьковскую, Херсонскую губ., въ Землю Войска-Донскаго и т. д. Нерѣдко возятъ ихъ туда и сами производители, отправляясь „въ закосъ“. Сотня грабельниковъ въ Землѣ В. Донскаго продается по 3 р.; на мѣстѣ же производства издѣлія продаются мелкимъ скупщикамъ по 1 р. за сотню. Время производства — февраль и мартъ мѣсяцы; стало быть, весь рабочий сезонъ производителя равняется приблизительно 50 днямъ. Въ день хорошей рабочей можетъ сдѣлать около 200 штукъ, средний же обыкновенный работникъ — 150 штукъ. Значитъ, годовое производство каждого рабочаго равняется 8750 штукъ, на сумму 87½ руб. Общая же сумма годоваго производства всѣхъ 26 кустарей

будетъ равняться 130 тыс. штукъ, на сумму 1300 руб. сер. Расходы производства на каждую тысячу составляютъ:

на покупку лѣса	-	-	-	3 р.
ремонтъ инстр. и % на погашеніе ос-				
новнаго капитала	-	-	-	20 коп.

Итого - 3 р. 20 коп.

Стало быть, чистой выгоды отъ каждой тысячи кустарь получаетъ—при пролажѣ на мѣстѣ, скупщикамъ—приблизительно 6 р. 80 коп. Круглый же заработокъ его въ теченіе весенняго сезона—55 руб. Заработокъ хорошій,—что говорить, но, къ сожалѣнію, городищенскимъ кустарямъ, вѣроятно, не долго придется попользоваться имъ, потому что уже и теперь они жалуются на недостатокъ лѣса, на то, что цѣна на дерево съ каждымъ годомъ возрастаетъ. За 4 года существованія промысла цѣна на дерево, по словамъ крестьянъ, увеличилась втрое или вчетверо. И это, конечно, очень естественно, въ виду такого громаднаго производства, которое существуетъ въ Городищахъ. Потребляя ежегодно до 130 тыс. корней, городищенскіе кустари быстро истощаютъ стрѣлицкіе лѣса, напоминала этимъ того сказочнаго мужика, который сѣдя на деревѣ, рубилъ тотъ самый сукъ, на которомъ находился.

г) Производство углей.

Производство углей, въ формѣ кустарнаго промысла встрѣчается въ д. Боровской, Неклюдовской вол., Корочанскаго уѣзда, и сл. Холокъ, Чернянской вол., Новооскольскаго уѣзда. Производствомъ занято въ первой 40 семей съ 56 чел. работниковъ, во второй—101 семья съ 137 чел. Занимаются давно,—„изъ вѣку, родовой нашъ промыселъ“ отзываются крестьяне. Промыселъ былъ выгоденъ лѣтъ 15—20 назадъ, когда еще лѣсъ былъ дешевъ; въ настоящее же время какъ въ Боровской, такъ и въ Холкѣ производство падаетъ и количество кустарей уменьшается, потому что лѣсу по близости не стало, приходится ѣздить за нимъ довольно далеко и платить за него высокую цѣну.

По своей организаціи, промыселъ принадлежитъ къ типу мелкаго домашняго производства. Рабочихъ никто изъ производителей не держитъ, всѣ работаютъ сами, исключительно силами своей семьи. Лѣсъ покупается боровскими производителями у помѣщицы Масловской, холковскіе же кустари берутъ его, гдѣ попало; плата за возъ хворосту 50—65 коп. Возъ обжигается въ теченіи сутокъ. Съ каждаго воза выходитъ около 8 мѣрокъ угля, такъ какъ жгутся только крупныя хворостины, дробныя же обыкновенно оставляются себѣ на топку. Продавать ѣздятъ изъ д. Боровской въ Бѣлгородъ, изъ Холка—въ Новый-Осколь, Великую Михайловку и Чернянку, гдѣ и сбываютъ непосредственно потребителямъ. Продажная цѣна мѣрки отъ 8—15 коп., смотря по времени года и по покупателю. Инструменты угольщика: *простая деревянная лопата*—20 коп., *грабарская желѣзная лопата*, для засыпанія пережигаемаго угля землею—40—50 коп. и *топоръ* 60 коп.,—всего, стало быть, на 1 р. 25 коп.; ежегодный ремонтъ обходится въ 50—70 коп.

Мы уже встрѣчали угольное производство въ прежде изслѣдованныхъ уѣздахъ и описывали его (Общій Сборникъ Іос. сіт. 206--207 стр.). Главное отличіе угольнаго производства въ д. Боровской и Холкѣ отъ прежде описанныхъ формъ заключается въ томъ, что ни боровскіе ни холковскіе угольщики для обжиганія углей никакихъ особенныхъ ямъ не роютъ, какъ это мы видѣли въ Львовскомъ, Курскомъ, Фатежскомъ и Суджанскомъ уу., и обжигаютъ уголь прямо на поверхности земли, обкладывая пережигаемый хворостъ дерномъ.

Въ теченіе года угольщикъ здѣшній работаетъ не болѣе 150 дней, изъ которыхъ около 30 дней посвящаетъ на отысканіе и привозъ матеріала производства; остальные же 120 дней идутъ на обжиганіе угля. Каждый день угольщикъ обжигаетъ, какъ мы видѣли, 1 возъ хвороста, или 8 мѣрокъ угля; значитъ, въ теченіе всего года онъ обожжетъ 120 возовъ или 960 мѣрокъ. Если положить, среднимъ числомъ, за каждую мѣрку 12 коп., то об-

щая сумма годового производства кустаря будет равняться 115 руб. Затраты производства:

120 возовъ хворосту на	72 р.
ремонтъ и ⁰ / ₁₀₀ на погашеніе основн. капитала —	90 к.
Всего	72 р. 90 к.

Значитъ, затраты производства составляютъ около 63% валового дохода производителя. При этомъ мы еще не принимали во вниманіе стоимости доставки угля до города, который находится, напр., отъ д. Боровской въ разстояніи 30 верстъ. Если считать провозъ, то, по справедливому замѣчанію крестьянъ, — „за весь годъ на соль не выработаешь“. Чистая выручка кустаря простирается до 40 руб. въ годъ.

Общій итогъ производства всѣхъ угольщикова д. Боровской и сл. Холки составляетъ въ среднемъ около 23,000 возовъ или 185,000 мѣрокъ, на сумму 22,200 руб.

Промыслъ продержится, вѣроятно, весьма не долго. Многіе уже и теперь бросили это занятіе и пошли по плотничеству, другіе стали уходить въ Таврію и Землю В. Донскаго, „въ закось“, на лѣтнія заработки. Остальные также, вѣроятно, не замедлятъ присоединиться къ нимъ. Во всякомъ случаѣ, не обинуясь можно сказать, что пройдетъ какихъ-нибудь 10—15 лѣтъ и о промыслѣ останется здѣсь одно сладкое воспоминаніе.

h) Производство сундуковъ.

Производство существуетъ въ сл. Великой Михайловкѣ, Холани и Слоновкѣ, Новоскольеваго уѣзда. Всѣхъ промышленниковъ занято имъ 165 чел.; въ томъ числѣ — 37 чел. въ Слоновкѣ, 123 чел. въ Михайловкѣ, 4 чел. въ Холани и 1 — въ д. Анновкѣ, Богородской волости.

Промыслъ переживаетъ переходный періодъ отъ мелкаго кустарничества къ болѣе крупной капиталистической организаціи.

Производители еще въ очень недавнее время работали каждый самъ по себѣ, сами покупали матеріалъ и сами же сбывали издѣлія на мѣстныхъ рынкахъ. Въ настоящее же время, благодаря дороговизнѣ лѣса — съ одной стороны и увеличившейся трудности сбыта — съ другой, промыслъ началъ приобрѣтать форму крупной организаціи. Всѣ производители въ настоящее время распадаются на три группы: 1) хозяева-предприниматели, раздающіе работу мелкимъ производителямъ, 2) самостоятельные кустари, число которыхъ, вслѣдствіе указанныхъ причинъ, съ каждымъ годомъ уменьшается, и 3) производители, работающіе по заказу крупныхъ предпринимателей, изъ чужаго матеріала. Хозяевъ-предпринимателей въ обоихъ названныхъ селеніяхъ считается 7 человекъ; сами хозяйства со своими семьями въ производствѣ не участвуютъ. Самостоятельныхъ кустарей считается 32 человекъ, остальные всѣ работаютъ по штучно отъ хозяевъ. Въ промыслѣ участвуютъ также женщины, которыя занимаются только окраскою сундуковъ по найму отъ мелкихъ кустарей или крупныхъ предпринимателей.

Производство здѣсь повелось издавна. Первые начали заниматься имъ Михайловцы. Начало этого промысла, вѣроятно, относится къ той же эпохѣ конца прошлаго и начала настоящаго столѣтія, когда бывший владѣлецъ В. Михайловки, кн. Голицынъ началъ выселять сюда промышленниковъ изъ разныхъ имѣній своихъ. Нѣтъ сомнѣній, что кто-нибудь изъ присланныхъ сюда промышленниковъ и завелъ здѣсь это производство. Потомъ, вслѣдствіе разныхъ благоприятныхъ условий, вслѣдствіе покровительства со стороны владѣльца, близости сыраго матеріала, легкаго сбыта и т. д., промыслъ сталъ развиваться и крѣпнуть. Слоновцы „переняли“ производство у Михайловцевъ давно, — нужно думать, еще на первыхъ порахъ существованія промысла. Судя по рассказамъ крестьянъ, до проведенія здѣсь желѣзной дороги, производство было исключительно мелкимъ, кустарнымъ; каждый изъ производителей занимался выдѣлкой сундуковъ самостоятельно, самъ покупая матеріалъ и самъ же продавая его непо-

средственно потребителямъ. Было, правда, нѣсколько крупныхъ торговцевъ сундуками въ Великой Михайловкѣ, но они покупали у кустарей ихъ издѣлія уже готовыми и не держали всѣхъ витей производства въ своихъ рукахъ, какъ это происходитъ теперь. Промыселъ началъ капитализироваться только съ проведеніемъ желѣзной дороги, когда лѣса вдругъ страшно подорожали, и вѣдствие этого кустарю понадобилось удвѣсить и утроить свой годовой оборотный капиталъ. Это было не по силамъ мелкимъ производителямъ и потому большинство ихъ приняло явившееся къ тому времени предложеніе со стороны крупныхъ предпринимателей—работать на нихъ изъ готоваго матеріала, получая за это поштучную плату. Въ настоящее время количество самостоятельныхъ кустарей, какъ мы говорили выше, съ каждымъ годомъ все уменьшается; нужда заставляетъ ихъ переходить въ разрядъ наемныхъ, поштучныхъ работниковъ и бросать самостоятельное производство.

Особаго помѣщенія для промысла ни у кого изъ производителей нѣтъ. Каждый работаетъ въ зимнюю пору у себя въ хатѣ, а лѣтомъ—на дворѣ подъ навѣсомъ. Инструменты у производителя такіе же, какъ у простаго столяра; стоимость ихъ отъ 5—8 руб. Инструменты покупаются въ мѣстныхъ слободскихъ лавкахъ, или въ ближайшемъ городѣ. Ежегодный ремонтъ ихъ обходится кустарю въ 2—3 рубля. Какъ у самостоятельныхъ производителей, такъ и у тѣхъ, которые работаютъ по заказамъ торговцевъ-хозлеву, инструментъ—свой собственный.

Матеріаломъ производства служатъ *липовое* и *осиновое дерево*; но такъ какъ это дерево дорого, то кустарь обыкновенно вставляетъ въ сундукъ доски 3—4 дешевыхъ *ракетовыхъ*, выигрывая такимъ путемъ на сотнѣ сундуковъ по нѣскольку рублей. Слоновскіе производители дерево покупаютъ у купца Дерябина, который купилъ сосѣдній помѣщичій лѣсъ и завелъ тамъ лѣсопильню для приготовления досокъ. Липовыя доски покупаются у него по 25—30 руб. за сотню, осиновые по 20—25 руб. ракетовыя—по 10—15 р. Нѣкоторые крупные предприниматели нахо-

дятъ для себя болѣе выгоднымъ покупать лѣсъ у Дерябина цѣлыми деревьями и затѣмъ дома уже распиливаютъ ихъ на доски, при помощи особыхъ, наемныхъ пильщиковъ. Въ этомъ случаѣ сотня досокъ обходится предпринимателю на 25—30% дешевле, чѣмъ при покупкѣ готовыхъ. Ширина досокъ—3—5 вершковъ. Производители Михайловскіе покупаютъ лѣсъ болѣею частію также въ Слоновкѣ, у Дерябина, отчасти же ѣздятъ за нимъ въ с. Бѣломѣстное и х. Козель. Цѣна на дерево—таже самая. Изъ сотни штукъ хорошихъ, безъ браку, досокъ выходитъ обыкновенно по 25 штукъ сундуковъ. „Мѣшаннаго“ лѣсу (т. е. съ равитникомъ), который болѣе всего употребляется производителями, на 25 штукъ выходитъ обыкновенно на 12—18 рублей. Кромѣ того, желѣзнаго прикладу (обойка, петли и навѣска) на 25 скрѣнь пойдетъ на 2½ рубля.

Производство ведется обыкновенно круглый годъ, и въ зимнюю, и въ лѣтнюю пору. Среднимъ числомъ, каждый производитель въ теченіе года на промыселъ употребляетъ около 220 дней, считая здѣсь и время, необходимое для доставки матеріала изъ лѣса, на что идетъ у каждаго кустаря отъ 10—20 дней въ теченіе года. Принципъ раздѣленія труда обнаруживается въ производствѣ только въ томъ, что бабы занимаютъ „расписываніемъ“, окраской уже готовыхъ, сдѣланныхъ мужчинами сундуковъ. Всѣхъ женщинъ, занимающихся расписываніемъ сундуковъ, зарегистрировано нами по Слоновкѣ и Великой Михайловкѣ 77 чел. Они красятъ не только издѣлія своихъ домашнихъ работниковъ, но берутъ также, за извѣстную плату, заказы и отъ чужихъ мастеровъ и крупныхъ предпринимателей, такъ что это занятіе обратилось здѣсь въ постоянный бабскій промыселъ. Окраска на сундукахъ бываетъ двухъ родовъ—простая, одной краской, „въ гладь“ или подъ орѣхъ, и разноцвѣтная, съ различными узорами и цвѣтами. За первую бабы берутъ 30—35 коп. съ сундука, за вторую отъ 30 коп. до 1 руб., смотря по величинѣ сундука и по тѣмъ цвѣтамъ, какіе нужно нарисовать на немъ. Самыми дорогими цвѣтами считаются розы, на которые идетъ много красной, дорогой краски

(ношенны, по 1 руб. за фунтъ). Заработокъ бабы-малыра отъ каждаго окрашеннаго ею сундука равняется 20—60 коп., годовой же заработокъ ея—отъ 30—50 руб.,—смотря по искусству и проворству, съ какимъ она выполняетъ заказы.

Сундуки дѣлаются здѣсь 3 сорта, которые различаются между собою по размѣру:

первый сортъ—1 арш. и 2 вершка въ длину и $\frac{3}{4}$ арш. въ ширину;

второй— $1\frac{1}{4}$ арш. въ длину и 14 вершк. въ ширину, и

третій—1 арш. 6 вершковъ въ длину и 1 арш. въ ширину.

Или же: первый сортъ—1 арш дл. и $\frac{3}{4}$ арш шир.; второй— $1\frac{1}{8}$ арш. въ длину и 14 вершк. въ ширину, и третій— $1\frac{1}{4}$ арш. въ длину и 1 арш. въ ширину.

Хозяева-предприниматели работниковъ постоянныхъ у себя не держатъ; они просто нанимаютъ работать своихъ менѣ состоятельныхъ сосѣдей поштучно, платя имъ по 40—70 коп. отъ каждаго сундука. Матеріалъ въ этомъ случаѣ отъ хозяина—заказчика. Всѣхъ хозяевъ-предпринимателей, какъ мы уже выше упоминали, считается здѣсь 7 человекъ; сундучниковъ, работающихъ по найму отъ штуки 120 чел. Работа производится послѣдними на своихъ харчахъ и въ своемъ помѣщеніи.

У нѣкоторыхъ производителей есть ученики (ихъ насчитано переписью всего 6 чел.), которыхъ родители отдаютъ къ мастеру въ наученье на 2—3 года безъ платы, изъ однихъ харчей. Первый годъ хозяева обыкновенно ихъ ни на какую работу по промыслу не опредѣляютъ; они служатъ это время обыкновенно „на побѣгушкахъ“ „выслуживаетъ хлѣбъ“, и только со втораго года мастеръ ставитъ его за скобель и заставляеть обтесывать доски. Одежда у учениковъ во всѣ годы ученичества своя.

Сбываются издѣлія производства или самими кустарями-производителями, которые развозятъ ихъ по мѣстнымъ ярмаркамъ и базарамъ, или же продаются особымъ скупщикамъ—тѣмъ самымъ 7 крупнымъ предпринимателямъ, которые вмѣстѣ съ тѣмъ нани-

маютъ сундучниковъ для сдѣльной поштучной работы. Скупщики же отвозятъ сундуки на далекіе, чужіе рынки—въ Воронежскую, Харьковскую, Екатеринославскую губ., Землю Войска Донскаго и отчасти въ Симферопольскую и Ставропольскую губ.

Цѣны на издѣлія производства, при розничной продажѣ на мѣстныхъ базарахъ и ярмаркахъ, отъ $1\frac{1}{2}$ —4 руб., а за большой сундукъ, изукрашенный розанами, берутъ даже и по 5—6 руб. Вообще, при розничной продажѣ среднюю цѣну за каждый сундукъ безъ различія размѣровъ можно положить 3—4 руб. Гуртовая же, оптовая продажа, какую въ большинствѣ случаевъ практикуютъ самостоятельные кустари, значительно понижаетъ цѣну. Скупщики забираютъ товаръ у производителей обыкновенно возами; въ каждомъ возу въ Слоновкѣ принято считать десять штукъ, въ Михайловкѣ—12 шт. сундуковъ. За каждый возъ платится обыкновенно въ Слоновкѣ 18—22 р. за бѣлые, некрашенные, сундуки и по 20—27 руб. за крашенные, въ Великой Михайловкѣ 20—25 р. некрашенные и 25—30 р. возъ крашенныхъ. Значитъ, каждый сундукъ цѣнится, при такой продажѣ, приблизительно, въ 2—3 рубля, въ среднемъ же въ $2\frac{1}{2}$ рубля. Стало быть, при розничной продажѣ кустари на каждомъ сундукѣ, въ среднемъ, берутъ 1 руб. больше, чѣмъ при продажѣ гуртомъ; но къ сожалѣнію розничная продажа, сопряженная съ развѣздами, не для всѣхъ доступна, потому что для этого нужно имѣть лошадь, а около 30% всѣхъ кустарей-сундучниковъ принадлежатъ къ категоріи домохозяевъ безлошадныхъ; съ другой стороны, запросы мѣстнаго рынка настолько ограничены, что онъ едва можетъ поглощать 5—10% всего количества издѣлій, производимыхъ сундучниками; остальные же издѣлія должны искать сбыта на чужомъ рынкѣ.

При оптовой продажѣ, каждый десятокъ составляется известнымъ образомъ, разъ навсегда установленнымъ мѣстнымъ обычнымъ торговымъ правомъ. Во всякомъ десяткѣ обыкновенно бываетъ въ Великой Михайловкѣ—2 сундука большого размѣра, 6 среднихъ и 4 меньшихъ, или же: 6 среднихъ, 3 большихъ и 3 меньшихъ;

въ Слоповѣ, при продажѣ скупщикамъ, возъ укладываютъ такимъ образомъ: кладутъ сначала на возъ три большихъ сундука, въ каждый изъ нихъ вкладываютъ по среднему, а въ каждый изъ этихъ послѣднихъ, въ свою очередь, по меньшему; такимъ образомъ въ возу оказывается всего $3 \times 3 = 9$ сундуковъ, а десятый кладется по предварительному уговору между скупщикомъ торговцемъ и продавцомъ-производителемъ, — большаго или средняго размѣра.

Каждый сундукъ можетъ быть сдѣланъ производителемъ въ $1\frac{1}{2}$ — 2 дня. Значитъ, за весь рабочій сезонъ кустарь можетъ сдѣлать около 125 сундуковъ, безъ различія сорта, на сумму (принимая во вниманіе и розничную и оптовую продажу и полагая въ среднемъ по 2 руб. 80 коп. за сундукъ) 350 руб. сер. Всѣ же вмѣстѣ 165 чел. сундучниковъ ежегодно вырабатываютъ около 20,600 штукъ сундуковъ, на сумму 57,680 руб. сер.

Чистый годовоі зароботокъ самостоятельнаго кустаря можно вывести такимъ образомъ:

на 1 возъ въ 10 сундуковъ у производителя пойдеть					
дерева на	-	-	-	-	12 р.
жельзнаго прикладу	-	-	-	-	1 „
окраска (по найму)	-	-	-	-	4 „
ремонтъ инстр. и $\frac{0}{100}$ на погашеніе основнаго капитала	-	-	-	-	3 „
					Всего - - 20 „

Значитъ, при оптовой продажѣ, на долю кустаря остается отъ каждаго десятка или воза 5 руб., при розничной — 15 рублей; въ среднемъ же — около 7 рублей. А общій итогъ годовоіе прибыли, при годовомъ производствѣ въ 125 штукъ, будетъ равняться 87 руб. Самостоятельныхъ кустарей, какъ мы видѣли по всему району, считается 32 чел.; стало быть, общая ежегодная прибыль ихъ составляетъ 2784 рубля.

Производители, работающіе поштучно отъ хозяевъ, зарабатываютъ въ теченіе года (220 дней полностью, потому что матеріалъ производства имъ доставляется имъ хозяевами-заказчиками на домъ) 71 руб. 50 коп., или, за вычетомъ $\frac{0}{100}$ на ремонтъ инструментовъ и на погашеніе основнаго капитала — 66 — 67 руб.

Хозяева скупщики, кромѣ дохода непосредственно отъ своего производства, получаютъ извѣстный $\frac{0}{100}$ прибыли, во первыхъ, отъ заказовъ, которые дѣлаются для нихъ работниками-штучниками во вторыхъ отъ сбыта издѣлій. На всѣхъ 20,600 шт. сундуковъ, выдѣляемыхъ здѣшними производителями, они получаютъ круглымъ числомъ до 30 $\frac{0}{100}$ чистой прибыли, или около 18,300 руб. сер., по 2614 рублей на каждаго.

Въ настоящее время сундучное производство, какъ мы уже сказали, переживаетъ переходную эпоху: число наемныхъ производителей, работающихъ поштучно на хозяина съ каждымъ годомъ все увеличивается; количество-же самостоятельныхъ кустарей постоянно уменьшается, благодаря страшной дороговизнѣ лѣсовъ и трудности сбыта издѣлій. Этотъ фактъ уже достаточно характеризуетъ сундучное производство и ясно указываетъ на то, чѣмъ оно сдѣлается и въ какія формы отольется въ недалекомъ будущемъ. Черезъ какой-нибудь десятокъ лѣтъ самостоятельный кустарь исчезнетъ совершенно, и все производство окончательно сконцентрируется въ рукахъ крупныхъ предпринимателей-торговцевъ, которые, пользуясь отсутствіемъ конкуренціи со стороны самостоятельныхъ кустарей — одиночекъ, понизятъ заработную плату наемнымъ рабочимъ — „штучникамъ“ до minimum'a и станутъ ихъ держать въ черномъ тѣлѣ... Самое же производство, не смотря на грозящее ему уничтоженіе лѣсовъ въ здѣшней мѣстности, вѣроятно, еще долго сохранится здѣсь благодаря своей крупной, капиталистической организаци, потому что эта послѣдняя въ состояніи будетъ — если это окажется выгоднымъ — доставать матеріалъ производства съ чужаго, далекаго рынка.

i) *Производство дугъ.*

Наша Курская и Орловская (г. Болховъ) губернія издавна славится своими деревянными издѣліями, среди которыхъ не послѣднее мѣсто занимаютъ расписныя, крашенныя дуги, изготовляющіяся въ разныхъ мѣстахъ этихъ двухъ губерній. Здѣшнія дуги издавна наполняли собою не только всѣ украинскіе южные рынки (Харьковъ, Одесса, Полтава, Екатеринославъ, Ростовъ-на-Дону etc.), но доставлялись даже и въ Москву, Тверь и Нижній-Новгородъ, гдѣ успѣшно конкурировали съ костромскими и ярославскими издѣліями, которыя, по общимъ отзывамъ, по своему достоинству далеко уступаютъ здѣшнимъ.

Дужный промыселъ распространенъ въ особенности въ нашихъ южныхъ уѣздахъ Новооскольскомъ, Корочанскомъ и Бѣлгородскомъ, которые вообще представляютъ гораздо большее количество кустарей, чѣмъ всѣ другіе уѣзды, вмѣстѣ взятые. Дужники зарегистрированы статистической переписью въ селеніяхъ: въ Бѣлгородскомъ уѣздѣ: с. Крутомъ-Логъ, Масловской вол.,—235 чел., въ Болховецкой волости—20 чел., въ Карповской—18 чел., въ Мелиховской—3, въ Сабынинской—5, въ Старгородской—1 чел., Шебекинской—4 и Шопиинской—1 чел.; въ Корочанскомъ уѣздѣ: въ д. Стрѣльниковой, Новооскоченской вол.—18 чел., въ д. Кривцовой, той-же волости—262 чел., въ с. Сажномъ, Шаховской вол., 17 чел., въ Гвѣздиловкѣ, Подольшанской вол.,—17 чел., въ Бобровой—1 чел., сл. Никольской—1 чел.; въ Новооскольскомъ уѣздѣ: въ Буланонской и Слоновской вол.—10 чел. Всего же по 3 указаннымъ уѣздамъ считается 613 человекъ.

Въ томъ числѣ самостоятельныхъ кустарей-производителей—430 чел., и рабочихъ, занимающихся поденно, поштучно и по мѣсячно—141 чел. Изъ числа самостоятельныхъ производителей 42 чел., наиболѣе состоятельныхъ, занимаются, кромѣ того, скункою дугъ и отправкою ихъ на болѣе или менѣе отдаленные рынки.

Въ с. Крутомъ-Логъ, Кривцовой и Болховцѣ производство ведется, по отзывамъ крестьянъ, издавна. Въ другихъ же мѣстахъ дуги начали дѣлать сравнительно весьма недавно: въ с. Сажномъ, напр., Шаховской вол., не далѣе какъ лѣтъ 25 назадъ.

Главную причину появленія промысла въ указанныхъ мѣстахъ пужно несомнѣнно, считать обиліе сыраго матеріала подъ руками и легкость сбыта дужныхъ издѣлій, на которыя постоянно существуетъ большой спросъ въ деревнѣ. Въ прежнее время до проведенія желѣзныхъ дорогъ, корочанскія и бѣлгородскія дуги потреблялись главнымъ образомъ южными рынками и на сѣверъ дальше Коренной ярморки не заходили. Они распространялись только по Курской, Воронежской, Харьковской и отчасти Полтавской губ., находя себѣ поддержку въ распространенномъ здѣсь въ то время извозномъ промыслѣ, при которомъ каждый крестьянинъ изъ категоріи средне-зажиточныхъ домохозяевъ постоянно держалъ у себя, по крайней, мѣрѣ по 2—3 лошади „подъ запряжкой“. Но послѣ проведенія желѣзныхъ дорогъ, когда всѣ гужевые пути уничтожились и остался извозъ только мелкій и близкій, дужники не могли удовлетвориться одними прежними рынками, на которыхъ спросъ на ихъ издѣлія понизился разомъ чуть не втрое,—тѣмъ болѣе, что вмѣстѣ съ этимъ стибла и Коренная ярморка, служившая до того времени однимъ изъ главныхъ мѣстъ для сбыта. Вслѣдствіе этого, производители принуждены были расширить районъ сбыта своихъ издѣлій и искать для нихъ новыхъ рынковъ, изъ которыхъ самымъ подходящимъ оказалась Москва. Когда здѣшніе Курскія дуги поступили сюда на рынокъ, то, благодаря чистотѣ отдѣлки и безукоризненной „добротности“, сразу заняли одно изъ видныхъ мѣстъ среди дужныхъ издѣлій привозившихся сюда изъ другихъ мѣстностей—Новгородской, Костромской и Ярославской губ.

Такимъ образомъ, къ началу 80-хъ годовъ районъ сбыта здѣшнихъ дужныхъ издѣлій представлялъ уже громадную площадь, заключающуюся между Москвою (на сѣверѣ) и Полтавою (на югѣ). Но нашимъ производителямъ и этого показалось мало. Два или три

года тому назад дужники с Крутаго-Лога и Кривцовой задумали отправлять свои издѣлія въ далекую Сибирь. На этотъ шагъ производителей натолкнуло, во первыхъ, то обстоятельство, что Москва, нѣкогда съ охотою разбиравшая здѣшнія дуги, теперь стала отдавать предпочтеніе Ярославскимъ и Новгородскимъ издѣліямъ, которыя, по своему достоинству, успѣли уже за это время сравняться съ нашими, а по дешевизнѣ даже превзойти ихъ, такъ какъ провозъ до Москвы къ Ярославской губ. (какихъ-нибудь 150—200 вер.) стоилъ тамошнимъ кустарямъ гораздо дешевле чѣмъ нашимъ (700—800 вер.) Съ другой стороны, нашихъ дужниковъ манили въ Сибирь рассказы о ней бывалыхъ компетентныхъ лицъ, которые, обрисовывая естественныя богатства этого далекаго края и его добывающую промышленность розовыми красками, вмѣстѣ съ тѣмъ отзывались весьма неодобрительно объ ея обрабатывающей промышленности и утверждали, что „тамъ сами дѣлать ничего не умѣютъ, живутъ тѣмъ, что имъ привозятъ изъ Россіи“ и въ особенности нуждаются въ дугахъ. Объ этомъ писали сюда и переселенцы, ушедшіе изъ Крутаго-Лога послѣ большого пожара 1880 г. (сгорѣло тогда 114 дворовъ), въ количествѣ 8—10 семей. Все это очень разлакомило производителей, и имъ страстно захотѣлось пробить себѣ дорогу на сибирскіе рынки; но какъ это сдѣлать? Дѣло было не легкое. Если доставлять до Сибири свои издѣлія на лошадяхъ, дуги пожалуй обойдутся вдвое дороже той цѣны, которую можно взять за нихъ на Тобольскомъ или Томскомъ рынкѣ. Тутъ какой-то добрый человекъ, городской купецъ, съ которымъ крутологовцы издавна водили знакомство, указалъ на желѣзную дорогу, какъ на единственное средство, при помощи котораго можно доставлять издѣлія на мѣсто сбыта и дешево, и скоро. Производители ухватились за этотъ совѣтъ, но такъ какъ до Тобольска вплоть желѣзной дороги не существуетъ, то они вошли въ соглашеніе съ частной транспортной конторой въ Бѣлгородѣ, которая взялась доставлять дуги до Тобольска, съ платою по 1 рублю съ пуда. Два производителя, которые вмѣстѣ съ тѣмъ и скупили дуги у другихъ,

приняли эти условія и отправили черезъ нее въ Тобольскъ „на пробу“ двѣ партіи дугъ, по 500—800 штукъ каждая. Сдавши дуги въ конторѣ, они сами съ замираніемъ сердца отправились въ Тобольскъ „принимать“ товаръ. Послѣдній пришелъ туда скоро велѣдъ за ними же, и едва они успѣли пріѣхать въ Тобольскъ, какъ имъ уже подали объявленія отъ конторы, что товаръ на ихъ имя полученъ. Тотчасъ же началась торговля, результаты которой превзошли всякія ожиданія: товаръ свой они распродали въ самое короткое время и, выручивши на немъ „башъ на башъ“, т. е. 100% на 100, отправились домой съ большими деньгами. Съ тѣхъ поръ, съ легкой руки этихъ двухъ предпринимателей, начались постоянныя поѣздки здѣшнихъ производителей въ Сибирь. Всѣхъ семей, ведущихъ сибирскую торговлю, въ настоящее время считается въ Крутомъ-Логѣ 10 (изъ числа производителей), въ Кривцовой — 2.

На ряду съ этимъ расширеніемъ рынка, нельзя не отмѣтить одного характернаго явленія, касающагося техники производства. Дѣло въ томъ, что во время оно, когда дуги изготовлялись здѣсь исключительно для мѣстнаго рынка и ближнихъ базаровъ, производители совѣмъ не старались о красотѣ рисунка на нихъ, „ляпали просто красками, какъ попало“, лишь бы нестрѣе выходило — и неприхотливые вкусы здѣшнихъ производителей вполне удовлетворялись этимъ рисункомъ, находили ихъ не только сносными, но даже и хорошими.

Но когда пришлось кустарямъ везти свои издѣлія на Московскій рынокъ и вступитъ здѣсь въ конкуренцію съ Ярославскими и Новгородскими производителями, то они тотчасъ же почувствовали необходимость улучшенія качества рисунковъ на своихъ дугахъ, такъ какъ это могло дать имъ лишній шансъ для побѣды въ борьбѣ съ кустарями другихъ мѣстностей. Благодаря этому обстоятельству, рисунокъ на дугахъ былъ ими скоро улучшенъ и доведенъ до возможнаго совершенства. Безъ всякихъ образцовъ и готовыхъ моделей, единственно благодаря своей талантливости

вой изобрѣтательности, они въ скоромъ времени научились списывать свои издѣлія такъ искусно, что московскіе потребители стали ихъ издѣлія предпочитать дугамъ ярославскимъ и новгородскимъ. Отцы и дѣды ихъ довольствовались въ рисунокѣ шаблонными листьями и цвѣтками, которыхъ было всего два сорта; новые же производители стали вырѣзать на своихъ издѣліяхъ массу новыхъ „твѣтовъ“, а также виноградныя кисти, отчасти списывая ихъ съ церковныхъ иконостасовъ (sic!), отчасти выдумывая прямо „изъ головы“. За послѣднее же время, когда вывозъ издѣлій въ Москву сталъ сокращаться и дуги пошли за Уралъ, качество рисунковъ снова стало приходить въ упадокъ, такъ какъ для удовлетворенія вкусовъ сибирскихъ покупателей требуется весьма и весьма немного. Въмѣсто художественнаго рисунка, прекрасно характеризующаго самостоятельное творчество крестьянъ, опять пошла на дугахъ грубая „ляпня“ разноцвѣтными красками, которая нерѣдко положительно рѣжетъ глазъ своею нестротою и въ своемъ сочетаніи красокъ не имѣетъ рѣшительно никакой эстетической гармоніи.

Въ другихъ мѣстахъ, гдѣ производители, при сбытѣ своихъ издѣлій, довольствуются исключительно мѣстнымъ рынкомъ, никакихъ особыхъ улучшеній или колебаній въ технику производства за послѣднее время не наблюдалось. Дѣлаютъ вездѣ, „какъ отцы дѣлали“, и дальше этого нейдутъ.

Главнымъ матеріаломъ производства служатъ *ракетовыя плахи*, которыя покупаются у окрестныхъ крестьянъ и помѣщиковъ. Такъ какъ съ каждымъ годомъ дерева становится въ нашихъ краяхъ все меньше и меньше, то производителямъ нерѣдко приходится ѣздить за нимъ за 50 и даже 80 верстъ. Замѣчательно, что, въ виду широкаго развитія дужнаго промысла на югѣ и юго-востокѣ нашей губерніи, во многихъ мѣстахъ Вѣлгородскаго, Новооскольскаго, Корочанскаго, даже Тимскаго уѣзда, и въ пограничныхъ селеніяхъ Воронежской и Харьковской губерніи, жители начали съ нѣкотораго времени *спеціально заниматься разведеніемъ особаго рода ракеты (упругой) для продажи ея*

производителямъ дужникамъ, такъ что въ настоящее время это уже составляетъ особый видъ промысла. Возникновенію этого промысла не мало способствовало то обстоятельство, что ракета, какъ извѣстно, разводится отростками и растетъ весьма быстро. По отзывамъ крестьянъ, промыселъ этотъ очень выгоденъ — уже потому одному, что не соединенъ съ большими хлопотами, такъ какъ ракета — дерево неприхотливое и никакого ухода за собою не требуетъ. Сажаютъ ее обыкновенно вездѣ рѣкъ и по оврагамъ, на сырыхъ, болотистыхъ мѣстахъ, неудобныхъ для посѣва хлѣбовъ. На дуги идутъ 6 — 8 — лѣтнія насажденія.

Ракетовая плаха, въ $3\frac{1}{2}$ арш. въ длину и отъ 2 — 4 четв. въ окружности, покупается производителями обыкновенно по 30 — 70 к. за штуку. Кромѣ того, провозъ плахи до дома, полагая среднимъ числомъ за 25 верстъ, обходится производителю въ 10 — 15 коп. Значитъ, каждая сырая плаха обходится кустарю приблизительно въ 62 коп. Изъ плахи можно приготовить всего 1 дугу.

Кромѣ дерева, на дуги идутъ также разныя *краски*, — на каждую штуку на 1 — 10 коп.

Гнутъ дуги прямо на дворѣ подъ навѣсомъ; особыхъ помѣщеній для этого ни у кого изъ производителей не имѣется. Только нѣкоторые кустари въ Крутомъ Логѣ и д. Кривцовой, Новооскольской волости, имѣютъ для сушки дугъ, особыя „парники“, или *запарни*, которыя устраиваются слѣдующимъ образомъ: вырывается въ землѣ квадратная яма, глубиною до $3\frac{1}{2}$ аршинъ и 4 — 5 арш. въ стѣнѣхъ. Въ нее запускается срубъ, возвышающійся на $\frac{1}{2}$ — $\frac{3}{4}$ арш. надъ землею, и затѣмъ въ срубъ кладется печка изъ кирпичей, или же чаще всего просто изъ глины. Надъ печкой устраивается „полокъ“ изъ колевъ, на который кладутся обыкновенно дуги для просушки. Сверху землянка заваливается дерномъ. Дуги кладутся на полокъ черезъ особое отверстіе на верху или сбоку, которое закрывается особою деревянною заслонкой.

Инструментъ у дужника—почти такой же какъ и простаго столара, а именно:

- 1) *топоръ*, цѣною въ 60 коп.
- 2) *стругъ*—50 коп.
- 3) *два пилы: большая*—отъ 2 р. 50 коп. до 3 р. и *маленькая*—50 коп.
- 4) *рызы различной величины*, по 10—15 коп.
- 4) *рубанокъ*—80—90 коп.
- 5) *скобелъ*, прямой и полукруглый, по 25—30 коп.

Кромѣ того, для производства употребляется еще *воротъ*, при помощи котораго сгибають плаху,—стоимость его—отъ 70 коп. до 1 р., и *толстый дубовый пень*, около котораго вращается воротъ—50 коп.

Стоимость полного ассортимента орудій дужника не превышаетъ 7—8 рублей.

Процессъ производства заключается въ слѣдующемъ. Сначала плаху отесываютъ топоромъ со всѣхъ сторонъ, стараясь придать ей по возможности ту форму, которую она должна имѣть на дугѣ; затѣмъ, при помощи ворота сгибають ее „въ колесо“ и связываютъ концы веревкой, или просто тонкими и гибкими раки-товыми вѣтками, скрученными въ видѣ веревки („свитой“). Хотя процессъ сгибанія дугъ и производится здѣсь при помощи ворота, а не „въ ручную“, какъ это мы видѣли у щигровскихъ дужниковъ, не додумавшихся еще даже до ворота, тѣмъ не менѣе для этого требуется все-таки не менѣе 2—3 человекъ, потому что работа эта очень тяжела. Вслѣдствіе этого, силами своихъ семей обходятся только тѣ домохозяева, которые имѣютъ не менѣе 2 работниковъ мужскаго пола (женщины въ производствѣ совсѣмъ не участвуютъ); всѣ же остальные принуждены или держать постоянныхъ наемныхъ работниковъ, или же соединяться въ артели, для взаимной совмѣстной работы.

Скрученныя и связанныя плахи поступаютъ для просушки въ парники или же на печки, въ жилыя избы. Въ парникъ разомъ

кладется до 30 дугъ, на печку—около 10. На печкѣ дуги сушатся въ теченіи 2—3-хъ недѣль; въ парникѣ же лежать не болѣе 5—6 дней. Для просушки дугъ въ парникѣ идетъ отъ 1 до 1½ возовъ мелкаго лѣса, на сумму отъ 50 до 80 коп. Когда же дрова лежатъ на печкѣ, то топятъ не больше обыкновеннаго, такъ что дровъ при этомъ лишнихъ не выходитъ. Когда скрученныя кольца совершенно высохнутъ, ихъ снимають съ печи, развязываютъ, немного разводятъ и концы обрѣзають. Затѣмъ ихъ отесываютъ на-чисто, при помощи струга или скобеля, и распиливаютъ. Большая часть дугъ красится краской, черной, зеленой и т. п., нѣкоторые же поступаютъ на рынокъ прямо некрашенными. При сгибаніи плахъ, приблизительно $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{5}$ часть ихъ трескается и, собственно говоря, должна бы была поступать въ „бракъ“, но наши кустари ухитряются и эти бракованныя дуги сбывать на рынокъ за настоящую цѣну. Для этого они надтреснутыя мѣста тщательно затирають смолой или дегтемъ и сверху закрашиваютъ краской. При такихъ условіяхъ, только опытному, наметавшемуся глазу, при самомъ внимательномъ осмотрѣ, можно отличить бракованную дугу отъ хорошей. Обыкновенные же рыночныя покупатели, крестьяне, а въ особенности жители городовъ и „господа“ никакимъ образомъ не въ состояніи отличить искусно—замаскированную плутню производителя.

Сгибаніе плахъ производится обыкновенно и зимою, и лѣтомъ, во дворѣ, подъ навѣсомъ; отдѣлка же и распиливаніе ихъ въ зимнее время производится или въ парникѣ, или въ жилой избѣ.

Сбываются дуги частію самими производителями прямо и непосредственно потребителямъ, по окрестнымъ ярмаркамъ—въ Томаровкѣ, Борисовкѣ, Великой-Михайловкѣ, Ольшанкѣ, Харьковѣ, Бѣлгородѣ, Грайворонѣ, Корочѣ и Бирючѣ; частью же скупаются у производителей мѣстными скупщиками, которые рекрутируются также изъ среды дужниковъ, и отправляются ими, какъ мы уже выше говорили, до Москвы по желѣзной дорогѣ съ ближай-

шихъ станцій, или въ Зауралье, въ города Томской и Тобольской губерній, при помощи Бѣлгородской транспортной конторы.

Цѣна дугамъ на ближайшихъ ярмаркахъ отъ 1½ р. — 2½ р. Отправка до Москвы обходится коп. по 30—40 съ пуда; до Томска транспортная контора беретъ по 1 р. съ пуда. Въ пудѣ выходитъ обыкновенно по 3 дуги. Продаются дуги въ Москвѣ по 3—4 р. за штуку, въ Сибири отъ 5 до 10 руб.

Всѣхъ дужниковъ въ изслѣдуемыхъ нами районахъ, считается, какъ мы уже видѣли, 613 чел.; въ томъ числѣ самостоятельныхъ семейныхъ производителей 430 чел., наемныхъ рабочихъ у нихъ 141 чел. Необходимость найма особыхъ рабочихъ вызывается трудностью работы при сгибаніи дугъ. Чтобы согнуть плаху въ колесо при помощи ворота, необходимо два или три взрослыхъ работника. Въ большинствѣ же здѣшнихъ крестьянскихъ семей, количество душъ муж. пола не превосходитъ двухъ чел., а 30% всѣхъ семей имѣютъ по одному только работнику. Естественно, что, при такихъ условіяхъ, семья не можетъ обойтись при помощи только своихъ силъ и вынуждена нанимать постоянныхъ работниковъ. Плата годовому работнику-дужнику отъ 50—90 р., полугодовому отъ 30—40 руб.; при этомъ работникъ нанимается не только для одного промысла, но исполняетъ вообще все работы, какія укажетъ ему хозяинъ (косить, боронить, пашеть etc.). Малосильныя семьи, не имѣющія возможности держать наемнаго работника и расширять свое производство, нерѣдко соединяются въ „сосѣдскія“ товарищества по 3—4 чел. При этомъ, онѣ собираются для работы поочередно то у одного, то у другаго „сусіда“ (такъ называются члены артели). Артель работает сообща у каждаго производителя приблизительно не болѣе одного дня въ недѣлю. У каждаго сгибаютъ заразъ отъ 20—50 плахъ, затрачивая на это отъ 8—10 часовъ.

Бываетъ иногда и такъ, что самостоятельные и болѣе зажиточные производители, не имѣя надобности въ услугахъ пос-

тояннаго годоваго работника, нанимаютъ для промысла поденщиковъ и издѣльныхъ рабочихъ, которые рекрутируются главнымъ образомъ изъ категоріи крестьянъ безземельныхъ. Поденщику обыкновенная плата въ зиму отъ 20—25 к., а лѣтомъ въ рабочую пору отъ 40—60 к. Сдѣльно-же, за обдѣлку высушенной дуги, платится, безъ расписыванія, по 20 коп., за расписываніе же особенно по 10 коп. за штуку, при готовой хозяйской краскѣ; за полную же обдѣлку дуги изъ чужой плахи по 40 коп. — съ расписываніемъ и сушкой.

Работа производится какъ зимою, такъ и лѣтомъ, въ свободное отъ полевыхъ работъ время. Въ среднемъ, въ теченіи года каждый производитель посвящаетъ своему производству около 150 дней, не считая при этомъ 15—20 дней, которые онъ употребляетъ на покушку и доставку сырья для производства. Въ недѣлю одинъ человекъ можетъ приготовить и расписать, въ среднемъ, около 7 дугъ. Значитъ, въ теченіи всего рабочаго сезона онъ можетъ сработать около 175 дугъ, на сумму 350 руб. Общій же итогъ годоваго производства всѣхъ зарегистрированныхъ 613 чел. дужниковъ составляетъ 107,200 дугъ, на сумму 214,400 р. Чистый доходъ каждаго дужника, который работает самъ отъ себя и продаетъ самъ свои издѣлія на мѣстномъ рынкѣ или скупщикамъ, опредѣляется на основаніи слѣдующихъ данныхъ. На 10 дугъ ему необходимо:

10 сырыхъ плахъ, на сумму	-	-	6 р. 20 коп.
разныхъ красокъ, на	-	-	50 „
на ремонтъ и % на погашеніе основнаго капитала	-	-	70 „
Всего	-	-	7 р. 40 „

Стало бытъ, съ каждаго 10 дугъ онъ получаетъ отъ 12 до 13 р. чистой прибыли. Годовой же чистый заработокъ его равняется 220 руб. Затраты производства составляютъ 37,1% валоваго дохода кустаря. Мы еще здѣсь не принимаемъ во вниманіе тѣхъ расходовъ, которые сопряжены со сбытомъ издѣлій,

съ ихъ развозкой по ярмаркамъ и базарамъ. Учесть эти расходы довольно мудрено, хотя они, несомнѣнно, составляютъ довольно значительный % въ общей суммѣ валоваго дохода. — Теперь посмотримъ, какъ велика выручка производителя скушника, который, работая самъ, вмѣстѣ съ тѣмъ скупаешь произведенія другихъ производителей и отвозить ихъ на Московскій рынокъ. Выработывал силами своей семьи, или при помощи 1 или 2-хъ наемныхъ работниковъ, около 500 дугъ въ годъ, онъ, кромѣ того, скупаешь до 700 шт. дугъ у сосѣдей, по цѣнѣ отъ 1 руб. 50 к. - 2 р. за каждую. Значить, его затраты по собственному производству, по скушнѣ и по отправкѣ товара будутъ равняться:

500 плахъ на	-	-	-	-	300 р.
краски	-	-	-	-	25 р.
ремонтъ и % на погашеніе основнаго капитала					30 р.
закупка 700 дугъ, по 1 р. 75 к. за штуку					875 р.
отправка до Москвы, съ доставкою дугъ на станцію, по 15 к. за шт.	-	-	-	-	180 р.
прѣздъ до Москвы самого производителя и пребываніе тамъ въ теченіи двухъ недѣль					45 р.
Всего	-	-	-	-	1455 р.

Значить, чистой прибыли отъ двухъ своихъ операций (производство и скупка) такой производитель получаетъ около 2745 р. Всѣ затраты его равняются 36% валоваго дохода.

Доходъ сибирскаго торговца еще значительнѣе. Затраты производства у него те жѣ самыя, что и у московскаго торговца и измѣняются только въ двухъ статьяхъ: собственный прѣздъ до Томска и обратно ему обходится до 125 руб., отправка же дугъ до мѣста сбыта стоитъ 396 руб. Значить, всѣ затраты его равняются 1751 руб. Чистая же выручка его, полагая, что онъ продаетъ каждую дугу, въ среднемъ, по 7 руб., будетъ составлять около 6650 руб.

Мы уже видѣли, что всѣ такъ называемыя щепныя производства гибнутъ по нашимъ мѣстамъ вслѣдствіе увеличивающагося съ каждымъ годомъ недостатка въ сыромъ матеріалѣ. Обезлѣсеніе здѣшняго края роковымъ образомъ отражается на нихъ и въ концѣ концовъ приведетъ ихъ къ несомнѣнной гибели. Дужное же производство находится далеко не въ такихъ неблагоприятныхъ условіяхъ, такъ какъ сырымъ матеріаломъ для него служитъ исключительно одна ракета, которую легко можно доставать даже въ безлѣсныхъ, степныхъ мѣстностяхъ, такъ какъ она въ изобиліи растетъ возлѣ всякихъ мочегинъ, рѣчекъ и овраговъ. При томъ же мы видѣли, что искусственное разведеніе ея не представляетъ никакихъ трудностей и давно уже — какъ говорятъ больше 20 лѣтъ — практикуется крестьянами съ промысloвою цѣлью. Въ виду всего этого, конечное уничтоженіе лѣсовъ, угрожающее нашему краю, никоимъ образомъ не можетъ послужить причиною гибели дужнаго производства. Ему даже невозможно предсказать въ будущемъ переходъ въ болѣе крупную, капиталистическую форму, такъ какъ разведеніе ракеты отъ котораго оно всецѣло будетъ зависѣть, несомнѣнно, всегда останется въ рукахъ мелкихъ производителей крестьянъ, а это, конечно, исключаетъ всякую возможность капитализаціи дужнаго производства и оставляетъ широкій просторъ развитію мелкой кустарной формы.

XI. Добываніе охры.

Въ Корочанскомъ уѣздѣ, въ с. Шаховѣ и отчасти въ с. Сажномъ и Лѣскахъ, крестьяне занимаются добываніемъ охры, которая залегаешь здѣсь довольно толстымъ слоемъ отъ 5 до 7 верш., на глубинѣ отъ 1½ — 3 сажень. Ширину и длину слоя опредѣлить мудрено, но, вѣроятно, залежи охряныя здѣсь очень значительны, ибо упомянутыя три селенія, гдѣ обнаружено присутствіе охры, составляютъ треугольникъ съ сторонами отъ 8 до 12 верстъ, и крестьяне здѣшніе утверждаютъ, что на большой или меньшей глубинѣ краску можно найти на любомъ мѣстѣ этого треугольника. Когда роютъ

колодезь въ которомъ нибудь изъ названныхъ селеній, то всегда докапываются до слоя краски, и домохозяева, занимающіеся этимъ промысломъ, всегда участвуютъ при рытьѣ, откуная ту охру, которая найдена будетъ въ колодезѣ. Залежи эксплуатируются только въ томъ случаѣ, если они обнаружатся на небольшой глубинѣ— на $1\frac{1}{2}$ —2 саженьяхъ; дальше этого въ почву не углубляются, такъ какъ въ противномъ случаѣ, благодаря несовершенству способовъ добыванія, работа дѣлается невыгодной. Благодаря этому обстоятельству, площадь эксплуатаціи не велика. Преимущественно добываютъ въ с. Шаховѣ въ 4 ярахъ, изъ коихъ одинъ проходитъ черезъ селеніе и занятъ крестьянскими усадьбами и выгономъ. Добываніе охры ограничивается только четвертной землей; общественные же участки эксплуатаціи не подвергаются, ибо общество на своей землѣ никакихъ раскопокъ, кромѣ рытья колодезевъ, не допускаетъ. Тѣ промышленники у которыхъ нѣтъ собственныхъ залежей, арендуютъ ихъ у сосѣдей-односельчанъ, у которыхъ какимъ-либо путемъ обнаружили залежи охры на глубинѣ 1—2 саж. Арендная плата такой земли довольно высока—отъ 50 к. до 2 р. квадр. сажень.

Начало добыванія охры по здѣшней мѣстности относится къ временамъ давнопрошедшимъ. Сначала бабы употребляли ее, вмѣсто глины, для окраски собственныхъ печей и избъ; для рынка-же ее стали добывать лишь лѣтъ 50—60 назадъ. Инициаторомъ въ этомъ дѣлѣ былъ крестьянинъ с. Шахова, Захаръ Тюфановъ, который первый обратилъ серьезное вниманіе на охру, усовершенствовалъ технику ея производства и посредствомъ пережиганія сдѣлалъ ее „настоящей краской“. Такъ какъ производство это оказалось очень выгоднымъ, то скоро его переняли и другіе крестьяне с. Шахова. Особенно же расширился промыселъ съ проведеніемъ желѣзной дороги (Курско-Харьк.), такъ какъ съ этихъ поръ явилась возможность дешевле и скорѣе доставлять охру на главные мѣста сбыта—въ Харьковъ и Курскъ.

Производство естественно распадается на два момента: добываніе охры изъ земли и ея обработка (пережиганіе, перемалыва-

ніе etc.) Но тѣмъ не менѣе раздѣленія труда въ производствѣ не существуетъ никакого; какъ добываніе охры изъ земли, такъ и обработка ея во всѣхъ частяхъ производится постоянно однимъ и тѣмъ же работникомъ.

Производителей всѣхъ считается 19 чел. Работаютъ они всѣ самостоятельно, наемныхъ работниковъ никто не держитъ. Для добыванія охры изъ земли кустари обыкновенно соединяются въ производительныя артели по 6—8 человекъ, такъ какъ одинъ человекъ былъ бы не въ состояніи справиться съ этой работой. При этомъ, если копка производится на чужой землѣ, арендная плата вносится членами артели сообща, по равномѣрной раскладкѣ. Инструментъ у каждого рабочаго—свой. Цѣль артели—только одно добываніе охры изъ земли; на этомъ артель и кончается; окончательная обработка продукта производится уже каждымъ рабочимъ особенно, въ отдѣльности отъ прочихъ. Накопанная краска дѣлится между членами артели по-ровну.

Инструментъ, употребляющійся кустарями при добываніи охры—такой же какъ и у грабарей: *желѣзный заступъ, ломъ* etc.; всего инструмента у производителя на 2—4 руб. Самая работа производится слѣдующимъ образомъ: копаютъ сначала яму, въ квадратную сажень величиною. За верхнимъ слоемъ рыхлой земли слѣдуетъ обыкновенно каменный слой кремневой породы, подъ которымъ уже залегаетъ охра. Значитъ, чтобы добраться до нея, нужно проработать по крайней мѣрѣ цѣлый день, такъ какъ въ ямѣ, на пространствѣ 1 кв. сажени бываетъ обыкновенно до 100 пуд. кремня. Работаютъ при этомъ не всей артелью разомъ—это было бы невозможно при такой незначительной ямѣ—а по-смѣнно, по два—три человекъ, чередуясь черезъ каждые 3—4 часа.

Когда яма дѣлается на столько глубока, что выбрасывать землю становится невозможнымъ, устраиваютъ въ серединѣ ямы помостки, на которыя и выбрасываютъ землю. Человекъ, стоящій на ней, выбрасываетъ ее наружу. Когда доходятъ до слоя охры,

то ее тщательно очищают от земли и песку, выламывают и вытаскивают ведром; затѣмъ, съ помощью мѣрки, дѣлятъ между собою.

Изъ каждой ямы вынимаютъ 150—200 пудовъ охры. Нѣкоторые тотчасъ же сбываютъ ее въ сыромъ и необработанномъ видѣ, прямо изъ ямы, мѣстнымъ скупщикамъ, по 3—4 к. за пудъ. Такъ дѣлаютъ, напр., всѣ крестьяне с. Лѣсковъ и Сажнаго, принявшіеся за этотъ промыселъ еще весьма недавно и неумѣющие перерабатывать охру такъ, чтобы она была годна для краски. Производители же с. Шахова обрабатываютъ охру обыкновенно сами, и нерѣдко сами же, помимо скупщиковъ отправляютъ ее къ мѣсту сбыта.

Послѣ того какъ охру вынутъ изъ ямы, ее смачиваютъ и тщательно мѣсятъ на доскахъ или въ плоскомъ корытѣ, стараясь при этомъ очистить отъ сора и песку, для чего перетираютъ руками всѣ комки такъ, что охра получаетъ въ концѣ концовъ видъ однороднаго тѣста. Изъ этого тѣста дѣлаются комки, фунтовъ по 5—10, и складываются на открытомъ мѣстѣ для просушки. Обжигаютъ охру обыкновенно въ печахъ, которыя устраиваются гдѣнибудь на склонахъ горы, на всхолмьи, за деревней; для этого вырывается яма, аршина въ 1½—2 глубины и 12—16 вершковъ ширины. Перпендикулярно къ ней роется топка, затѣмъ яма тщательно выравнивается и обмазывается внутри охрой. Стоимость такой печи отъ 2—3 руб. Въ такую яму помѣщаютъ сразу обыкновенно пудовъ 25—30 охры въ высохшихъ комкахъ и обжигаютъ ее въ теченіи 8—10 часовъ. На обжиганіе при этомъ выходитъ возъ хворосту на 30—50 коп. Нѣкоторые же домохозяева обжигаютъ ее просто въ своихъ домашнихъ печахъ. Дровъ для такого обжиганія требуется очень немного; при обыкновенной топкѣ въ домашней печи можно обжечь отъ 2—7 пуд. охры; значить, обжиганіе каждого пуда обходится производителю шахшумъ въ 1—2 коп. (топятъ въ большинствѣ случаевъ навознымъ кизякомъ). Цѣна обожженной охры на мѣстѣ—7—13 коп. При обжиганіи она спекается кусками и получаетъ красный цвѣтъ, при чемъ те-

рлетъ до 20% своего вѣса. Послѣ обжиганія охру раскалываютъ молотками на мелкіе куски и перемалываютъ на вѣтряной мельницѣ, или толкутъ въ ступахъ, такъ какъ въ продажу она идетъ большею частію въ порошокъ. За переиоль 1 мѣшка охры, въ 4—6 пудовъ, берутъ обыкновенно 10—12 коп.

Сбываютъ свой товаръ производители главнымъ образомъ въ Харьковѣ и отчасти въ Курскѣ. Сношенія съ Харьковскими покупателями-заводчиками и купцами ведется или непосредственно, для чего желающіе продать охру отправляются сами въ Харьковъ и въ Курскъ, или же письменно. При этомъ требуемое количество краски прямо доставляется по желѣзной дорогѣ, но заранѣе условленной цѣнѣ. За отсутствіемъ же требованія, нѣкоторые хозяева самостоятельно, на свой рискъ отправляютъ охру въ Харьковъ или Курскъ, гдѣ нанимаютъ для нее помѣщеніе и выжидаютъ спроса. Крупные производители, имѣющіе значительное количество семейныхъ работниковъ, отправляютъ по вагону, по два, мелкіе же—по большей части продаютъ свою охру крупнымъ предпринимателямъ, доставляя имъ такимъ образомъ возможность наживать въ теченіе какихънибудь двухъ—трехъ недѣль вѣрныхъ 100% чистаго барыша на затраченный ими капиталъ. Только немногіе изъ нихъ сами отвозятъ свою охру на лошадахъ или складываются по 2—3 товарища для нагрузки одного вагона до Харькова. Цѣна охры на Харьковскомъ и Курскомъ рынкахъ, по словамъ крестьянъ, 25—60 коп. за пудъ. Отправка охры до Харькова обходится, среднимъ числомъ, по 6 коп. съ пуда.

Теперь посмотримъ, какъ великъ заработокъ производителя. Работа производится только въ лѣтніе мѣсяцы, въ свободное отъ полевыхъ занятій время; значить, въ теченіе года кустарь посвящаетъ своему промыслу не болѣе 100 дней. Артель въ 6 человекъ хозяевъ-одиночекъ въ теченіе всего рабочаго сезона выроетъ отъ 20—30 ямъ. Стало быть, на каждого работника сырой охры приходится около 730 пудовъ, или, за исключеніемъ 20%, ко-

торые теряются въ вѣсѣ при обжиганіи, — 584 пуда, на сумму (по 40 коп. за пудъ) 233 рубля. Расходы на добываніе:

наемъ земли, за 8 ямъ	-	-	-	-	10 р.
на обжиганіе	-	-	-	-	6 „
за помоль, по 2 коп. съ пуда	-	-	-	-	12 „
за провозъ до Харькова, по 6 коп. съ пуда	-	-	-	-	35 „
ремонтъ и 0/0 на погашеніе основн. капитала	-	-	-	-	2 „
Итого	-	-	-	-	65 р.

Слѣдовательно, чистый заработокъ кустаря опредѣляется въ 168 руб. Затраты производства оставляютъ всего 27% валоваго дохода. Общее годовое производство всѣхъ 19 чел. кустарей равняется 11,096 пуд. на сумму 4436 рублей.

ХІІ. Производство курительныхъ трубокъ.

Въ заключеніе считаетъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ объ одномъ безвозвратно погибшемъ кустарномъ промыслѣ, которымъ кормилось прежде цѣлое селеніе. Промыселъ этотъ — производство курительныхъ трубокъ которымъ занимались всѣ крестьяне д. Ясеневаго-Колодезя, Шопинской вол., Бѣлгородскаго уѣзда.

Въ недавнее время производство это составляло главный источникъ существованія ясеневаскихъ обывателей. Получивши отъ владѣльца ничтожный, дарственный земельный надѣлъ, они всѣ набросились на это занятіе, которое, благодаря близости города, оказалось очень выгоднымъ. Лѣсъ для трубокъ они брали у сосѣднихъ помещиковъ и при томъ по очень дешевой цѣнѣ, такъ какъ, по оригинальному отзыву крестьянъ, „тогда не знали цѣны ему“, а, между тѣмъ, трубки, вслѣдствіе большаго спроса на нихъ, стоили на мѣстномъ рынкѣ очень дорого: въ мелочныя лавки ихъ сбывали по 5—6 рублей за сотню. Когда прошла здѣсь желѣзная дорога (Курско-Харьковская, въ концѣ шестидесятыхъ годовъ), то владѣльцы „узнали цѣну“ лѣсамъ и дерево значительно поднялось въ

цѣнѣ. Но это внезапное повышеніе цѣнъ на матеріалъ для производства, отразившись, конечно, отрицательнымъ образомъ на заработкѣ трубочниковъ-производителей, тѣмъ не менѣе не могло совершенно уничтожить производство, потому что въ общемъ итогѣ производитель терялъ на сотнѣ всего нѣсколько копѣекъ. Трубочники продолжали работать, не смотря на повышеніе цѣны на дерево. Роковымъ образомъ подѣйствовалъ на трубочное производство новый табачный уставъ 1882 года, согнавшій съ рынка листовой табакъ. Принужденные курить корешки, вмѣсто прежней листовой махорки, потребители перестали совсѣмъ покупать трубки, потому что изъ трубки курить корешки неудобно. Теперь вездѣ, и по деревнямъ, и по городамъ, пошло среди простаго народа такъ называемое „копытце“, т. е. свернутая изъ бумаги трубочка, въ которую насыпается табакъ. Для этой цѣли употребляютъ и газетную, и писчую, и даже оберточную, сѣрую бумагу, — ничѣмъ не брезгаютъ, что подъ руку попадетъ, что только удастся достать у лавочника, у священника, въ волостномъ правленіи...

Это обстоятельство окончательно убило производство курительныхъ трубокъ, и ясеневацы съ сожалѣніемъ должны были бросить свое занятіе и перейти къ отхожимъ промысламъ и батрачингѣ.

Всѣхъ семей, занимавшихся производствомъ трубокъ, въ Ясенево-Колодезѣ считалось 13, съ 17 чел. работниковъ.

Теперь посмотримъ, насколько дѣйствительно былъ выгоденъ этотъ промыселъ.

Расходы производства на каждую сотню трубокъ у производителя составляли:

дерева на	-	-	-	-	20 к.
жести на	-	-	-	-	16 „
1/4 фун. клею	-	-	-	-	8 „
коноплянаго масла (для смазыванія трубокъ, вмѣсто лака)	-	-	-	-	10 „
Итого	-	-	-	-	54 к.

Дерево покупалось какъ мы уже говорили, у сосѣднихъ владѣльцевъ—помѣщиковъ, жезъ и клей—въ г. Вѣлгородѣ (6 верстъ), конопляное масло у большинства промышленниковъ было свое.

Работа ведется—правильнѣе велась—только зимою, въ свободное отъ полевыхъ работъ время. Всѣхъ рабочихъ дней въ году у трубочника было около 140.

Въ день трубочникъ работаль да 20 штукъ трубокъ; стало быть, годовое производство каждаго равнялось 2800 шт., на сумму 140 руб., полагая, что каждая сотня продавалась 5 руб. Общая же итогъ годоваго производства всѣхъ 17 рабочихъ трубочниковъ равняется 47,600 шт., на сумму 2,380 руб.

Инструменты трубочника очень просты, такъ что на ремонтъ ихъ и на погашеніе основнаго капитала нужно положить не болѣе 6 коп. съ сотни. Стало быть, всѣ затраты производства составляли 60 коп., или 12% валоваго заработка производителя. Годовой же чистый заработокъ трубочника равнялся 123 руб.

Заработокъ—просто завидный, сравнительно съ заработкомъ курскихъ промышленниковъ другихъ видовъ обрабатывающей промышленности. Трубочники зарабатывали, по этому расчету, вдвое больше гончаровъ, втрое больше сапожниковъ etc. Но, повторяемъ, заработокъ этотъ въ настоящее время отошелъ въ область сладкихъ преданій и воспоминаній. Теперь трубочники были бы рады-радешеньки работать не только по 5, но даже по 3, по 2 рубля за сотню, но даже и по этой цѣнѣ они не могутъ найти заказовъ, потому что на ихъ издѣлія совсѣмъ нѣтъ спроса, некому брать ихъ, не стало потребителя.

Впрочемъ, нынѣшней осенью, не задолго до производства подворной переписи агентами земскаго статистическаго бюро, какой-то лавочникъ изъ Вѣлгорода заказаль Ясеневацямъ нѣсколько тысячъ трубокъ *по полтора рубля* за сотню. Не смотря на такую неслыханную, баснословно дешевую цѣну, наши трубочники съ радостью взяли этотъ заказъ, вынули свои залежавшіеся инструменты и принялись дѣлать трубки. Но ихъ сильно мучило опасеніе, что этотъ заказъ уже будетъ послѣднимъ...

П Р И Л О Ж Е Н І Е.

Спеціальныя культуры и огородничество.

Нѣтъ сомнѣнія, что спеціальныя культуры разнаго рода, издавна распространившіяся по нѣкоторымъ мѣстамъ, имѣютъ очень важное значеніе въ экономической жизни нашего крестьянскаго населенія, — особенно же у насъ здѣсь, въ черноземной полосѣ, гдѣ населеніе носить почти исключительно земледѣльческой характеръ. Въ виду всего этого статистическое бюро считаетъ необходимымъ сгруппировать и обнародовать свѣдѣнія о существующихъ въ Курской губ. земледѣльческихъ культурахъ, собранныя агентами бюро во время производства мѣстныхъ статистическихъ изслѣдованій. Въ I томѣ „Общаго Отдѣла“, выпущенномъ въ февралѣ мѣсяцѣ текущаго 1885 г., уже были помѣщены нами изслѣдованія о двухъ важнѣйшихъ спеціальныхъ культурахъ здѣшняго края—о конопляно-пеньковомъ и табачномъ производствахъ. Теперь же намъ остается сказать еще о наиболѣе распространенныхъ въ Курской губ. спеціальныхъ культурахъ—*разведеніи лука, подсолнуховъ, свекловицы и картофеля.*

I. Разведеніе лука.

Культура лука въ большихъ размѣрахъ существуетъ въ нашей губерніи изъ изслѣдованныхъ уѣздовъ только въ Грайворонскомъ и отчасти въ Вѣлгородскомъ. Въ первомъ она имѣетъ строго очерченныя границы, особый районъ, который вѣтся узкой лентой по теченію р. Ворсклы и отчасти по р. Ворсклицѣ, впадающей въ нее. Почва здѣсь, какъ увѣряютъ крестьяне, обладаетъ какими то особыми качествами, въ высшей степени благоприятными для луковичной культуры. Такъ какъ разведеніе лука—занятіе очень выгодное и

къ тому же мало отнимающее времени, то крестьяне другихъ окрестныхъ деревень въ Грайворонскомъ уѣздѣ—Ивановской-Лисицы, напр., с. Становато, хут. Акулиновки etc., пробовали разводить лукъ на своихъ земляхъ, но, не смотря на всѣ свои старанія, не могли добиться такихъ благоприятныхъ результатовъ, какихъ достигаютъ, при незначительныхъ сравнительно усиліяхъ и затратахъ, тѣ селенія, которыя лежатъ при рр. Ворсклѣ и Ворсклицѣ. Въ сл. Борисовкѣ, изъ общаго количества 1544 дворовъ, луководствомъ занимаются не болѣе 100 семей,—именно тѣ, чьи огороды подошли къ самой Ворсклѣ; другія же семьи, при всемъ желаніи, не могутъ культивировать лукъ на своихъ усадьбахъ и поляхъ, потому что вдали отъ Ворсклы онъ совсѣмъ не родится. Полоса земли удобная для разведенія лука, по словамъ крестьянъ, идетъ вдоль Ворсклы по всему ея протяженію (лѣвый берегъ), простираясь въ ширину сажень на 70—300,—не болѣе. Какими особыми свойствами обладаетъ почва прибрежья Ворсклы—намъ неизвѣстно, потому что почвенныхъ и химическихъ изслѣдованій здѣсь никогда произведено не было; мы можемъ только констатировать тотъ фактъ, что огороды, гдѣ сѣется лукъ, лежатъ всегда въ низменномъ мѣстѣ, и почва въ нихъ—черноземъ съ значительной долей песку.

Въ Бѣлгородскомъ уѣздѣ культура лука существуетъ только въ Старгородской, Пушкарской и Томаровской вол.

Родоначальникомъ луководства въ обоихъ южныхъ уѣздахъ является с. Стригуны, которое и до сихъ поръ остается главнымъ центромъ всего луковичнаго района. Разведеніемъ лука на продажу заниматься въ этомъ селѣ стали давно,—„изъ предковъ такъ повелось“, какъ говорятъ сами стригуновцы. Съ теченіемъ времени, видя, что с. Стригуны „богатѣетъ лукомъ“, начали мало-по-малу приниматься за это же дѣло и сосѣднія селенія, лежація по Ворсклѣ. Такимъ образомъ культура лука стала распространяться и къ западу, и къ востоку отъ Стригуновъ и захватила еще два селенія нынѣшней Стригуновской волости—д. Порубежную и с. Серетино, три деревни Крюковской—Порубежную, Теп-

лую и Мощеную, слоб. Борисовку съ Краснымъ Кутомъ, слоб. Базацкую и Поваляевку (подъ г. Хотмыжскомъ), с. Дорогощю, Дунайку и Мощеную. Всего въ настоящее время занимаются промышленнымъ луководствомъ 13 деревень и селъ въ Грайворонскомъ у. и 5 селеній въ Бѣлгородскомъ.

Земли засѣвается лукомъ больше всего въ с. Стригунахъ: 20 домохозяевъ здѣсь сѣютъ луку по 1 десятинѣ, остальные же—отъ 5—20 тридцатныхъ сажень на дворъ. Всего, стало быть, засѣвается лукомъ въ Стригунахъ около 250 десятинъ.

Въ другихъ мѣстахъ его сѣютъ, среднимъ числомъ, не болѣе, какъ по $\frac{1}{8}$ —16 дес. на дворъ. Всего же, по всемъ деревнямъ въ обоихъ указанныхъ уѣздахъ, лукомъ засѣвается около 400 десятинъ *).

Сѣмена у производителей всегда свои. Для этого они ежегодно запускаютъ на грядкахъ нѣсколько луковицъ со „стрѣлами“, изъ которыхъ осенью получаютъ сѣмена.

Хлопотъ за лукомъ довольно много, хотя ихъ, по словамъ крестьянъ, „какъ будто и не видать совсѣмъ въ хозяйствѣ“. Объясняется это просто тѣмъ, что уходъ за лукомъ во все время его произрастанія—посадка, полка и собираніе,—всѣ эти работы исполняются женщинами и дѣвушками—подростками; мужикъ самъ ихъ совсѣмъ не видитъ, занятый другими работами по хозяйству. Единственная работа, которая исполняется при этомъ хозяиномъ—мущиною, заключается въ томъ, что онъ съ весны перепашетъ два раза землю, предназначеную подъ лукъ. Впрочемъ, подъ лукъ землю пашутъ только бѣлгородскіе, томаровскіе луковники; стригуновцы же и др. грайворонскіе крестьяне, занимающіеся культурой лука, предпочитаютъ, въ большинствѣ случаевъ, сѣять лукъ въ грядкахъ и потому не пашутъ, а копаютъ землю заступами.

*) Лукъ сѣютъ, кромѣ того, еще въ Высоковской и Солохинской вол., но въ такомъ незначительномъ количествѣ, что намъ при изслѣдованіи невозможно было даже приблизительно опредѣлить площадь, посѣва въ этихъ двухъ волостяхъ.

Лукъ особенно хорошо родится, по отзывамъ крестьянъ, на низинахъ, во время весенняго половодья затопляемыхъ водою. Но во всякомъ случаѣ, культура лука немислима безъ навоза. Въ низменныхъ мѣстахъ, съ влажной болотистой почвой, на 1 дес. требуется подъ лукъ, по крайней мѣрѣ, 900—1000 пуд. навоза, такъ какъ онъ, наравнѣ съ прядильными и масличными растеніями, принадлежитъ, по опредѣленію Пабста, къ растеніямъ сильно истощающимъ почву. На покатосяхъ и возвышенностяхъ навоза кладется подъ лукъ обыкновенно гораздо меньше, отъ 400—600 пуд., потому что если положить больше, то, по увѣренію крестьянъ, лукъ можетъ выгорѣть.

Эта-то потребность въ навозѣ для разведенія лука и служитъ причиною того, что культура его за послѣдніе годы стала нѣсколько суживаться и уменьшаться, не смотря на сравнительную выгодность ея для производителей. Уменьшеніе размѣровъ луковичныхъ плантацій было замѣчено даже нѣкоторыми корреспондентами Департамента Земледѣлія и Сельской Промышленности, какъ объ этомъ свидѣлствуютъ спеціальныя изданія этого учрежденія („Сельско-хоз. и статист. свѣдѣнія“ Вып. 1-й, 1884 г.). Это уменьшеніе площади луковичныхъ плантацій произошло отъ двухъ главныхъ причинъ:

- 1) отъ уменьшенія абсолютнаго количества скота у крестьянъ, и
- 2) отъ уменьшенія количества навоза, которое доставалось прежде на долю плантацій, такъ какъ здѣшнему крестьянину въ настоящее время приходится все усерднѣе и усерднѣе уваживать свои поля, въ виду ихъ крайняго истощенія. Еще очень недавно, всего какихъ-нибудь 10—15 лѣтъ назадъ, крестьяне южной части Грайворонскаго уѣзда клали весь свой навозъ не подъ хлѣбныя злаки, которые и безъ того хороши родились,—а подъ лукъ и подсолнухи, а что оставалось отъ этого—валили въ овраги и ямы. Но теперь вездѣ этотъ порядокъ замѣнился новымъ; варварская культура, не возвращавшая пахотной землѣ отнятыхъ у нея элементовъ, довела землю до того, что она стала родить хлѣбъ не болѣе, какъ

самъ 3—4. При такихъ условіяхъ, крестьянинъ здѣшній volens-poleus долженъ былъ принятися за умъ и вмѣсто того, чтобы класть весь свой навозъ подъ лукъ, или забрасывать его куда попало—началъ вывозить его въ поле, на свои полосы, потому что годъ отъ году уменьшающіеся урожаи грозили ему близкой хронической голодовкой. Въ какомъ-нибудь селѣ Дорогощѣ, 10 лѣтъ тому назадъ, крестьяне не знали куда дѣваться съ навозомъ и только часть его утилизировали, удобряя свои подсолнуховыя и луковичныя плантаціи, остальное-же все валили въ обрывъ, на берегу р. Ворсклы, не далеко отъ села; теперь же всякаго, кто сталъ бы валить такъ свой навозъ, назвали бы здѣсь прямо дуракомъ. Въ настоящее время большая часть навоза, по крайней мѣрѣ $\frac{3}{4}$ его, уходитъ на поля подъ хлѣбныя злаки; остатки-же употребляются на удобреніе плантацій спеціальныхъ культуръ. Крестьяне дорогощанскіе говорятъ, что въ прежнее время они валили подъ лукъ около 1000 пудовъ на десятину, теперь же на десятину луковичныхъ плантацій не приходится и 400 пудовъ. Вслѣдствіе этого, немудрено, что площадь луковичныхъ плантацій за послѣднее время уменьшилась. Этому же способствуетъ и абсолютное уменьшеніе скота у крестьянъ—производителей, вслѣдствіе увеличенія площади пахотныхъ земельнасчетъ пастбищъ и покосовъ (см. „Общій Сборникъ“, т. I. Промыслы, стр. 3—4.) Изъ покосовъ въ настоящее время не распахано только то, что уже совершенно распахать было невозможно—болотины и заливные луга, такъ что, въ среднемъ, покоса осталась по Грайворонскому и Бѣлгородскому уѣздамъ, не болѣе какъ по $\frac{1}{2}$ дес. на надѣльный дворъ. Если съ десятины крестьянинъ по здѣшнимъ мѣстамъ накашиваетъ около 100 пуд., то съ $\frac{1}{2}$ дес. онъ соберетъ не болѣе какъ 50 пудовъ, да и то при хорошемъ урожаѣ, бывающемъ далеко не каждый годъ. При такихъ условіяхъ, крестьянину невозможно, разумѣется, прокормить большое количество скота; онъ долженъ—даже при возможности пріарендовать часть покоса—довольствоваться 2, maximum, 3 головами крупнаго скота на 1 надѣльный дворъ; а 3 головы крупнаго скота даютъ, какъ

известно, всего около 1600 пудовъ навоза (Сельско-хоз. календарь Баталина)—количество, котораго едва едва хватитъ на среднее удобрение 1½ дес. озимаго и не болѣе, какъ 0,2 дес. луковичныхъ плантацій.

Луковныя сѣмена сѣютъ сначала не прямо на грядкахъ, а въ особыхъ широкихъ, но не глубокихъ плетушкахъ, наполненныхъ землею. Земля въ плетушкахъ должна быть влажная и теплая. Ее берутъ обыкновенно съ усадьбы или огорода еще за день или за два до посѣва луковичныхъ семянъ и отогрѣваютъ въ избѣ, на голбцѣ, судницѣ, или просто разставляютъ для этого на лавкахъ. Послѣ посѣва сѣмянъ, плетушки подвѣшиваютъ къ потолку, на ½—¾ аршинномъ разстояніи отъ него; для этого нарочно придѣлываются особыя жерди, проходящія поперекъ всей избы. Дѣлается это для того, чтобы предохранить посѣянные сѣмена отъ вліянія сырости и холода, такъ какъ, если не позаботиться объ этомъ, то лукъ, выросшій изъ этихъ сѣмянъ, будетъ мелкій, невкусный и весь его растительныя силы обратятся на развитіе верхней, надземной зеленой части растенія—„стрѣлки“. Сѣмена остаются въ плетушкахъ въ теченіи 5—7 дней; въ это время ихъ тщательно каждый день поливаютъ. Затѣмъ, когда они покажутъ ростокъ,—ихъ пересаживаютъ въ гряды, на усадьбы. На 1 дес. высѣвается обыкновенно около 50 пудовъ луку. Разстояніе, которое оставляется при этомъ между корнями, равняется приблизительно 3—4 вершкамъ.

Какъ растеніе нѣжное и прихотливое, лукъ требуетъ за собой большаго ухода: если нѣтъ дождей, его слѣдуетъ обязательно черезъ день поливать, иначе онъ „зачичервѣетъ“, какъ говорятъ крестьяне, засохнетъ или „пуститъ изъ себя смолу“ (специфическая болѣзнь лука, при которой онъ теряетъ свою сочность и вкусъ). Кромѣ того, чрезъ каждые 3, а въ мокрую, дождливую погоду и черезъ 1—2, дня его необходимо пропалывать, въ предупрежденіе того, чтобы онъ не заглохъ отъ сорныхъ травъ.

Урожай лука зависитъ отъ качества почвы и отъ ухода за нимъ, потому онъ всегда болѣе или менѣе постояненъ. Въ среднемъ, по разнымъ мѣстамъ, урожай опредѣляется въ 1000—1400 пудовъ, или, круглымъ счетомъ, въ 1200 пудовъ съ 1 десятины.

Послѣ сбора лукъ, тщательно очищается отъ приставшей къ нему земли, моется въ прудѣ или рѣкѣ и затѣмъ связывается „вѣнчиками“, по 18—20 луковиць вмѣстѣ, наплетенныхъ на болотный „люстикъ“. Всю въ такомъ вѣнчикѣ отъ 3—5 фун., смотря по величинѣ луковиць.

Сбываютъ лукъ или на мѣстѣ, мѣстнымъ-же или прѣзжающимъ сюда скупщикамъ, или развозятъ по соседнимъ базарамъ и ярмаркамъ, и здѣсь продаютъ его непосредственно потребителямъ; для этого ѣздятъ даже въ Харьковъ, Грайворонъ, Бѣлгородъ. Продаютъ его или вѣнчиками, или пудами. За 1000 вѣнчиковъ (90—100 пудовъ) платится обыкновенно отъ 20—45 рублей. Во время же неурожая на лукъ, цѣна на него поднимается и бываетъ втрое, четверо выше показанной. Въ 1884 г. онъ продавался, напр., по 80 коп. за пудъ (стало быть, по 80 рубл. за 1000), единственно благодаря неурожаю 1883 года.

Это—цѣна луку на мѣстѣ. На рынкахъ же, куда онъ привозится производителями, цѣна на него повышается сообразно разстоянію рынка отъ мѣста производства. Въ Харьковѣ, напр., тотъ же пудъ, который продается въ Стригунахъ и въ Старгородской волости, Бѣлгородскаго у. за 20 коп., стоитъ уже 45—50, въ Грайворонѣ—30—50, тоже и въ Обояни, и въ Бѣлгородѣ; въ Таганрогѣ и Ростовѣ-на-Дону—1½ рубля и т. д.

Скупщиками лука являются нѣкоторые изъ мѣстныхъ же крестьянъ—стригуновцевъ, старгородцевъ etc. Закупая лукъ у своихъ сосѣдей, они отправляютъ его, съ ближайшихъ станцій Курско-Харьковской ж. д.—Веселой и Козачьей Лопани на югъ—преимущественно въ Ростовъ-на-Дону и Таганрогъ. Скупка лука про-

должается всю зиму, съ октября до самой масляницы. Нѣкоторые скупщики ведутъ дѣло скупки и отправки товара исключительно сами отъ себя; при чемъ, управляютъ силами своей семьи, или нанимаютъ 2—3 чел. особыхъ прикащиковъ. Но такихъ немного. Торговля лукомъ—дѣло настолько сложное, что одному углядѣть за всѣмъ невозможно; а между тѣмъ, по самой сущности этой торговли, тутъ вездѣ требуется строгій хозяйскій глазъ. Въ виду этого, стригуновскіе скупщики-торговцы лукомъ, соединяются обыкновенно въ артели по 3—4 чел. и ведутъ торговлю сообща, участвуя въ ней поровну, какъ личнымъ трудомъ, такъ и капиталами. Изъ членовъ артели одинъ или двое остаются на мѣстѣ для скупки лука и отправки его на ближайшую ставцію; другой постоянно находится здѣсь, на станціи, и отправляетъ лукъ, по мѣрѣ его накопленія, въ Ростовъ и Таганрогъ по адресу третьяго товарища, который уѣзжаетъ туда для пріемки еще съ осени, при самомъ началѣ скупки лука. Въ теченіе зимы артель такимъ образомъ отправитъ нѣсколько вагоновъ луку. Пріемщикъ въ Таганрогъ сбываетъ лукъ тамошнимъ торговцамъ-скупщикамъ, или прямо непосредственно потребителямъ, по 1 р. 40 к. и по 1 р. 60—75 к. за пудъ. Если предположить, что провозъ по желѣзной дорогѣ cadaго пуда луку обходится въ 50 коп., то у артели скупщиковъ-торговцевъ все таки остается солидная премія съ cadaго пуда.

За удовлетвореніемъ потребности въ лукѣ мѣстныхъ рынковъ Ростова и Таганрога, у пріемщика почти каждый годъ остается еще нѣсколько десятковъ или даже сотенъ тысячъ пудовъ непроданнаго лука. Вслѣдствіе этого, въ концѣ февраля или вначалѣ марта, лишь только откроется судоходство, онъ перевозитъ весь оставшійся у него лукъ къ пристани и выжидаетъ перваго парохода въ Батумъ, въ Закавказье и Арменію, или даже въ Константинополь. Затѣмъ нагружаетъ весь лукъ на пароходъ и отправляется вмѣстѣ съ нимъ туда же. Не зная тамошняго языка, тѣмъ не менѣе купецъ-лукоторговецъ обыкновенно скоро распродаетъ свей товаръ и воруцаетъ домой съ большими барышами.

Продавая лукъ, пріемщикъ денегъ у себя не оставляетъ, но находитъ болѣе благоразумнымъ посылать ихъ, по мѣрѣ выручки, домой, оставшимся тамъ товарищамъ, потому что „мало ли что на чужой—то сторонѣ можетъ случиться“, да и товарищи-артельщики этого требуютъ и хотя въ пріемщики всегда выбирается человекъ безусловно честный и опытный, тѣмъ не менѣе товарищи, посылая его туда, наказываютъ, чтобы онъ всѣ вырученныя деньги безъ замедленія прислалъ имъ. Плутинства или мошенничества какого обыкновенно въ такихъ артеляхъ не бываетъ, потому что люди подбираются „на знати“, т. е. хорошо зная и вполне довѣряя другъ другу. Впрочемъ, говоря это, мы не беремъ на себя смѣлость ручаться за абсолютную честность членовъ артели. Кто знаетъ,—можетъ быть тутъ и бываютъ какія-нибудь неправильности со стороны ихъ въ ущербъ общему, артельскому интересу; можетъ быть, пріемщикъ въ Ростовѣ-на-Дону въ прошлый годъ, напр., сбывалъ лукъ не по 1 руб. 60 коп. за пудъ, какъ онъ показалъ артели при отчетѣ, а по 1 руб. 65—70 коп.,—кто его усчитывать станетъ, дѣло заглазное. Но если такіа, ничтожныя сравнительно злоупотребленія и бываютъ въ артели со стороны отдѣльныхъ ея членовъ, то они, во всякомъ случаѣ, причиняютъ артели вредъ не особенно значительный. Злоупотребленій же болѣе крупныхъ въ такихъ артеляхъ, по общимъ отзывамъ никогда не бывало, хотя такимъ порядкомъ торговля ведется уже давно,—по отзывамъ крестьянъ, еще „до Севастопольской войны такъ было“, и не смотря на то, что у пріемщика въ иную пору бываетъ въ карманѣ гораздо больше денегъ, чѣмъ подъ замкомъ иного кассира.

Деньги, вырученныя отъ продажи лука, дѣлятся между всѣми участниками поровну—если капиталы, затраченныя ими на покупку лука были равныя; если же въ это дѣло вложили не всѣ поровну, а каждый по мѣрѣ силъ, то выручка разбивается между артельщиками смотря по тому, какой капиталъ внесъ каждый изъ членовъ артели въ общее предпріятіе.

Теперь намъ слѣдуетъ опредѣлить общую сумму годового производства лука въ указанныхъ двухъ уѣздахъ. Если всей земли ежегодно засѣвается 400 дес., то собирается съ нихъ, стало быть, около 480,000 пудовъ, на сумму, — считая по мѣстной цѣнѣ въ 25 коп. за пудъ, — 110,000 рублей. Но, конечно, не весь лукъ идетъ на продажу; часть его потребляется самими производителями, которые, замѣчу мимоходомъ, по привычкѣ, большіе охотники до него и истребляютъ его въ большомъ количествѣ. Если положить на потребленіе каждой семьи въ годъ 7 пудовъ, то всѣ производители потребляютъ, стало быть, около 6000 пудовъ лука, на сумму 1500 рублей. Если исключить это количество изъ общей суммы годового производства, то окажется, что крестьянами луковичнаго района на рынокъ ежегодно доставляется лука 454000 пуд., на сумму 108,500 рублей.

II. Культура подсолнуховъ.

Культура подсолнуховъ развита въ южныхъ уѣздахъ Курской губерніи — въ Грайворонскомъ, Корочанскомъ, Новооскольскомъ и Бѣлгородскомъ *). Занимаются ею почти исключительно одни однодворцы, крестьяне четвертнаго права; крестьяне же бывшіе помѣщичьи всѣхъ разрядовъ подсолнуховъ совѣмъ на сѣютъ, по малоземелью и недостатку навоза. Впрочемъ, и изъ однодворцевъ въ указанныхъ уѣздахъ культурой подсолнуховъ занимаются дало не всѣ, потому что большая часть четвертниковъ въ экономическомъ отношеніи стоитъ ничуть не выше крестьянъ помѣщичьихъ. „Были мы когда-то панами, а теперь — сума за нами“, юмористически подтруниваютъ однодворцы надъ своимъ незавиднымъ положеніемъ. Увеличившіеся среди нихъ, семейные раздѣлы и непомѣрное дробленіе земельныхъ родовыхъ участковъ низвели большинство ихъ со степени зажиточности и вполне уравнили ихъ съ бывшими помѣщичьями. Это большинство едва — едва можетъ про-

*) Мы беремъ здѣсь, точно также какъ и вездѣ въ другихъ мѣстахъ своего очерка, только одни изслѣдованіе и описаніе Стат. Бюро уѣзды.

кормить себя своимъ хлѣбомъ, собраннымъ со своей полосы; подати же и повинности уплачиваетъ только при помощи стороннихъ занятій и отхожихъ заработковъ. Удѣлить хотя незначительную часть своей земли подъ какую бы то ни было спеціальную культуру, вродѣ подсолнуховъ, большинство это рѣшительно не въ состояніи, потому что земли и безъ того мало, — тѣмъ болѣе, что подсолнухи требуютъ сильнаго удобренія, и, стало быть, значительнаго количества скота, тогда какъ хлѣбные злаки довольствуются на здѣшнихъ жирныхъ почвахъ самымъ слабымъ удобреніемъ. Вслѣдствіе всего этого, и изъ четвертныхъ крестьянъ указанныхъ мѣстностей, не болѣе $\frac{1}{3}$ наличнаго числа домохозяевъ занимаются культурой подсолнуховъ.

Всего по указаннымъ четыремъ уѣздамъ подсолнухами засѣвается около 5000 десятинъ.

Культура эта возникла давно, по отзывамъ крестьянъ — еще задолго до освобожденія; но особенно сильно развиваться она стала только за послѣднее время, послѣ проведенія желѣзной дороги, такъ какъ теперь спросъ на здѣшніе подсолнухи значительно возросъ, сравнительно съ тѣмъ, что было до половины шестидесятыхъ годовъ. До того времени здѣшній подсолнухъ могъ сбываться только на мѣстныхъ рынкахъ и потреблялъ его только здѣшній — же обыватель, городской и сельскій, который въ силу тѣхъ или иныхъ причинъ, не могъ завести собственной плантаціи; теперь же съ проведеніемъ желѣзнаго пути, нашъ Грайворонскій и Корочанскій подсолнухъ пошелъ и на югъ, до Харькова и Полтавы, на тамошніе масляные заводы, и на сѣверъ, до Курска, Орла и даже до Москвы. Спросъ на подсолнухи увеличивается съ каждымъ годомъ, и будь у здѣшняго крестьянина достаточное количество земли, — культура эта, несомнѣнно, сдѣлалась бы важнѣйшимъ источникомъ ихъ благосостоянія.

Сѣмена подсолнуховъ у производителей всегда свои, покупаютъ ихъ весьма рѣдко. На 1 дес. подсолнуховъ высѣвается

обыкновенно около $1\frac{1}{3}$ четвериковъ, или приблизительно 20 фунтовъ. Сѣются они всегда въ озимомъ полѣ, наряду съ озимой рожью; посѣвъ производится поздней весной, почти въ одно время со льномъ и коноплей (въ началѣ мая). Періодъ произрастанія подсолнуховъ равняется обыкновенно 21—22 недѣлямъ, такъ что снимать съ поля ихъ приходится въ концѣ сентября, а въ иные годы даже и въ началѣ октября. Въ теченіе лѣта ихъ полюютъ два раза— въ сухое время, и 3—4 раза— въ сырое, дождливое лѣто. Вытряхиваніе зеренъ или „молотьба“, какъ говорятъ крестьяне, производится вмѣстѣ со сборомъ, тутъ же на полѣ, на нарочно расчищенномъ и хорошо утрамбованномъ для этого мѣстѣ, аршина въ 4—5 квадр. Выбиваютъ зерно тоненькими палочками; работа эта настолько проста и легка, что ее съ успѣхомъ могутъ производить даже маленькія дѣвочки 9—10 лѣтъ. Какъ полка такъ и „молотьба“ производится исключительно силами своей семьи; работницъ нанимаютъ рѣдко, а если и нанимаютъ, то больше расплачиваются хлѣбомъ, а не деньгами.

Съ 1 дес. собирается подсолнуховъ въ хорошей годъ 40—45 пудовъ (отъ 45—53 четвериковъ), въ плохой—10—15 пудовъ; среднимъ же числомъ, въ годъ снимается съ десятины около 30 пудовъ зеренъ. Изъ этого числа около 2 пудовъ крестьянами оставляется для себя, на удовлетвореніе потребности своей семьи; остальные же 28 пуд. сбываются на продажу.

Для сбыта зеренъ нѣкоторые домохозяева сами ѣздятъ въ ближайшіе города и торговые центры и здѣсь продаютъ ихъ прямо съ возовъ, или сбываютъ въ лавки мѣстнымъ торговцамъ. Пудъ зеренъ въ городѣ стоитъ отъ 90 коп. до 1 руб. 20 коп. Большинство же крестьянъ сбываютъ свои подсолнухи деревенскимъ скупщикамъ, которые, тотчасъ же послѣ уборки подсолнуховъ, съ первыхъ чиселъ октября, начинаютъ разѣзжать по деревнямъ и наперерывъ другъ передъ другомъ скупаютъ зерна у крестьянъ. На мѣстѣ зерно стоитъ гораздо дешевле, чѣмъ на городскомъ рынкѣ—

50—70 коп. пудъ, выше никогда не поднимается. Каждый скупщикъ набираетъ обыкновенно отъ 1000—5000 пуд. зерна.

Закупивъ зерно, скупщики въ свою очередь ожидаютъ городскихъ купцовъ, которые, съ установленіемъ зимняго пути, наѣзжаютъ къ нимъ изъ Обояни, Рыльска, Курска, Бѣлгорода и Харькова. Они берутъ зерно у скупщиковъ уже по 1 р.—1 р. 20 к. за пудъ. Такимъ образомъ, скупщики съ каждаго пуда перекупленнаго имъ зерна получаютъ барыша 50—70 коп., т. е. ровно столько же, сколько получаетъ и самъ производитель, съ тою только разницею, что производитель за 50—70 коп. потратитъ массу времени и труда, пожертвуетъ лучшей полосой своей земли, тогда какъ скупщикъ получаетъ шесть гривенъ съ пуда почти безъ всякаго труда, если не считать расходовъ на перевозку подсолнуховъ отъ производителей къ себѣ домой; по эти расходы во всякомъ случаѣ не могутъ быть велики, такъ какъ радіусъ района скупки каждаго торговца никогда не превышаетъ 20—25 верстъ; доставка 1 пуда зерна отъ производителей до своего дома обходится обыкновенно скупщику не дороже 3—5 коп. съ пуда. Другихъ расходовъ они никакихъ не знаютъ и получаютъ такимъ образомъ на свой затрачиваемый капиталъ около 100% чистаго барыша. Сами скупщики подсолнуховъ большею частію не сѣютъ; они занимаются спеціально только ихъ торговлею, предоставляя другимъ производить товары для ихъ торговыхъ оборотовъ.

Общая сумма производства равняется 30 пуд. $\times$ 5000 дес. = 150,000 пудовъ, на сумму (по мѣстнымъ цѣнамъ) $60 \times 150,000 = 90,000$ руб. — Затраты производства на 1 дес. составляютъ:

1 дес. земли въ озимомъ полѣ	-	-	18 р.
двойная всапка съ бороньбой и сѣвомъ	4	„	
навоза на	-	-	4 „ 69 к. *)
2 раза прополоть (10 женск. дней)	-	2	„ — „

*) Цѣна навоза взята ими мѣстная; въ Грайворонскомъ уѣздѣ Головчанскій свеклосахарный заводъ Роттермундъ и Вейссе покупаютъ навозъ у крестьянъ окрестныхъ деревень по 7 коп. за возъ.

срѣзать и обмолотить (18 женск. дней) - 3 р. 60 к.
свозить съ поля въ амбаръ (2 конныхъ дня) 1 „ 50 „

Итого - - 33 р. 79 к.

Впрочемъ, крестьяне въ этомъ случаѣ, какъ говорятъ они сами, „за работой не гонятся“, — тѣмъ болѣе что работа эта производится главнымъ образомъ женскими руками, которыя, не смотря на значительное количество у насъ въ краѣ помѣщичьихъ экономій, все еще очень низко цѣнятся и мало находятъ себя приложенія. Благодаря этому, крестьяне находятъ культуру подсолнуховъ для себя очень выгодной и, несомнѣнно, расширили и усовершенствовали бы ее, еслибы не препятствовало этому малоземелье.

Въ заключеніе обратимъ вниманіе читателей на то, что чистый доходъ производителей могъ бы быть значительно увеличенъ при другой организаціи сбыта. Легко можно сдѣлать такъ, чтобы вся выгода, 50—70 коп. съ каждаго пуда, которыя получаютъ въ въ настоящее время скупщики, попадали прямо въ руки самихъ производителей, занимающихся разведеніемъ подсолнуховъ. Это достигалось бы, напр., въ томъ случаѣ, если бы въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ занимаются культурой подсолнуховъ, были устроены общественные склады зеренъ, куда отдѣльные домохозяева — производители свозили бы продукты своего производства, а отсюда зерна уже стали бы, забираться прѣзжающими городскими купцами, какъ забираютъ они теперь у мѣстныхъ деревенскихъ скупщиковъ. Купцы платили бы за зерно ту же самую цѣну, какую платятъ и теперь, но въ этомъ случаѣ незаслуженный, но очень высокій % прибыли, который получаетъ въ настоящее время перекупщикъ, весь оставался бы въ рукахъ самихъ производителей. Такихъ центральныхъ складовъ понадобилось бы очень немного; ихъ можно было бы устроить на такомъ же разстояніи одинъ отъ другаго, на какомъ теперь живутъ скупщики, т. е. по одному складу чрезъ каждые 40—50 верстъ, — такъ, чтобы радіусъ района, прилегающаго и извѣстному складу, былъ не болѣе 20—25 верстъ, какъ это

мы видимъ теперь въ распредѣленіи перекупщиковъ. Устройство такого склада стоило бы очень недорого, — всего какихъ нибудь 100—200 руб. Такую сравнительно ничтожную сумму могли бы, конечно, собрать и сами крестьяне, но для организаціи этого дѣла необходимо воздѣйствіе со стороны и именно отъ такого лица или учрежденія, которое пользуется болѣе или менѣе всѣмъ авторитетомъ въ глазахъ крестьянъ.

III. Мелкія огородныя и полевая крестьянскія культуры.

Картофель. Кажется еще очень недавно министерство государственныхъ имуществъ, желая ввести среди крестьянъ посѣвъ картофеля, должно было прибѣгать для этого къ понудительнымъ и иногда очень крутымъ мѣрамъ. Теперь же, спустя 40—50 лѣтъ послѣ этого крестьяне разводятъ картофель не только на огородахъ, для личнаго своего потребленія, но сплошь да рядомъ засеваютъ имъ всѣ свои яровые клнныя и снабжаютъ имъ мѣстные городскіе рынки и винокуренные заводы.

Въ особенности эти послѣдніе.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ нѣмцы намъ указали, что водку можно готовить не только изъ одного хлѣба но также и изъ болѣе дешеваго продукта — картофеля. Этимъ, разумѣется, мы съ удовольствіемъ воспользовались, и вотъ теперь, при гонкѣ спирта, на нашихъ заводахъ вездѣ стали употреблять для затора $\frac{2}{3}$ картофеля и только одну третью ржаной муки, вмѣстѣ съ солодомъ. Для варки картофеля въ настоящее время употребляются особыя снаряды, носящіе названіе по имени изобрѣтателя — „Гентцъ“. Это ничто иное, какъ герметически закупоривающіеся цилиндры, съ трубами, чрезъ которыя проходитъ паръ, дѣйствующій на картофель. Достаточно продержать картофель въ такомъ цилиндрѣ 10—15 минутъ, чтобы картофель превратился въ сплошную крахмалистую массу, которая смѣшивается потомъ съ заторомъ муки и солода. По отзывамъ специалистовъ, винокурение изъ картофеля имѣетъ за собою то важное преимущество, что для сохраненія картофеля въ

зимнее время не нужно никаких особых сараевъ или погребовъ, такъ какъ и промерзлый картофель даетъ такое же количество крахмала, какъ и свѣжій.

Винные заводчики, принадлежа въ большинствѣ случаевъ сами къ категоріи землевладѣльцевъ — помѣщиковъ, разводятъ картофель для заводовъ и на своихъ земляхъ, но, конечно, не смотря на громадную палестину, засѣваемая ими картофелемъ, имъ невозможно самимъ наготовить картофеля для всего годичнаго заводскаго производства, вслѣдствіе чего на заводахъ является усиленный спросъ на чужой, покуной картофель. Въ силу всего этого, крестьянинъ и явился за послѣднее время главнымъ поставщикомъ его. Во многихъ деревняхъ, близко прилегающихъ къ заводамъ, крестьяне ежегодно засѣваютъ картофелемъ по $\frac{1}{2}$ — $\frac{3}{4}$ и даже цѣлой десятины на дворъ. При подворной переписи, въ отвѣтъ на наши вопросы объ экономическомъ состояніи, намъ не разъ приходилось слышать: „только и живы что картофелемъ“... „картофелемъ кормимся, батюшка!“ etc.

Неоходимо замѣтить здѣсь, что, при культивированіи картофеля, крестьяне не слѣдуютъ одному разъ принятому шаблону; они охотно вводятъ у себя разныя улучшенія общаго и техническаго характера. Такъ, напр., въ сѣверо-восточной части Курскаго уѣзда, въ Каменевской и Долговской волостяхъ, крестьяне недавно бросили сѣять простой картофель, дававшій мало крахмала и потому цѣнившійся дешевле другихъ сортовъ, и покупаютъ теперь у сосѣднихъ помѣщиковъ и заводчиковъ сѣмена краснаго картофеля, который, какъ извѣстно, даетъ большій $\frac{0}{\circ}$ крахмала. Кромѣ того, желая расширить площадь культуры картофеля, они перенесли его съ усадьбы на поля и стали употреблять для запашки его не простую, ветхозавѣтную соху, только ковыряющую землю, а небольшіе, легкіе плужки, въ одну лошадь, изготовляющіеся въ Щигровскомъ уѣздѣ.

Цѣна картофеля по нашимъ краямъ во время производства стоитъ обыкновенно между 8 и 20 коп. за мѣру (четверникъ).

Весною же цѣна на него доходить иногда до 40 даже 70 коп. за мѣру*). Доставка картофеля на заводъ производится обыкновенно самими производителями и на ихъ счетъ.

Одна десятинна крестьянской земли даетъ обыкновенно отъ 50—120 четвертей картофеля. Стало быть, валовой доходъ производителя съ 1 десят. равняется 64 рублямъ, предполагая, что каждый пудъ продается крестьяниномъ въ среднемъ по 10 коп.

Огурцы и капуста. Промышленное огородничество у насъ, въ Курской губ., находится еще въ зачаточномъ состояніи. Какъ крестьяне, такъ и землевладѣльцы по деревнямъ вездѣ имѣютъ собственные небольшіе огороды, гдѣ разводятъ огородные овощи исключительно для домашняго обихода. Нѣкоторые землевладѣльцы имѣютъ, правда, у себя и теплицы для выращиванія раннихъ и болѣе утонченныхъ овощей, но все это дѣлается въ громадномъ большинствѣ случаевъ только для себя, „для дому“, и очень рѣдко избытки огородныхъ овощей поступаютъ на рынокъ для продажи.

Сѣмена для огородныхъ растений, точно также какъ и рассаду, крестьяне всегда почти разводятъ сами, или же покупаютъ на мѣстныхъ рынкахъ. Помѣщики—тѣ сплошь да рядомъ выписываютъ сѣмена изъ Москвы, Харькова и Варшавы, но мы про нихъ здѣсь не говоримъ... По 10 изслѣдованнымъ нами уѣздамъ мы знаемъ только одну мѣстность, специально занимающуюся разведеніемъ капустной рассады и снабжающую ею цѣлый районъ. Это—Замостянская волость, Суджанскаго уѣзда, гдѣ село Заолѣшанки, Марковка и слоб. Гончарная ведутъ большую торговлю рассадными посадками. Зависитъ-ли это отъ особенностей почвы, или отъ умѣнія жителей—но только Суджанская рассада пользуется обширной извѣстностью среди крестьянъ,—такой же, пожалуй, какъ, напр., Михайловская веревка или В.-Михайловскій савогъ. За рассадой сюда пріѣзжаютъ изъ Обоянскаго, Льговскаго, Грайворонскаго, южной части Рыльскаго и Путивльскаго уу., *ѣздятъ даже*

*) Это—цѣна базарная; на заводахъ картофель принимаютъ обыкновенно по 5—8 коп., при цѣнѣ же въ 10 копѣекъ за мѣру заводчики находятъ для себя винокурение изъ картофеля невыгоднымъ.

изъ Харьковской губерніи. Подробное исчисленіе бюджета замостянскихъ овощниковъ интересующійся читатель найдетъ въ № 26 Суджанскаго земскаго „Еженедѣльника“, гдѣ было помѣщено объ этомъ любопытное письмо одного изъ главныхъ производителей разсады Н. Р. Сергѣева.

Огуречныя промышленныя плантанціи есть въ каждомъ уѣздѣ, въ подгороднихъ селахъ и деревняхъ; но занимаются этимъ дѣломъ обыкновенно только отдѣльныя семьи, такъ что промыселъ этотъ не носитъ въ себя никакихъ признаковъ организаціи. Только въ Путивльскомъ уѣздѣ, въ Волынцевской и Антыковской волости, мы встрѣтили культуру огурцовъ въ болѣе развитомъ и совершенномъ видѣ.—Въ д. Зиновѣ, Волынцевской вол., до 1882 года крестьяне, по ихъ собственнымъ отзывамъ, „жили табакомъ“, разводя его въ большомъ количествѣ на своихъ усадьбахъ и сбывая на мѣстныхъ базарахъ и ярмаркахъ, въ г. Путивлѣ, с. Ивановскомъ etc. Но когда вышло извѣстное новое положеніе о табакѣ, культуру его бросили и принялись разводить огурцы. Сѣютъ ихъ здѣсь не на грядкахъ, а прямо подъ борону. Время обработки и посѣва—одинаковое съ гречей. Снимать начинаютъ съ Петрова дни и затѣмъ продолжаютъ снимать до самыхъ морозовъ, т. е. до половины сентября. Возять продавать въ г. Путивлѣ и по большимъ селамъ Путивльскаго, Львовскаго и Рыльскаго уѣзда. Цѣна на огурцы различна, смотря по урожаю и по времени года. При обыкновенномъ среднемъ урожаѣ, первый сборъ продается по 10—15 коп. за мѣрку (четверикъ), второй нѣсколько ниже—по 8—10 коп., третій еще ниже; въ концѣ же концовъ цѣна спускается до 3—4 коп. за мѣрку. Обыкновенный урожай—500—700 мѣрокъ съ десятины. Неурожаи бываютъ, по замѣчаніямъ крестьянъ, разъ въ 4 года. Неурожаи можетъ быть и отъ засухи, и отъ обилія дождей, такъ какъ то и другое дѣйствуетъ на огурцы въ высшей степени губительно.

Въ с. Антыкахъ разведеніе огурцовъ развилось неболѣе, какъ 15 лѣтъ тому назадъ. Начало этому дѣлу было положено

однимъ предприимчивымъ мѣстнымъ крестьяниномъ, Василиемъ Вишневымъ, который прежде былъ очень бѣденъ и зарабатывалъ себя средства тѣмъ, что ходилъ ежегодно на косовицу въ Украину. Тамъ, гдѣ-то въ экономіи, служа въ батракахъ, онъ увидѣлъ, что огородныя овощи, при разумномъ уходѣ за ними, даютъ хозяину большой доходъ. Придя домой, онъ попробовалъ развести у себя на огородѣ огурцы и капусту, и уже на слѣдующій годъ не пошелъ „на сторону“, а исключительно занялся этимъ дѣломъ. Результаты оказались въ первый же годъ блистательными: огородъ далъ ему около 50 рублей чистаго барыша. Тогда онъ на слѣдующій годъ еще болѣе расширилъ свой огородъ и приложилъ къ нему все стараніе—и выгоды получились еще больше. Это его ободрило, и онъ постепенно сталъ расширять свой огородъ и улучшать его. Доходы съ каждымъ годомъ всеросли и увеличивались. Вишневиі сдѣлался изъ бѣдняка зажиточнымъ, даже богатымъ*). Въ концѣ концовъ онъ уже пересталъ удовлетворяться обыкновенными, простыми сѣменами огурцовъ и капусты и, по совѣту одного помѣщика, началъ выписывать себѣ сѣмена разныхъ огородныхъ растений (цвѣтной капусты, паприки etc.) изъ Москвы, изъ спеціального сѣменнаго магазина, и теперь засѣвается уже разными овощами около 3 десятинъ и получаетъ въ годъ около 1000 руб. чистаго барыша. Его примѣру послѣдовали и нѣкоторые другіе антыковцы, и въ настоящее время въ с. Антыкахъ насчитывается до 10 семей, живущихъ исключительно огурцами и капустой. Сбываютъ ихъ, главнымъ образомъ, въ г. Путивлѣ тамошнимъ жителямъ и офицерамъ расположеннаго въ городѣ артиллерійскаго парка. Благодаря совѣтамъ и указаніямъ Вишнева, огородники антыковские расчистили и осушили болото, лежащее рядомъ съ ихъ усадьбами, провели здѣсь канавы и распахали для огородныхъ бабчей.

Разсаду для капусты антыковцы выращиваютъ также сами.

*) У него земля въ настоящее время считается 12 дес. четв. права, в своей кучей—21 дес.; изба у него 19 арш. дл. и 9 шпр., крыта подъ глану (въ подвори. перепись).

IV. Культура свекловицы.

Свеклосахарные заводы въ нашей губерніи возникли сравнительно очень недавно. Самые старѣйшіе изъ нихъ есть заводы князя Барятинскаго, въ сс. Крупцѣ и Шалыгинѣ Путивльскаго уѣзда, основанные въ половинѣ 50-хъ годовъ, лѣтъ около 30 тому назадъ. На первыхъ порахъ производство на свеклосахарныхъ заводахъ было весьма незначительно: отсутствіе удобныхъ путей сообщеній (желѣзныя дороги существовали тогда только въ идеалѣ), непривычка мѣстныхъ рабочихъ къ новой формѣ труда къ обращенію съ заводскими машинами и инструментами, а также и непрактичность самихъ хозяевъ завода и ихъ управляющихъ и масса еще другихъ, болѣе мелкихъ причинъ тормозили развитіе свеклосахарнаго дѣла. Но потомъ, когда прошли здѣсь желѣзныя дороги,—производство сразу оживилось и увеличилось. Заводы увеличили собственные посѣвы свекловицы, удвоили и утроили количество рабочихъ силъ, и крестьяне ближайшихъ деревень, прилегающихъ къ заводамъ, стали находить здѣсь хотя невысокій, но за то сподручный заработокъ. Формы этого заработка, какъ мы говорили уже въ предъидущемъ очеркѣ (см. „Общій Сборн.“, т. I), весьма разнообразны: здѣсь можно работать и на „производствѣ“, въ самомъ заводѣ, и „на буракахъ“ (проривка ихъ, полка, посадка etc.), можно, по желанію, и боронить, и пахать на заводскомъ полѣ, и дрова возить, и пахать, и колоть, и рубить; тамъ же находятъ работу себѣ и бондарь, и кирпичникъ, и слесарь, и плотникъ, Заводъ всѣмъ „дастъ“ заработокъ и ремесленникамъ, и мастеровымъ, и простымъ чернорабочимъ, ненаучившимся, никакой спеціальности. Мы можемъ указать цѣлые районы плотниковъ, кирпичниковъ, камельщиковъ и другихъ промышленниковъ обязанныхъ своимъ существованіемъ исключительно близости свекло-сахарныхъ заводовъ, гдѣ безпрестанно требуются такого рода рабочіе. Таковы, напр., плотники въ Дорогощанской, Грайворонской и Лисичанской волости, Грайворонскаго уѣзда, вызванные къ жизни головчанскимъ свеклосахарнымъ заводомъ Роттермундъ и Вейссе.

Изъ деревень, близко лежащихъ къ заводамъ, на заводскіе работы ходятъ буквально все—и старые, и малые... При составленіи подворной переписи въ такихъ деревняхъ, мы, дойдя до графы: отхожіе и мѣстные промыслы, не спрашивали уже крестьянина: „чѣмъ занимаешься кромѣ земледѣлія?“ какъ дѣлали это во всехъ другихъ мѣстахъ, а прямо ставили вопросъ: „сколько васъ человекъ изъ семьи на заводъ ходитъ?“—и никогда не ошибались при этомъ, никогда не получали отрицательнаго отвѣта. Напротивъ, категорическіе утвердительные отвѣты крестьянъ сплошь да рядомъ были такъ „утвердительны“, что намъ приходилось только удивляться и разводять руками. Въ семьѣ Ивана Васильева показано, напр., 4 человекъ, изъ которыхъ два рабочихъ (между 18—60 годами) и двое не-рабочихъ: дѣдъ шестидесяти пяти лѣтъ и дѣвочка десяти лѣтъ. Когда спросишь потомъ Ивана Васильева, сколько у него изъ семьи человекъ на заводъ и на бураки ходитъ, то онъ отвѣчаетъ: *четверо*, и обазывается по провѣркѣ, дѣйствительно, все четверо они работаютъ на заводѣ: хозяинъ самъ съ отцомъ—на производствѣ, а мать съ дочерью—на бураки ходятъ.

Нерѣдко случается, что контора завода, не будучи въ состояніи по тѣмъ или инымъ причинамъ засѣять всей своей земли свекловицею, сдаетъ часть ея крестьянамъ сосѣднихъ общинъ. Послѣдніе въ этомъ случаѣ всегда расплачиваются съ конторою не деньгами, а работой на заводѣ или на буракахъ, смотря потому, какъ и что предложитъ контора. Такъ, напр., Крупецкой заводъ кн. Барятинскаго, состоящій уже лѣтъ 15 въ арендѣ у г. Терещенко, снимаетъ въ настоящее время въ заповѣдной экономіи князя к1700 десятинъ земли; изъ этого числа пахотная вся засѣвается бураками, а сѣнокосная, въ которой контора не нуждается, сдается крестьянамъ. Жители села Локтя, Крупецкой вол., брали въ истекшемъ 1884 г. у конторы завода покосу 59 дес. за 386 руб. 20 коп. Уплата, по условію, должна бы была производиться въ два срока: до 29 іюня, т. е. до начала покоса и по окончаніи

его неустойка 300 рублей; сѣно свозить домой безъ разрѣшенія конторы нельзя; въ противномъ случаѣ, взыскивается въ пользу конторы по 10 руб. съ воза. Такъ какъ, читаемъ мы далѣе въ условіи, крестьяне не въ состояніи платить конторѣ денегъ за арендованный покосъ, то они берутся за него отработать 451 день на прорывкѣ свекловицы, считая по 20 коп. въ день (обыкновенная же плата на прорывкѣ—25—30 коп. въ день),—всего на сумму 138 р. 40 коп. и перевести въ Крупецкой сахарный заводъ на своихъ лошадяхъ 10380 пуд. свекловицы съ заводскихъ плантацій по 1½ коп. съ пуда (5—7 верстъ), на сумму 150 р. 60 к.; всего же отработокъ на 386 р. 20 коп. Кроме того, крестьяне пожелали еще, чтобы упомянутые 59 дес., послѣ того, какъ съ нихъ снимутъ сѣно, были отданы имъ подъ пастбище, за что обязались отработать на буракахъ еще 460 женскихъ дней, которые назначаются по требованію заводской конторы въ теченіе всего лѣта.

Съ теченіемъ времени крестьяне одной батрачной работой на заводѣ и буракахъ перестали удовлетворяться. Видя, что заводы нуждаются для своего производства въ свекловицѣ, они сами по нѣкоторымъ мѣстамъ стали разводить ее на своихъ надѣльныхъ земляхъ, усадебныхъ и пахатныхъ, и сбывать на заводы по цѣнѣ сравнительно очень выгодной и высокой. Впрочемъ, посѣвъ свекловицы крестьянами на своихъ земляхъ практикуется, далеко не при всѣхъ заводахъ. Насколько намъ извѣстно изъ данныхъ, имѣющихся въ статистическомъ бюро, культура свекловицы практикуется только при 5 заводахъ: въ Путивльскомъ уѣздѣ—при Шалыгинскомъ и Крупецкомъ кн. Вярятинскаго, находящихся въ арендѣ у г. Терещенко; въ Рыльскомъ уѣздѣ—при Теткинскомъ заводѣ, по волости Коровяковской; въ Грайворонскомъ—при Головчанскомъ заводѣ Роттермундъ и Вейссе, въ слоб. Головчиной, и въ с. Нижегородли, Купинской вол., Корочанскаго уѣзда, при заводѣ г. Ребиндера.

Въ Крупецкой волости засѣвается подъ бураки, по показаніямъ самихъ крестьянъ (по даннымъ 1884 г.).

въ с. Круицѣ	-	-	-	-	-	175 дес.
„ с. Локтѣ	-	-	-	-	-	157 „
„ д. Воронкѣ	-	-	-	-	-	146 дес.
„ д. Обестѣ	-	-	-	-	-	75 „
„ д. Успѣнской	-	-	-	-	-	20 „
„ д. Ново-Николаевской	-	-	-	-	-	33 „
„ д. Труфановкѣ	-	-	-	-	-	37 „
„ Нехаевкѣ	-	-	-	-	-	78 „
					Итого	- - 721 дес.

Въ Шалыгинской волости:

въ с. Шалыгинѣ	-	-	-	-	-	150 дес.
„ с. Ковенкахъ	-	-	-	-	-	90 „
„ д. Вшивкѣ	-	-	-	-	-	20 „
„ д. Городищахъ	-	-	-	-	-	18 „
„ с. Козинѣ	-	-	-	-	-	68 „
„ с. Стариковой	-	-	-	-	-	50 „
„ д. Екатериновкѣ	-	-	-	-	-	40 „
„ д. Елизаветиной	-	-	-	-	-	70 „
„ д. Сучкиной	-	-	-	-	-	45 „
„ д. Эмадыкиной	-	-	-	-	-	14 „
„ д. Мишутиной	-	-	-	-	-	19 „
„ с. Гудовѣ и Матвѣевкѣ	-	-	-	-	-	38 „
					Итого	- - 622 дес.

Въ Коровяковской волости, Рыльского уѣзда:

въ д. Заболотской	-	-	-	-	-	50 дес.
„ д. Козыревкѣ	-	-	-	-	-	20 „
„ д. Коровяковкѣ	-	-	-	-	-	50 „
					Итого	- - 120 дес.

въ с. Нижегородли, Корочанскаго уѣзда	-	40 дес.
„ с. Головчинѣ, Грайворонскаго уѣзда	-	110 дес.

А всего, по всемъ 5 районамъ, свекловицей засѣвается въ настоящее время 1613 дес.

Сначала дѣло разведенія свекловицы было не организовано; каждый домохозяинъ сѣялъ и сбывалъ на заводъ свекловицу самъ по себѣ, независимо отъ своихъ сосѣдей-однодеревенцевъ, и каждый вмѣстѣ съ тѣмъ заключалъ съ конторою завода особое условіе. Въ настоящее же время крестьянская культура свекловицы получила прочную и строгую организацію; свекловичный посѣвъ производится теперь крестьянами повсюду подъ круговой порукой, при чемъ въ артели участвуетъ или вся община, всѣ надѣльные и лошадные домохозяева деревни, или же только нѣкоторые изъ нихъ, по своему желанію. Последнее встрѣчается гораздо чаще. Дѣлается это обыкновенно такимъ образомъ: каждую весну, въ мартѣ мѣсяцѣ, незадолго до посѣва свекловицы, сельскій староста сначала опрашиваетъ на сходѣ всѣхъ домохозяевъ, сколько каждый изъ нихъ нагѣревается посѣять свекловицы; затѣмъ составляется общая вѣдомость по всему селенію и представляется, вмѣстѣ съ общественнымъ приговоромъ, въ контору завода, которая выдаетъ крестьянамъ задатки подъ будущій урожай, подъ круговой отвѣтственностью всѣхъ подписавшихъ приговоръ. Задатокъ обыкновенно равняется $\frac{1}{4}$ того, что, по приблизительному минимальному расчету, будетъ стоить весь урожай бураковъ на крестьянскихъ земляхъ; а приблизительный расчетъ этотъ основывается на слѣдующихъ данныхъ: предполагается, что на каждой десятинѣ крестьянскихъ земель родится, минимум, въ годъ около 50 берковцевъ; за 1 берковецъ заводъ платитъ обыкновенно отъ 1 руб. до 1 руб. 10—20 коп.; стало быть, на каждую десятину, посѣянную бураками, заводъ выдаетъ 10—14 рублей. Въ с. Локтѣ, въ истекшемъ 1884 году было засѣяно бураками 147 дес. крестьянской земли, и староста получилъ весною съ

конторы завода задатокъ въ 2100 рублей. Задатокъ обыкновенно всецѣло поступаетъ въ уплату податей за первую половину текущаго года и въ счетъ недоимокъ прошедшаго полугодія. Оттого ни въ одной деревнѣ, гдѣ крестьяне занимаются культурой свекловицы, за обществомъ не накапливается никогда неоплатныхъ недоимокъ. Остальную часть суммы, слѣдующей каждому домохозяину за бураки, заводъ выплачиваетъ послѣ урожая, и тогда уже отдастъ всѣ деньги каждому на руки. Въ Крупецкой и Шалыгинской вол., лѣтъ 5 тому назадъ, и эти остальные деньги проходили обыкновенно черезъ руки старосты, который отчислялъ изъ нихъ подати за второе полугодіе, но при новомъ становомъ приказѣ порядокъ этотъ измѣнился, свободнѣе стало, какъ выражаются крестьяне, — можно думать, потому, что оказалось, что первый задатокъ въ состояніи покрыть весь годовой окладъ податей. Какъ бы то ни было, но теперь уже нигдѣ окончательная расплата за бураки не производится черезъ старосту; крестьяне всегда сами получаютъ деньги изъ конторы завода безъ всякаго посредничества.

При посѣвѣ свекловицы, крестьяне заключаютъ обыкновенно съ конторою завода договоръ, свидѣтельствующійся мѣстнымъ волостнымъ правленіемъ. Для иллюстраціи условій, которыя ставятся при этомъ со стороны конторы, приведемъ здѣсь одинъ изъ такихъ договоровъ.

„Мы, нижеподписавшіеся, крестьяне д. Заболотовой, Коромѣвской волости, Рыльскаго уѣзда заключили договоръ съ конторою Теткинскаго свекло-сахарнаго завода, въ томъ, что: 1) мы обязываемся засѣять на своей землѣ купленными въ конторѣ сѣянками бѣлой, сахарной свекловицы на 50 десятинахъ своей надѣльной земли; при чемъ, весь урожай свекловицы безъ остатка принадлежитъ свекло-сахарному заводу; 2) мы, крестьяне, не въ правѣ продать ничего изъ будущаго урожая свекловицы куда-нибудь на сторону, помимо конторы завода; 3) посѣвъ свекловицы обязываемъ производить рядами и тщательно обрабатывать землю, если первый

посѣвъ будетъ уничтоженъ насѣкомыми какъ-то: — мошкою, червемъ, то мы должны, не упуская времени, засѣять тоже количество десятинъ во второй разъ, не спрашивая за то у конторы никакого дополнительнаго платежа; 4) контора имѣетъ право наблюдать и контролировать нашъ посѣвъ; 5) свекловица не принимается конторою завода съ низменныхъ, болотистыхъ, торфяниково-выхъ, гноевыхъ, огородныхъ и садовыхъ мѣстъ, а также и съ полей по свѣжему удобренію и бывшихъ подъ коноплинникомъ; 6) обязуемся начинать копку непремѣнно съ 1 сентября, или ранѣе.—по требованію экономіи; 7) какъ обработка, такъ равно и копка и доставка свекловицы на заводъ, производится нами, крестьянами, за нашъ счетъ; 8) свекловица должна быть представлена на заводъ очищенной, и при томъ не гнилой, не мерзлой или вялой, а свѣжей, только что вынутой изъ земли; 9) вѣсъ всего транспорта опредѣляется по вѣсу одного воза, выбраннаго конторою изъ 10 разомъ привезенныхъ возовъ; 10) когда свекловица будетъ принята заводомъ, то возчики сами должны сложить ее въ бурты; 11) самый поздній срокъ доставки свекловицы на заводъ—15 ноября; 12) Цѣна каждому доставленному крестьянами берковцу (11—12 пудовъ) 90 коп. Затѣмъ слѣдуютъ подписи крестьянъ и управляющаго конторою завода.

Приблизительно такія же условія заключаются съ крестьянами и на всѣхъ другихъ заводахъ. Единственная разница заключается развѣ въ томъ, что нѣкоторые другія заводскія конторы прописываютъ въ условіи цѣну, назначаемую ими за сѣмяна (6 р. 50 к. берковецъ), и, кромѣ того, цѣна за пудъ бураковъ не вездѣ одинакова: въ сл. Головчиной, напр., заводъ принимаетъ бураки по 10 за пудъ, въ Крупецѣ и Шалыгинѣ—по 9—10 коп. и т. д.

Крестьяне находятъ разведеніе свекловицы дѣломъ болѣе выгоднымъ, сравнительно съ другими заработками, но къ сожалѣнію заниматься имъ могутъ далеко не всѣ домохозяева, потому что свекловица—растеніе нѣжное, капризное, требуетъ сильнаго удобренія, а крестьянину тѣхъ мѣстностей, гдѣ существуютъ свекло-

сахарные заводы, скота держать много невозможно по причинѣ недостатка сѣвныхъ угодій. Подъ бураки же приходится класть, по словамъ крестьянъ, не менѣе 400—600 пудовъ. При такихъ условіяхъ, дѣло разведенія свекловицы на крестьянскихъ земляхъ разумѣется, не можетъ идти и развиваться успѣшно. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ (д. Воронокъ и Локоть, напр.), увлекаясь значительнымъ доходомъ, который приноситъ свекловичная плантація, крестьяне валиятъ положительно весь свой навозъ подъ свекловицу, ничего не оставляя подъ хлѣбные злаки; такое веденіе хозяйства конечно, губительно отражается на урожаяхъ хлѣбовъ, и истощаетъ почву. Крестьяне и сами прекрасно видятъ и понимаютъ это и тѣмъ не менѣе, очертя голову, плывутъ по теченію и продолжаютъ свозить все удобреніе на плантаціи въ ущербъ полевой землѣ. Въ погонѣ за заработкомъ они готовы бы были, кажется, обратить все свои поля въ свекловичныя плантаціи, если бы была къ тому какая-нибудь возможность, если бы хватало навоза для сильнаго удобренія всѣхъ полевыхъ участковъ. При настоящемъ малоземельи и съ каждымъ годомъ увеличивающемся народонаселеніи, нужда среди крестьянъ обостряется все болѣе и болѣе. Земля одна, одна культура полевыхъ хлѣбныхъ злаковъ уже не въ состояніи прокормить населеніе — и волей неволей оно должно искать постороннихъ источниковъ для покрытія ежегодно образующихся дефицитовъ. Но какъ кустарные, такъ и отхожіе промыслы находятся у насъ въ Курской губерніи, точно также, какъ и во всей черноземной полосѣ Россіи, еще въ первобытномъ, зачаточномъ состояніи. Задержанные крѣпостнымъ правомъ у сохи и бороны, крестьяне здѣшніе еще не успѣли выработать въ себѣ промышленныхъ привычекъ, и зачастую, при всемъ своемъ желаніи промыслить чѣмъ-нибудь лишнюю копѣйку, не могутъ этого сдѣлать, не видятъ и не находятъ для этого никакихъ средствъ. Зачастую можно видѣть у насъ, что крестьяне живутъ близъ прекрасной горшечной или даже фаянсовой глины, и имѣютъ возможность безплатно доставать ее — и тѣмъ не менѣе, никому изъ нихъ и въ

голову не придетъ, что глиной этой можно пользоваться и выручать на ней порядочный заработокъ. Точно также плохо организованы и отхожіе промыслы. По даннымъ нашихъ по-уѣздныхъ частныхъ сборниковъ оказывается, что въ нашей губерніи число промышленниковъ, уходящихъ на косолицу слишкомъ велико сравнительно, напр., съ бондарями, колесниками и другими представителями промысловъ—спеціальностей, которые требуютъ большого навыка и продолжительно предварительнаго обученія.

Въ виду всего этого, вслѣдствіе неорганизованности нашихъ промысловъ и отсутствія промышленныхъ привычекъ среди здѣшняго населенія, крестьяне ближайшихъ къ заводамъ деревень съ большою охотой принялись за разведеніе свекловицы на своихъ земляхъ, когда имъ было предложено это отъ заводскихъ конторъ. Свекловичная культура вездѣ прививается среди крестьянъ прочно и хорошо по двумъ причинамъ: во—первыхъ, потому, что она даетъ имъ очень выгодный заработокъ, и во вторыхъ, потому, что культура эта—*земледѣльческая* и, стало быть, не идетъ въ разрѣзъ съ исконными привычками населенія, испоконъ вѣковъ знавшаго одну только землю и ею всегда кормившагося.

Въ вопросѣ объ удобреніи свекловичныхъ плантацій интересы крестьянъ сталкиваются съ интересами заводовладѣльцевъ. Известно что вполнѣ доброкачественная, обладающая въ значительномъ количествѣ сахаристыми веществами, свекловица родится только на хорошо унавоженной черноземной почвѣ, но при этомъ необходимо, чтобы навозъ этотъ совершенно перегнилъ, пролежалъ въ землѣ цѣлый годъ; въ противномъ случаѣ, если посѣять свекловицу по свѣжему навозу, она будетъ жирна и водяниста, но % сахара въ ней будетъ значительно меньше. Въ интересахъ сахарозаводчиковъ, конечно, чтобы крестьяне сѣяли не на свѣжеудобренной землѣ, потому что тогда за одну и ту же цѣну съ берковца они получаютъ при меньшемъ вѣсѣ, — большее количество сахара; въ этомъ случаѣ свекловица получается не жирная и не сочная, но за то

болѣе сахаристая, и съ десятины ее собирается не больше 100 берковцевъ. Для крестьянина же, какъ для продавца, не важно, что его свекловица не будетъ содержать высшаго процента сахаристыхъ веществъ; для него важно только одно, это то, чтобы свекловица его больше вѣсила, чтобы она была какъ можно жирнѣе, чтобы съ десятины взять не 100, а, по крайней мѣрѣ, 120—150 берковцевъ. Отсюда и является столкновеніе противоположныхъ интересовъ сахарозаводчиковъ и крестьянъ. Конторы завода стараются всѣми силами помѣшать крестьянамъ сѣять свекловицу на свѣжеудобренныхъ почвахъ; онѣ посылаютъ особыхъ надсмотрщиковъ по деревнямъ, чтобы надсматривать за посѣвами крестьянъ, включаютъ—какъ мы видѣли выше—въ договоръ съ крестьянами особый пунктъ относительно того, чтобы они не сѣяли свекловицу на садовыхъ, огородныхъ и др. жирныхъ почвахъ; сплошь да рядомъ не принимаютъ отъ крестьянъ свекловицу, если она окажется слишкомъ жирной и водянистой. Но крестьяне тѣмъ не менѣе постоянно обходятъ это условіе и сѣютъ на свѣжеудобренныхъ земляхъ,—съ одной стороны, въ тѣхъ видахъ, чтобы увеличить количество свекловицы, получаемое съ десятины, а съ другой—и потому, что не могутъ, по своему малоземелью, оставлять въ теченіе цѣлаго года залужаемымъ участкомъ земли, предназначенной подъ свекловицу.

Сѣмена свекловицы, какъ мы уже выше говорили, берутся крестьянами на заводахъ. На 1 десятинѣ высѣвается обыкновенно отъ 1½—2 пуд., такъ что обсеменить каждую десятину стоитъ около 10 р. Заводы отпускаютъ имъ сѣмена обыкновенно въ кредитъ впередъ до урожая; въ противномъ случаѣ, вѣроятно, большая часть домохозяевъ занимающихся этою культурой принуждены были бы отказаться отъ посѣва бураковъ на своихъ земляхъ, потому что располагать свободными деньгами, затрачивать разомъ 5—10 руб. на покупку бураковъ могутъ лишь весьма немногіе, — особенно же весной, когда крестьянину и безъ того приходится очень трудно, такъ какъ и хлѣбъ въ сусѣкахъ и сѣно въ сарагахъ къ этому времени обыкновенно подбирается.

Пашутъ подъ бураки первый разъ ранней весной, какъ только сойдетъ снѣгъ; вслѣдъ затѣмъ скородятъ и черезъ 3—4 дня опять перепахиваютъ: затѣмъ дѣлаютъ сохою межи по всей полосѣ, по гривкамъ, которыя тутъ же запахиваются. Конторы завода на своихъ земляхъ пашутъ плугами, а для скородьбы употребляютъ желѣзные бороны; крестьяне же все это продѣлываютъ своей излюбленной сохой и простой деревянной бороной. Оттого на крестьянскихъ земляхъ буракъ получается обыкновенно мельче и хуже по своему качеству, чѣмъ на земляхъ заводскихъ. Одна десятина на крестьянской запашкѣ даетъ обыкновенно 100 берковцевъ чистой свекловицы, на заводскихъ же плантаціяхъ отъ 120—170 берковцевъ, а „къ году“, при хорошемъ урожаѣ и до 200 берковцевъ. Убирать бураки, кончатъ ихъ начинаютъ обыкновенно около 15 сентября; копка продолжается 1½—2 недѣли. Тотчасъ же послѣ этого бураки отвозятся на заводъ и сдаются по квитанціямъ въ заводскую контору, гдѣ и производится окончательный расчетъ за нихъ.

Всего засѣвается бураками въ крестьянской надѣльной земли въ указанныхъ 5 районахъ, по нашимъ статистическимъ даннымъ до 1613 дес. Если каждая десятина можетъ дать, при среднемъ урожаѣ, до 100 берковцевъ, то всѣ 1613 десятинъ даютъ, стало быть, ежегодно около 1,613,000 берковцевъ, или 19,456 тыс. пудовъ, на сумму 1,774,300 руб. Это—общая сумма производства, валовой доходъ крестьянъ, занимающихся свекловичной культурой. Чистый же доходъ ихъ будетъ равняться 1,758,170 руб., не считая здѣсь обработки и уборки, которая производится всегда силами своей семьи.

Всѣхъ дворовъ, занимающихся культурой свекловицы, въ указанныхъ мѣстахъ считается до 10,000. Стало быть, каждый изъ нихъ въ годъ получаетъ дохода, въ среднемъ, около 175 рублей, а за исключеніемъ расходовъ на обѣщаніе—170 руб.

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

Страница.	Строка.	Напечатано.	Слѣдуетъ.
2	7 снизу	7,9	7,7
72	1 снизу	по 40 к.	по 1 р. 60 к.